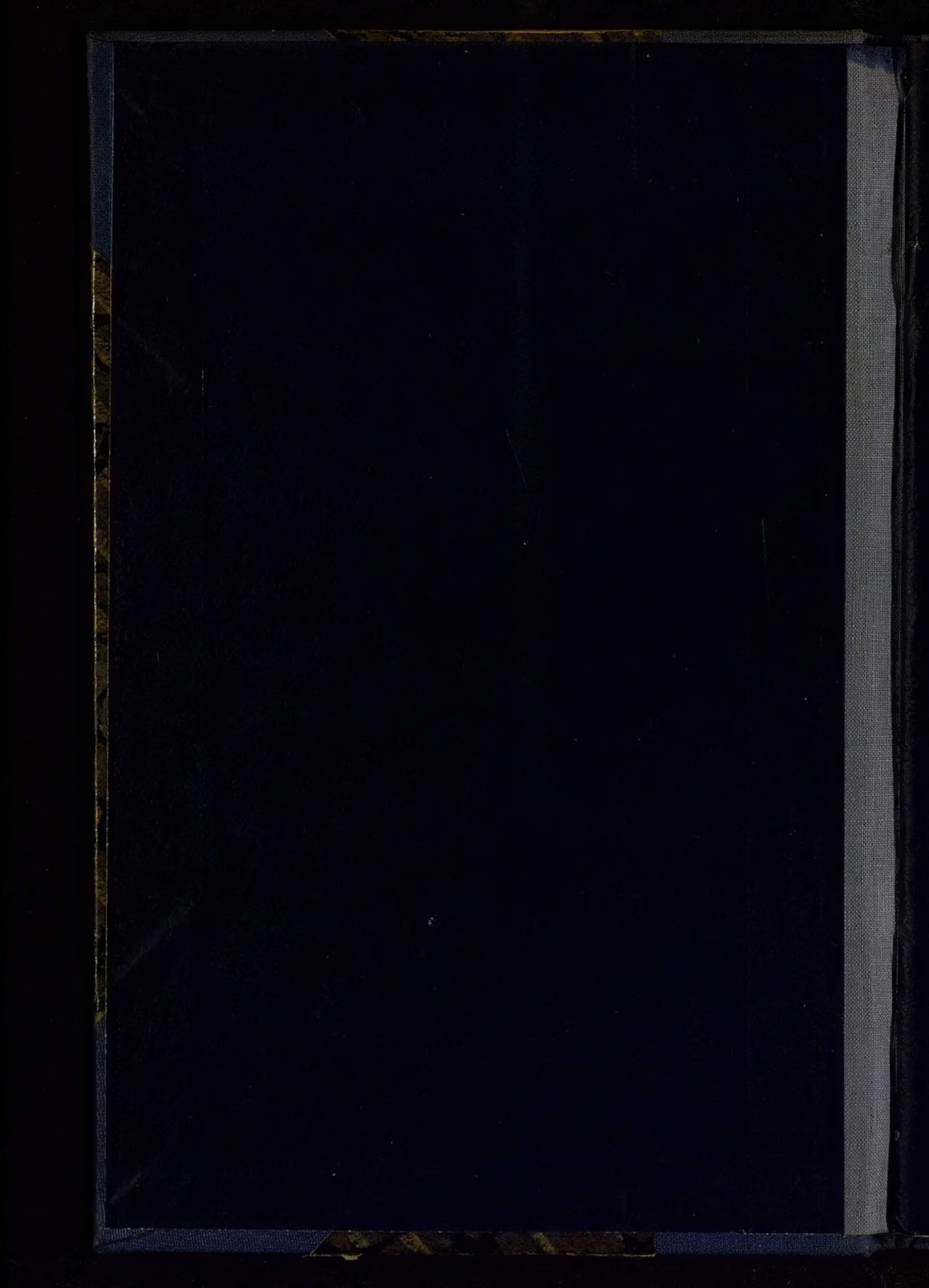
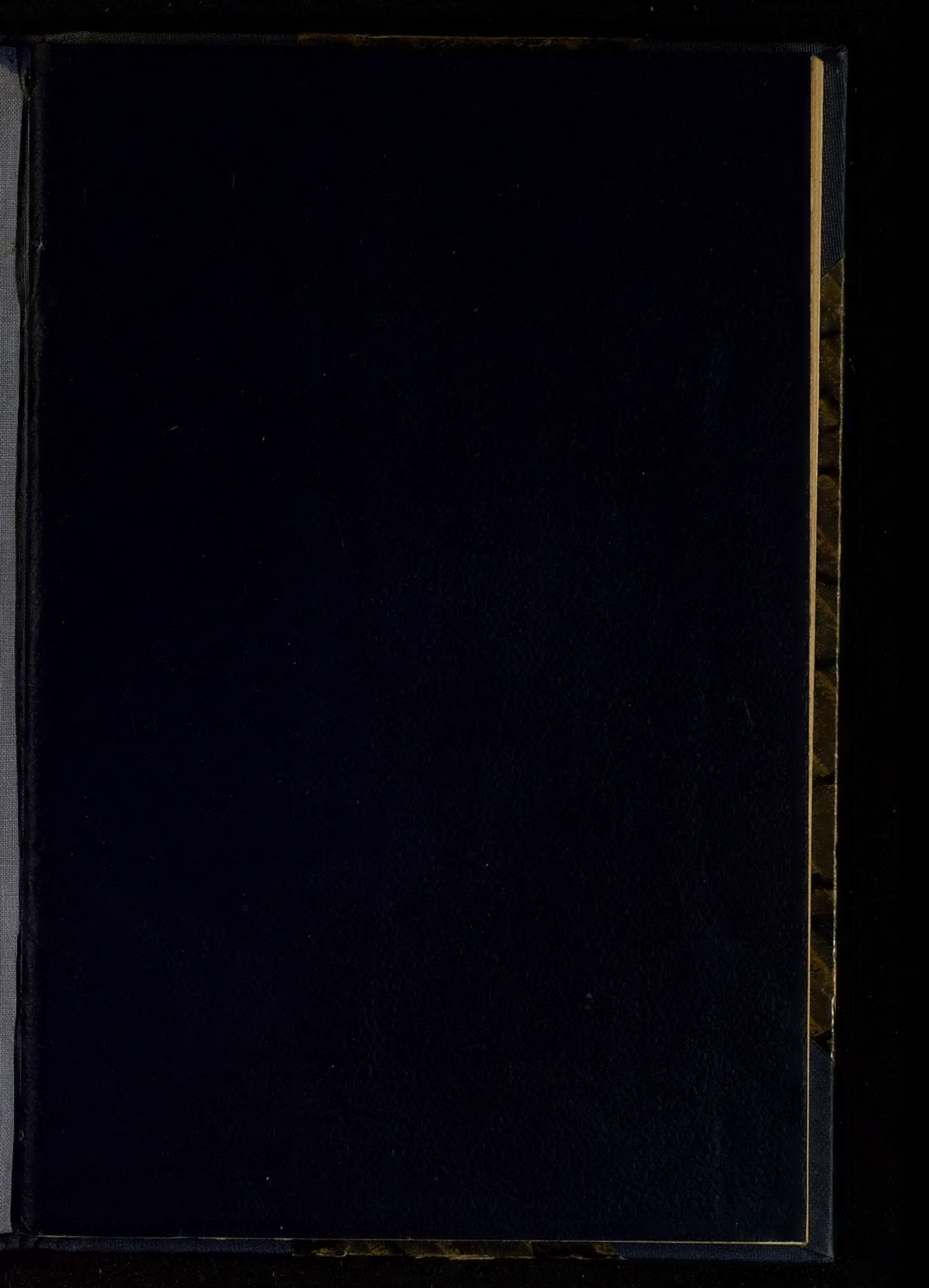
Васильевъ

Оппозиція

Н. Н. ВАСИЛЬЕВЪ

(Авторъ „Правды о кадетахъ“.)

„Оппозиція“

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1910.

П. П. ВАСИЛЬЕВЪ

(Авторъ „Правды о кадетахъ“).

„Оппозиція“

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1910.

I.

Есть человѣкъ и есть „человѣкъ“ въ ковычкахъ. Между ними большая разница. Совершенно такая же разница между оппозиціей и „оппозиціей“ въ ковычкахъ. У насъ нѣтъ оппозиціи, а, при условіи, что думское большинство, по крайней мѣрѣ, въ основныхъ вопросахъ идетъ рука объ руку съ правительствомъ, и не можетъ ея быть въ настоящее время.

Оппозиція—терминъ спеціальный. Не всякій, кто, напримѣръ, какъ графъ Уваровъ, выскакиваетъ съ разными смѣшными претензіями, есть уже оппозиція. Не оппозиція и тѣ, кто, напримѣръ, какъ г. Кутлеръ, сидитъ на лѣвыхъ скамьяхъ только потому, что не удалось попасть на министерскія. Не оппозиція и тѣ, кто, гдѣ бы ни сидѣлъ, ежеминутно подмигиваетъ влѣво, надѣясь хоть такимъ путемъ набить себѣ цѣну, въ случаѣ, если правительство, въ самомъ дѣлѣ, испугается.

Оппозиція, повторяемъ, терминъ спеціальный. Это—дитя парламентаризма. Тамъ, гдѣ правительство становится у власти, вмѣстѣ съ политическими группами, выдѣлившими его изъ своей среды, остальныя группы, остающіяся не у дѣлъ, имѣютъ все значеніе полюса, противоположнаго полюсу правительственному. Это и есть оппозиція. Но въ парламентарныхъ стра-

нахъ всякая партія можетъ разсчитывать на то, что когда нибудь придетъ и ея часъ. Слѣдовательно, во первыхъ, всякая оппозиція, дѣйствительно, сознаетъ себя отвѣтственной и потому какія бы палки ни вставляла она въ колеса правительства, она никогда не забудетъ, что когда-нибудь и сама можетъ сдѣлаться правительствомъ; во вторыхъ, она опредѣленно стоитъ на пути законной, чисто парламентской дѣятельности; при всемъ своемъ недоброжелательствѣ къ данному правительству, она ни на минуту не отрѣшается отъ государственныхъ точекъ зрѣнія. Если временами та или другая парламентская партія сбивается съ этой обязательной для оппозиціи дороги, то этимъ она лишь показываетъ, что, въ дѣйствительности, она уже перестала надѣяться быть правительствомъ и изъ роли оппозиціонной группы переходитъ на роль группы революціонной.

Оппозиція можетъ быть и тамъ, гдѣ нѣтъ парламентаризма. Но тутъ ея роль и много сложнѣе, и труднѣе. Чтобы не сбиваться на путь революціонный, ей нужно выступить съ такой программой, которая сама по себѣ опредѣляла бы, что рѣчь идетъ не о борьбѣ за власть, а о двухъ совершенно различныхъ мірахъ. Таковы, напримѣръ, нѣмецкіе соціалисты. Они, конечно, не отказались бы отъ власти, если бы имъ предложили ее, но ихъ дѣйствительная цѣль — не власть сама по себѣ, а коренное переустройство общества. Борятся они не противъ германскаго государства, далеко не всегда борятся они и противъ стоящаго у власти правительства. Они борятся за то, что считаютъ своимъ идеаломъ, за то новое, пока несуществующее общество, въ возможность образо-

ванія котораго они вѣрятъ, хотя бы очевидность была и противъ нихъ.

Посмотримъ теперь, что дѣлается на нашихъ лѣвыхъ скамьяхъ. Нужно ли говорить о той небольшой, но, правда, прелюбопытной компаніи, которая претитъ даже такому любителю всякаго революціоннаго сброда, какъ г. Милюковъ? Вотъ „эсъ-деки“, дюжина малограмотныхъ межеумковъ, о которыхъ достаточно сказать, что и самому безобидному въ политическомъ отношеніи почтовому вѣдомству они отказываютъ въ ассигнованіяхъ, пока Россійское государство не приметъ выработаннаго г. Чхеидзе и его друзьями рецепта противъ всѣхъ политическихъ и соціальныхъ недуговъ. Всѣ эти всколоченныя фигуры являются на думской трибунѣ въ роли совершеннѣйшихъ шутовъ, и даже кадеты, посылая имъ воздушные поцѣлуи, не могутъ удержаться отъ иронической улыбки, слушая ихъ ораторовъ.

А вотъ другая группа межеумковъ: трудовики и прикрываемые ими „эсъ-эры“, т. е. просто бомбисты. У этихъ на все одинъ отвѣтъ: ограбить, убить, разорвать въ клочья. Кстати: въ то время, какъ „эсъ-деки“ почти всѣ до одного обладаютъ рѣзкими, визгливыми голосами, трудовики и „эсъ-эры“, наоборотъ, отличаются голосами хриплыми, съ хронической сипотой. Оно и понятно: первые слишкомъ привыкли визжать на своихъ товарищескихъ дискуссіяхъ; вторые же попростудились, когда, прячась по овинамъ, подготовляли грабежи и поджоги. Что угодно, но ни тѣ, ни другіе—не оппозиція.

Кто же еще остается тамъ, на этихъ лѣвыхъ скамьяхъ? Поляки, мусульмане, кадеты и мирнообновленцы, съ примыкающими къ нимъ. Какъ

это ни странно, но хоть нѣкоторый обликъ дѣйствительной оппозиціи имѣютъ только поляки. Они—опредѣленные недруги русскаго государства, но они этого и не скрываютъ. Они стоятъ на совершенно практической и весьма узкой платформѣ. Они, съ ихъ точки зрѣнія, представляютъ въ Думѣ польскій народъ, какъ особый народъ, задача котораго взять отъ русскаго народа все, что можно, и въ благодарность бросить ему въ лицо нескрываемое презрѣніе. Пока рѣчь идетъ о томъ, что непосредственно не касается поляковъ, польское коло держится системы давать свои голоса тѣмъ, кто въ данную минуту можетъ имъ больше пригодиться. Когда же вопросъ ставится о предметахъ, такъ или иначе задѣвающихъ польскіе интересы, они выступаютъ съ рѣчами, имѣющими весь смыслъ дипломатическихъ переговоровъ. Требуютъ много больше, чѣмъ могутъ разсчитывать получить, но бьются безъ устали, пока не вырвутъ хоть клокъ шерсти. Съ гордой улыбкой людей, нескрывающихъ, что считаютъ себя болѣе высокой расой, они послѣ боя спокойно возвращаются на свои скамьи, и вновь ждутъ случая, не удастся ли опять вырвать хоть какой нибудь клокъ.

Непримиримые въ первой Думѣ, занявшіе рѣшающее положеніе во второй Думѣ, поляки третьей Думы уже, какъ извѣстно, неоднократно мѣняли фронтъ. Было бы непростительной наивностью думать, что измѣнилось существо польскихъ взглядовъ. Измѣнилась лишь тактика. Воинственная поза, принятая поляками въ началѣ работъ Думы третьяго созыва, силой обстоятельствъ, должна была превратиться въ выжидательную, а когда обстоятельства опре-

дѣлили, что остается только просить и торговаться, они стали и просить, и торговаться. Нѣтъ—нѣтъ да проскочитъ старая нотка вызывающей требовательности. Но она слишкомъ не въ тонѣ третьей Думы и потому пускается лишь тогда, когда уже никакая дипломатія не помогаетъ, когда уже ясно, что и клока русской шерсти не будетъ.

И поляки, конечно, не оппозиція въ точномъ значеніи даннаго слова, такъ какъ, при ихъ отношеніи къ своему пребыванію въ Думѣ, они именно—только особые представители польскаго народа, а вовсе не участники въ дѣятельности русской Государственной Думы. Но въ предѣлахъ такого своего взгляда на роль польскаго коло, поляки являются оппозиціей въ томъ смыслѣ, что они представляютъ собою какъ бы принципіальный противовѣсъ русскому общественному воззрѣнію на существо польскаго вопроса.

О мусульманахъ даже говорить неловко. Почему они сидятъ на лѣвыхъ скамьяхъ? Чтобы доказать правительству и благоразумной части русскаго общества вредъ полуобразованія? Въ то время, какъ основная масса пославшихъ ихъ избирателей, какъ была, такъ и остается совершенно лойяльной, твердо вѣрующей въ силу и мощь русскаго государства и вѣрноподданной Государя,—они, только потому, что успѣли понахвататься кое-какихъ вершковъ и считаютъ себя уже причастными къ „культурѣ“, вступаютъ въ единеніе съ опредѣленными врагами Монархіи, съ политическими интриганами, съ тѣми, кто всю задачу своей дѣятельности видитъ въ созданіи атмосферы, которая разрушала бы всякое уваженіе къ закону, къ власти,

къ первоосновамъ русской государственности. Какой выводъ можетъ сдѣлать изъ этого русское общество? Только единственный: если, дѣйствительно, мусульманскіе депутаты точно отражаютъ настроеніе русскихъ мусульманъ, то, слѣдовательно, всѣ разговоры о лойяльности мусульманъ — недоразумѣніе, и ничего не остается, какъ отнести ихъ къ типу такихъ же воинствующихъ инородцевъ, какъ напримѣръ, евреи; если же эти депутаты своимъ поведеніемъ въ Думѣ только клевещутъ на своихъ избирателей, то какіе же они представители населенія и можно ли считаться съ тѣмъ, что они говорятъ отъ имени пославшихъ ихъ?

Остаются, слѣдовательно, кадеты и мирнообновленцы. Они и составляютъ истинную основу того, что на языкѣ лѣвыхъ носитъ довольно гордое названіе оппозиціи, но что несомнѣнно заслуживаетъ лишь призрительнаго названія „оппозиціи“ въ ковычкахъ.

Но объяснимъ подробнѣе, по какимъ именно основаніямъ приходится заключить ихъ въ эти ковычки и почему, какъ мы въ томъ глубоко убѣждены, имъ никогда изъ нихъ не выбраться. По крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока они не откажутся отъ самихъ себя, вообще отъ всего того, что они дѣлали раньше и чему себя посвящаютъ въ настоящее время.

Вотъ эти основанія: они не политическіе дѣятели, а политиканы. Кто въ большей степени, кто въ меньшей, но вся та группа членовъ Думы, о которой мы сейчасъ говоримъ, по всей своей линіи, отъ мирнообновленцевъ до лѣвыхъ кадетовъ влючительно, занимается только политиканствомъ. Ихъ атмосфера — сплетни, кулуарные пересуды, мелкій сыскъ,

крохоборство. Этимъ однимъ они живы. Въ этомъ душа ихъ. Они такъ завязли въ этомъ болотѣ, что куда бы ни явились, за что бы ни взялись, отъ нихъ такъ и разитъ сплетней, инсинуаціей, крохоборствомъ. Прислушайтесь къ ихъ думскимъ рѣчамъ: начнутъ съ принципіальныхъ заявленій, укажутъ на горизонты самой необъятной широты, но кончатъ непремѣнно тѣмъ, что и самый вопросъ, о которомъ идетъ рѣчь, и всѣ свои принципы и горизонты сведутъ къ мелкой, жалкой сплетнѣ, и тутъ-то только и идетъ у нихъ „настоящее". Ораторъ оживляется, дѣлается краснорѣчивъ, глаза блестятъ, чувствуется, что вотъ, наконецъ, человѣкъ живетъ и очень доволенъ дѣлаемымъ имъ дѣломъ.

Принципы—у нихъ принципы сегодня одни, а завтра другіе, для однихъ — одни, для другихъ—другіе. Программа—ихъ программа, это сборная селянка. Соскоблить съ ихъ программы верхній весьма тонкій слой общихъ фразъ и тѣхъ освободительныхъ формулъ, которыя не имѣютъ безусловно никакой цѣны, такъ какъ и сами ихъ авторы не отрицаютъ, что вопросъ не въ принципахъ, а лишь въ предѣлахъ примѣненія таковыхъ на практикѣ,—и сейчасъ же оказывается, что ихъ программа есть ничто иное, какъ портфель, наполненный „дружескими" векселями. Чтобы изъ тьмы подполья выйти на арену политической жизни, они, у которыхъ за душой нѣтъ и никогда не было ничего своего, должны были строить свои разсчеты исключительно на кредитѣ. Почему разныя общественныя группы дали имъ „дружескіе" векселя—объяспить не трудно. Таковъ былъ историческій моментъ. Въ чиновника извѣри-

лись, откровеные бомбисты пугали, правительство колебалось и отъ рѣзкаго окрика легко переходило къ крайней уступчивости. Они же являлись въ ореолѣ „страдавшихъ“ за убѣжденія и казались тѣми новыми, хорошими людьми, которые знаютъ, что нужно странѣ и всѣмъ дадутъ именно то, что каждому нужно. Имъ повѣрили. Имъ повѣрили совершенно такъ же, какъ теперь, когда увидѣли, что это за публика, имъ не вѣрятъ.

А они всѣмъ и каждому обѣщали: бомбистамъ — амнистію, крестьянамъ — землю, приказчикамъ — воскресный отдыхъ, рабочимъ — восьмичасовый рабочій день, евреямъ — равноправіе, финляндцамъ — права особаго государства, полякамъ—широкую автономію и т. д., и т. д. Все роздали подъ обезпеченіе «дружескихъ» векселей, оставивъ себѣ только одно: власть. Но векселя — что такое векселя? Если ихъ нельзя учесть, это—испорченные листы бумаги. Мы знаемъ, какъ пламенно, какъ страстно, волнуясь и спѣша, то полные надеждъ, то близкіе къ отчаянію, стремились они учесть свои векселя. Изъ этого ничего не вышло, но это уже другой вопросъ.

Вотъ изъ этихъ то векселей и состоитъ вся программа. Чуть какой нибудь изъ векселедателей начинаетъ обнаруживать признаки нетерпѣнія, сейчасъ-же изъ портфеля, изъ подъ груды другихъ векселей, вытаскивается вексель забезпокоившагося векселедателя и кладется сверху. Зашевелится другой векселедатель — сверху кладется его вексель.

Конечно, и сказаннаго, въ сущности, достаточно, чтобы выяснить, почему этихъ господъ слѣдуетъ включить въ презрительныя

ковычки. Но это не все. За ними водятся и другіе грѣхи. Они—опредѣленные ненавистники основъ русской государственности. Для нихъ русское государство было бы только тогда «истиннымъ», если бы Монархъ являлся лишь номинальнымъ главой государства; дѣйствительная же власть должна быть, по ихъ мнѣнію, передана обществу, но подъ послѣднимъ они разумѣютъ исключительно себя, т. е. тѣхъ полупрофессоровъ, которые въ лицѣ Гессеновъ, Кокошкиныхъ, Гредескуловъ, Набоковыхъ, Фридмановъ, давно превратили аудиторіи въ мѣста, гдѣ наука самымъ пошлымъ образомъ подмѣнена упражненіями въ политическихъ пересудахъ; тѣхъ адвокатовъ, которые, въ лицѣ Винаверовъ, Гиллерсоновъ, Зарудныхъ, создали типъ адвоката-политикана; тѣхъ журналистовъ, которые, въ лицѣ всѣхъ 77 еврейчиковъ изъ «Рѣчи», низвели журналистику до орудія клеветы и мелкаго политическаго интриганства; тѣхъ просто «интеллигентовъ и общественныхъ дѣятелей», которые, въ лицѣ Петрункевичей, Головиныхъ, Бобянскихъ, главнымъ образомъ, извѣстны тѣмъ, что ихъ личныя дѣла устроены ими весьма недурно.

Какъ ближайшимъ образомъ стали бы они пользоваться властью—вопросъ, котораго, конечно, касаться не будемъ, ибо зачѣмъ говорить о томъ, что безусловно и ни при какихъ обстоятельствахъ невозможно. Но къ этому они стремятся, это одно—ихъ цѣль, и только съ точки зрѣнія этой цѣли оцѣниваютъ они ту русскую государственность, которая слагалась вѣками и которая составляетъ драгоцѣннѣйшее достояніе великаго народа русскаго.

А какъ они относятся къ православію? Лучшіе изъ нихъ ищутъ „юридической формулы“, которая опредѣляла бы въ Россіи положеніе православія, безъ ущерба, какъ они выражаются, для „истинной культуры“. Иными словами: то, что является всѣмъ для каждаго русскаго человѣка, они хотѣли бы отвлечь отъ души русской и выставить за скобки, куда то между костелами и еврейскими синагогами. Но это лучшіе изъ нихъ. Остальные, безъ дальнѣйшихъ церемоній, объявляютъ православіе первой помѣхой истинному прогрессу и увѣряютъ, что „настоящая“ государственность требуетъ такихъ законовъ, которые, всячески оберегая иновѣрныя и инославныя исповѣданія, дозволяли бы всѣмъ и каждому безпрепятственно издѣваться надъ православіемъ. Они готовы объявить культурнымъ исповѣданіемъ даже прыгуновъ и дыромоляевъ (провертятъ въ избѣ дырку и на нее молятся) лишь бы только бросить еще одинъ вызовъ православію.

Патріотизмъ они называютъ подлымъ чувствомъ. Взамѣнъ его они предлагаютъ „международный патріотизмъ“, совершенно также, какъ взамѣнъ ненавистной имъ русской національной идеи они предлагаютъ идею всенаціональнаго поглощенія русской народности.

Такимъ образомъ, если даже не разбираться въ вопросѣ о томъ, какъ глубоки ихъ связи съ революціоннымъ подпольемъ, ихъ личный обликъ таковъ, что нельзя сомнѣваться въ главномъ: ихъ стремленія противоположны тѣмъ, на которыхъ слагалась, окрѣпла, развилась и, конечно, будетъ развиваться и впредь русская государственность. Они, слѣдовательно, сами себя поставили въ положеніе, при которомъ

добиться того, чего они хотятъ, нельзя иначе, какъ опредѣленно революціоннымъ путемъ.

Революціонеръ не тотъ только, кто бросаетъ бомбы или грабитъ почту, чтобы на эти деньги устроить какой нибудь подкопъ. Вотъ эту мысль „оппозиція“ въ ковычкахъ охотно всячески тушуетъ. Такъ какъ, по преимуществу, нашу „оппозицію“ составляютъ люди съ замѣтными брюшками, на которыхъ болтаются желѣзнодорожные жетоны на безплатный проѣздъ по казеннымъ дорогамъ (оттого, между прочимъ, они усиленно ратуютъ въ Думѣ противъ „зайцевъ“), такъ какъ почти у всѣхъ у нихъ имѣются богатыя жены, а у иныхъ, сверхъ того, и богатыя „дамы сердца“, такъ какъ многіе изъ нихъ ѣздятъ въ собственныхъ каретахъ, то, конечно, когда имъ говорятъ: вы—революціонеры,—имъ стоитъ повернуть къ слушателямъ ихъ жирные подбородки и упитанныя щеки, и у многихъ невольно зарождается сомнѣніе: какіе же это революціонеры? На этихъ сомнѣніяхъ, собственно говоря, и разыгрывается „оппозиціонная“ симфонія. Между тѣмъ они, конечно, революціонеры, такъ какъ то, чему они учатъ, къ чему стремятся, помимо чего они перестали бы быть тѣмъ, что они есть,—можетъ осуществиться исключительно только путемъ революціи.

И они это знаютъ, и они къ этому ведутъ, и они поэтому не могутъ не вступать въ самое тѣсное единеніе съ революціоннымъ подпольемъ каждый разъ, когда къ тому представляется хоть сколько нибудь благопріятный моментъ. Въ случаѣ удачи, они, конечно, совершенно такъ-же пытались бы обмануть подполье, какъ теперь пытаются обмануть общество. Но это уже особый вопросъ. Насъ онъ интересуетъ мало.

II.

— Но все таки, не говорите,—у нихъ есть программа, очень опредѣленная программа...

Такъ, въ отвѣтъ на только что сказанное нами нерѣдко заявляетъ тотъ добродушный, рыхлый, мягкотѣлый русскій интеллигентъ, который, будучи въ душѣ совершеннѣйшимъ оппортунистомъ, любитъ на досугѣ помечтать о „всемъ высокомъ“ и „всемъ прекрасномъ“. У него на носу золотое пенснэ, на пальцахъ нѣсколько не особенно цѣнныхъ колецъ, гдѣ нибудь подъ Воронежомъ, или Черниговомъ запроданныя крестьянскому банку двѣсти десятинъ, а въ кабинетѣ, который ему нуженъ, главнымъ образомъ для того, чтобы было гдѣ спать послѣ обѣда, на почетномъ мѣстѣ лежатъ: „Журналъ для всѣхъ“, дающій за рубль въ годъ обязательныя для либеральныхъ гимназистовъ и для занимающихся саморазвитіемъ провинціальныхъ дѣвицъ формулы отношенія ко всѣмъ политическимъ и общественнымъ вопросамъ; книга г. Кони о докторѣ Гаазѣ, какое нибудь (ему все равно какое) произведеніе Максима Ковалевскаго, брошюра доктора философіи Пипкиса, подъ заглавіемъ „Бѣдный гонимый Израиль“ и непремѣнно цѣлая пачка объявленій отъ книгоиздательства „Свѣтъ и правда“, „Культурное

дѣло", „Всеобщее Просвѣщеніе" и т. д. Книги, рекламируемыя въ этихъ объявленіяхъ, хозяиномъ кабинета еще не выписаны, но, по его словамъ, онѣ будутъ выписаны, какъ только выпадетъ первая свободная минута. Нѣтъ, нѣтъ,—продолжаетъ онъ настаивать, несмотря на представляемые ему доводы.—Конечно, всѣ тамъ ихъ увлеченія и это глупое выборгское воззваніе, и вообще этотъ Милюковъ... Но нельзя же все-таки отрицать, что ихъ программа...

Хорошо. Обратимся къ болѣе подробному разсмотрѣнію этой программы. То основное, что въ ней есть, сводится къ убѣжденію, что русское государство должно быть обращено въ республику, во главѣ которой, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока опредѣлится, что народъ успѣлъ уже къ этому привыкнуть, можетъ оставаться наслѣдственный Императоръ. Но вѣдь нельзя высказывать такія желанія, не беря на себя всѣхъ вытекающихъ изъ нихъ слѣдствій. По мнѣнію носителей этой идеи, стоитъ только принять ихъ мысль, и вотъ какія блага проистекутъ изъ сего немедленно: рухнетъ бюрократическій строй, съ его чинами и классами должностей и соотвѣтственно расцвѣтетъ земскій строй; православная церковь займетъ подобающее ей мѣсто одного изъ исповѣданій, столь же свободнаго, сколь свободна человѣческая совѣсть; государственное управленіе перейдетъ изъ рукъ дворянства и придворныхъ чиновъ въ руки руководителей политическихъ партій, а, слѣдовательно, будетъ направляться въ полномъ соотвѣтствіи съ настроеніями парламентскаго большинства; окраины, которыя теперь, съ ихъ точки зрѣнія, только штыками вынуждаются къ повиновенію, будутъ чувствовать

свою органическую связь съ Россіей; наконецъ, экономическая жизнь страны расцвѣтетъ, потому что капиталъ и трудъ всегда тѣмъ энергичнѣе, чѣмъ болѣе увѣрены въ существованіи въ странѣ правового строя. Нечего и прибавлять, конечно, что немедленно же прекратится и холера, такъ какъ въ республикахъ холеры не бываетъ.

Вотъ и все. Остальное, отъ крупнаго до мелкаго, отъ политическаго шантажа, ежедневно практикуемаго такими изданіями, какъ „Рѣчь“ и „Новая Русь“ (расходясь по каждому пустяку, эти газеты солидарны, однако, во взглядахъ на значеніе для „независимой“ печати еврейскихъ банковъ) и кончая статьями, ежедневно высиживаемыми трудолюбивымъ Милюковымъ,— это уже не программа, а тактика.

Такимъ образомъ, слѣдовательно, и мы не споримъ, да и нельзя спорить, что у этихъ господъ есть программа. Но вѣдь съ этой точки зрѣнія, у кого ея нѣтъ? Развѣ у Бурцева ея нѣтъ? Рѣзвѣ у Желябова ея не было? И пусть намъ не говорятъ, что какой нибудь Желябовъ, если бы ему удалось использовать совершенное имъ злодѣяніе такъ, какъ онъ того хотѣлъ, не зналъ бы, что ему дѣлать. Онъ сдѣлалъ бы рѣшительно то же самое, что сдѣлалъ бы и г. Милюковъ съ своей компаніей, и такъ-же погибъ бы, среди вызванной имъ, еще неслыханной въ міровой исторіи всеобщей смуты, какъ погибъ бы г. Милюковъ со всѣми своими Гессенами.

Мало сказать: вотъ наша программа. Надо еще доказать, что это—дѣйствительно программа, а не собраніе тѣхъ полумыслей, которыя такъ легко вьются вереница за вереницей въ

головѣ человѣка, не умѣющаго думать и Хлестакова по всей природѣ своей.

Впрочемъ, не въ этомъ дѣло. Не будемъ входить въ дальнѣйшій разборъ только что изложенной программы. Но вѣдь не ее вовсе имѣетъ въ виду добродушный, рыхлый, мягкотѣлый интеллигентъ, который столь многознаменательно поджимаетъ губы, когда выражаетъ увѣренность, что „у нихъ, извините, все таки есть программа". Онъ вовсе не республиканецъ, этотъ интеллигентъ, да и никогда имъ не былъ и не будетъ. Онъ понимаетъ, что и при республикѣ будутъ полки чиновниковъ, а „земскій строй", который при республикѣ будетъ осуществляться земскимъ докторомъ Финкелькацомъ, акушеркой Задранцевой и Аникинымъ съ Нечитайломъ, пугаетъ его искренно. Онъ понимаетъ также, что, если серьезно начнутъ посягать на его сознаніе, что онъ русскій и православный, то онъ едва ли останется въ состояніи того мечтательнаго полусна, въ которомъ сейчасъ пребываетъ. Онъ понимаетъ и то, что, конечно, очень нехорошо, что сильные люди могутъ легче уходить отъ наказанія, чѣмъ простые обыватели, но онъ знаетъ по опыту, что ничего не можетъ быть горше какого нибудь Гредескула, когда надѣть на него брюки съ лампасами и треуголку съ плюмажемъ: этотъ ужъ до седьмого колѣна дойдетъ. Понимаетъ онъ, наконецъ, и то, что поляки, финляндцы, евреи, армяне, сколько имъ ни дай,—все возьмутъ, но непремѣнно тутъ же и тѣмъ съ большимъ успѣхомъ начнутъ доѣдать и то, что, за раздачей, останется.

Когда онъ говоритъ о „программѣ", то вовсе не идетъ такъ далеко. Онъ просто хочетъ,

чтобы Россія была такъ сказать Европой. Вотъ, напримѣръ, въ Берлинѣ: какіе тамъ швейцары въ гостинницахъ. Читаютъ газеты и вытираютъ при этомъ пенснэ батистовымъ платкомъ, а между тѣмъ какая исполнительность! Потеряешь багажъ—не успѣлъ пріѣхать въ гостинницу, уже доставили. Или, напримѣръ, какіе городовые въ Лондонѣ. Каждый почтовый чиновникъ въ маленькомъ нѣмецкомъ курортѣ—чуть ли не докторъ философіи. Ѣдешь по шоссе—не всколыхнетъ. Въ домѣ французскаго крестьянина не рѣдкость встрѣтить рояль. А какая у нихъ тамъ свобода. Печатаютъ, что хотятъ, говорятъ, что хотятъ, и никто этого не боится...

Вотъ, слѣдовательно, о какой программѣ говоритъ добродушный, рыхлый, мягкотѣлый интеллигентъ, когда утверждаетъ, что „у нихъ все таки есть программа“. Имѣется въ виду не тотъ государственный переворотъ, который составляетъ единственную цѣль дѣятельности этихъ господъ, а исключительно то ближайшее, реальное, что, повидимому, очень не трудно сдѣлать, и если не дѣлается, то лишь потому, что правительство, по его мнѣнію, охотнѣе слушаетъ доктора Дубровина, чѣмъ г. Милюкова, Максима Ковалевскаго, кн. Евгенія Трубецкого, генерала Кузьмина-Караваева, вообще тѣхъ, у кого „все таки есть программа“.

Но тутъ-то и начинается недоразумѣніе; именно программы въ этомъ болѣе опредѣленномъ, реальномъ смыслѣ ни у одной изъ группъ, составляющихъ „оппозицію“ въ ковычкахъ, нѣтъ да никогда и не было. Мало того: никогда и не могло быть, такъ какъ, въ силу изложенныхъ выше основныхъ стремленій, всецѣло владѣющихъ руководителями этихъ группъ, разъ

навсегда ими принятъ слѣдующій девизъ: „никакая спокойная, планомѣрная культурная работа невозможна, пока не будутъ въ корнѣ измѣнены общія условія русской государственной жизни“. Общія условія — то есть тотъ переворотъ, который составляетъ начало и конецъ всей „оппозиціонной работы“. Отсюда слѣдуетъ выводъ: вотъ когда тактика поможетъ достичь основной цѣли,—тогда, и только тогда будетъ поставленъ вопросъ о программѣ. Но не раньше. Раньше не стоитъ. Все равно безцѣльно.

Тактика—на первомъ мѣстѣ; программа—дѣло будущаго. Пока, т. е. впредь до наступленія этого будущаго, о программѣ, по ихъ мнѣнію, и говорить незачѣмъ. Все въ одной тактикѣ. Это и есть та ось, вокругъ которой вертится госпожа „оппозиція“ въ ковычкахъ.

Передъ духовными очами всѣхъ этихъ господъ яркой звѣздой горитъ только одна точка: Россія въ качествѣ страны съ парламентарнымъ строемъ, говоря проще—съ г. Милюковымъ въ должности предсѣдателя совѣта министровъ, съ г. Родичевымъ, г. Аджемовымъ, г. Винавероиъ въ званіи сенаторовъ, съ г. г. Гессеномъ 1-мъ въ должности министра юстиціи, Гессеномъ 2-мъ въ должности главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній, Гессеномъ 3-мъ въ должности Одесскаго градоначальника и Гессеномъ 4-мъ въ должности управляющаго государственнымъ банкомъ. Что же, спрашивается, препятствуетъ осуществленію этого блаженства, этихъ святыхъ и радостныхъ для многострадальной Россіи дней? Во первыхъ, конечно, правительство, во вторыхъ, то обстоятельство, что несомнѣнно подавляющее большинство русскаго

общества совершенно иначе смотритъ на весь этотъ вопросъ; въ третьихъ, то, что существуютъ историческія традиціи, глубокія народныя вѣрованія, словомъ, все такое, что на еврейско-кадетскомъ условномъ языкѣ опредѣляется, какъ „невѣсомыя цѣнности, къ сожалѣнію, требующія переоцѣнки“.

Съ другой же стороны, что, спрашивается, можетъ способствовать болѣе быстрому и успѣшному осуществленію все того же идеала? Во первыхъ, дѣятельность революціоннаго подполья; во вторыхъ, ненависть инородцевъ противъ основъ русской государственности; въ третьихъ, все то, что осталось въ наслѣдство теперешнему правительству отъ его предшественниковъ, жившихъ и дѣйствовавшихъ совершенно при другихъ условіяхъ и потому ко многому относившихся совершенно съ иныхъ точекъ зрѣнія; въ четвертыхъ, несомнѣнная темнота народныхъ массъ и полнѣйшая путаница понятій, составляющая основную черту городской и деревенской полуинтеллигенціи, т. е. класса и многочисленнаго, и въ своихъ кругахъ достаточно вліятельнаго; въ пятыхъ, то обстоятельство, что Россія не ушла отъ судьбы другихъ европейскихъ государствъ и находится подъ тяжкимъ, подчасъ нестерпимымъ гнетомъ еврейской печати.

Какъ, слѣдовательно, должна слагаться линія поведенія, т. е. именно тактика господъ, дѣлающихъ „оппозицію“? Очевидно, не иначе, какъ, такъ, чтобы, по возможности, стоящія на пути къ идеалу препятствія падали, а, съ другой стороны, чтобы, по возможности, усиливалось реальное значеніе всего того, что можетъ вообще или хотя бы только въ данную

минуту сыграть роль на политическомъ рынкѣ. Усиливая одно и опрокидывая другое, руководители всего этого темнаго дѣла тѣмъ ближе будутъ къ цѣли, чѣмъ удачнѣе разсчитаютъ свои удары. Разсчитывать-же имъ, главнымъ образомъ, нужно такъ, чтобы силы, имъ способствующія, сталкивались съ силами, имъ враждебными, но не задѣвали ихъ самихъ. Обществу должно казаться, что идетъ непрерывная внутренняя борьба, что борьба эта развивается органически, что за кулисами нѣтъ режиссеровъ и что, если вдругъ схватить того или иного главаря за руку, то никакихъ ниточекъ, приводящихъ въ движеніе механизмъ подделываемой борьбы, обнаружено быть не можетъ.

Но не надо преувеличивать. Такова только теорія. Таковъ лишь замыселъ этихъ господъ. Въ дѣйствительности же они слишкомъ мелки, чтобы стоило серьезно обсуждать практическую сторону вопроса. Сколько они ни кричатъ о томъ, что идетъ „перманентная внутренняя борьба", мало мальски подготовленные и освѣдомленные политическіе круги знаютъ и качество этой борьбы, и свойства этой „перманентности". Что же касается кулисъ, за которыми суетятся г. г. Милюковы и Винаверы, то не только самый фактъ режиссуры не составляетъ никакого секрета, но нѣтъ такого шага, такого малѣйшаго движенія, которые оставались бы безъ надлежащаго изученія и освѣщенія. Когда же время отъ времени вдругъ хватаютъ этихъ режиссеровъ за руки, то отбираютъ отъ нихъ пучками тѣ бѣлыя нитки, при помощи которыхъ они все стараются придать своимъ декораціямъ и бутафоріи болѣе или менѣе реальный характеръ.

О, это большіе заговорщики, но слава Богу, не очень умные, а главное—слишкомъ суетливые и самовлюбленные. Дѣйствительная отъ нихъ опасность не соотвѣтствуетъ напряженію ихъ заговорщическихъ замысловъ. Если мы говоримъ объ этомъ, то только потому, что желаемъ дать точное объ этихъ господахъ представленіе. Мы, слѣдовательно, должны класть на счеты не только то, что „оппозиція“ сдѣлала или въ состояніи сдѣлать, но и то, что она дѣлаетъ, или хочетъ дѣлать.

Итакъ, ихъ теорія такова: гдѣ можно разжигая страсти, гдѣ можно—искусственно ихъ вызывая, всегда опорачивая дѣйствія и намѣренія правительства, всячески позоря думскій центръ и правыя партіи, и все это продѣлывая на фонѣ „переоцѣнки цѣнностей“, изо дня въ день по каждому случаю и поводу укоренять мысль, что русская дѣйствительность обратилась въ арену безпрерывной внутренней борьбы, своего рода хронической революціи, и что борьба эта не прекратится, да и не можетъ прекратиться, пока... пока г. Милюковъ не будетъ предсѣдателемъ совѣта министровъ, г. Гессенъ 1-й министромъ юстиціи, а Гессенъ 3-й Одесскимъ градоначальникомъ.

Соотвѣтственно съ такой теоріей опредѣляются и подробности тактики. Изъ нихъ, конечно, первой и самой главной является выработка совсѣмъ особаго рода программы. Нужна такая программа, которая, будучи по существу не болѣе, какъ тактическимъ пріемомъ, имѣла бы всю видимость дѣйствительной программы.

Это—**не программа, а наживка, тотъ изви-**

вающійся червячекъ, на котораго такъ охотно бросается пискарь, ершикъ, плотва и прочая рыбья мелочь. На него-то клюетъ и добродушный, рыхлый, мягкотѣлый русскій интеллигентъ. Онъ любитъ симпатичныя „программы", особенно, если лично его онѣ ни къ чему не обязываютъ, а между тѣмъ даютъ матеріалъ для того, чтобы на досугѣ помечтать о „всемъ высокомъ" и „всемъ прекрасномъ". И вотъ онъ принимаетъ высоко политическій видъ и, прислушиваясь къ мягкимъ звукамъ своего сочнаго баритона, заявляетъ:

— Нѣтъ, но все таки, знаете, у нихъ есть программа... Несомнѣнно есть программа...

III.

Провѣримъ сказанное на отдѣльныхъ вопросахъ. Начнемъ съ основного—земельнаго.

Кто не помнитъ первыхъ выступленій „оппозиціи" по земельному вопросу? Они состоялись въ минуту, когда казалось уже все готово къ перевороту, и могла смущать лишь неувѣренность въ настроеніи крестьянскихъ массъ. Правда, тамъ, въ глубинѣ массъ уже въ теченіи ряда лѣтъ болѣе или менѣе успѣшно вели систематическую пропаганду земскіе врачи, фельдшера, акушерки, народные учителя, весь этотъ особый людъ, спеціально для этой цѣли приспособленный и оплачиваемый изъ земскаго сундука. Но, съ другой стороны, какъ поручиться за русскаго крестьянина, который сегодня хватаетъ вилы, чтобы двинуться громить барскую усадьбу, завтра, чуть ли не бросая на

произволъ судьбы все свое хозяйство, идетъ смиреннымъ паломникомъ ко гробу преподобнаго Серафима Саровскаго, а послѣ завтра вдругъ, повидимому, ни съ того, ни съ сего, послѣ долгой дружеской бесѣды, вяжетъ земскому агроному руки и доставляетъ его къ становому, въ качествѣ „царскаго супротивника".

Нужно было, очевидно, взять крестьянина такъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, на нѣкоторое время онъ весь былъ въ рукахъ и безъ дальнѣйшихъ неожиданностей шелъ туда, куда его поведутъ. На какой же иной почвѣ можно было взять его, какъ не на земельной.

„Мы ваши, а вы наши, только бы вотъ на счетъ землицы..." Старая это формула, и, конечно, кадеты знали ее не первый день. Роли распредѣлились слѣдующимъ образомъ: революціонное подполье разсыпалось по селамъ и деревнямъ, чтобы кликнуть кличъ, организовать молодежь, на мѣстѣ руководить „сознательными" и при ихъ помощи разжигать низменные инстинкты. Промежуточное звено составили единенія, въ которыхъ, на ряду съ агентами революціоннаго подполья, засѣдали довѣренные того сообщества, которое вскорѣ стало во главѣ кадетской партіи. Сами же главари сообщества взяли на себя, во первыхъ, разработку вопроса для первой Думы, во вторыхъ, пропаганду въ тѣхъ многочисленныхъ листкахъ, которые, подъ громкимъ названіемъ „прогрессивной печати", стали въ то время выростать, какъ грибы.

Характерныя подробности: кто былъ выдвинутъ этими господами, въ качествѣ главныхъ устроителей новыхъ судебъ крестьянской Рос-

сіи? Весьма своеобразное тріо: Герценштейнъ, всю жизнь проведшій за конторкой въ земельномъ банкѣ Полякова, Кауфманъ — одинъ изъ кадетскихъ полупрофессоровъ, авторъ скучнѣйшихъ сочиненій написанныхъ по всѣмъ правиламъ обычныхъ университетскихъ компиляцій и, наконецъ, Кутлеръ, слѣдуетъ думать, только потому заявившій о себѣ, какъ о спеціалистѣ по земельному вопросу, что вѣдь „все равно, не онъ, то кто нибудь другой долженъ былъ бы выступить въ роли такого спеціалиста“.

Тогда и было предложено пресловутое кадетское „принудительное отчужденіе“. Оно, конечно, фигурировало, какъ одна изъ первѣйшихъ основъ ихъ программы. Но такъ ли это было въ дѣйствительности? Во первыхъ, сами же кадеты не скрывали, что для нихъ въ данномъ случаѣ вопросъ идетъ лишь о томъ, удастся или не удастся увлечь за собой крестьянъ. Въ этомъ отношеніи они доходили до исключительнаго цинизма: въ то время, какъ для мѣстностей съ крестьянскимъ населеніемъ они усиленно рекомендовали своимъ комитетамъ „разъяснять крестьянамъ всю выгоду предлагаемаго партіей отчужденія“, въ большихъ городахъ, напримѣръ, въ Петербургѣ, они разсылали однимъ обывателямъ программы съ „принудительнымъ отчужденіемъ“, а другимъ— безъ таковаго. Во вторыхъ, вспомнимъ, какъ они ставили весь этотъ вопросъ въ первой Думѣ. Еще многіе, вѣроятно, не забыли сутулую фигуру Герценштейна съ его характернымъ носомъ и горѣвшими ненавистью глазами, угрожавшаго съ думской трибуны „иллюминаціями“ помѣщичьихъ усадебъ, т. е. по просту под-

жогами. Другими словами, общество должно было понять, что хороша или дурна предлагаемая кадетами мѣра, но принять ее нужно, если только хотятъ, чтобы прекратились сельскіе грабежи и поджоги. Смѣемъ думать, что ни одинъ, дѣйствительно, программный вопросъ такъ не ставится. Съ другой же стороны, нельзя сомнѣваться что вопросы тактическіе ставятся именно такъ.

Но есть еще и показатель: именно кадетскіе главари, пустившіе въ тактическихъ цѣляхъ мысль о „принудительномъ отчужденіи", ранѣе, чѣмъ облечь ее хоть въ сколько нибудь реальную форму, поспѣшили всѣ, кто могъ, возможно выгоднѣе продать при помощи крестьянскаго банка собственныя земли. Казалось бы, если, въ самомъ дѣлѣ, принятая ими точка зрѣнія на земельный вопросъ представляется имъ программной, то ужъ они-то, во всякомъ случаѣ, должны были съ своей стороны пойти на встрѣчу собственному предложенію. Между тѣмъ они первые позорно бѣжали отъ него. Они могли бы предложить крестьянамъ свои земли въ раздѣлъ, на началахъ „справедливаго вознагражденія", или, по крайней мѣрѣ, должны были удержать эти земли для крестьянъ, несмотря на возможность воспользоваться болѣе выгоднымъ для себя посредничествомъ крестьянскаго банка.

Все это факты. Оспаривать ихъ трудно. Совершенно ясно, слѣдовательно, что не въ программѣ было тутъ дѣло, а просто преслѣдовался извѣстный разсчетъ: знали, что крестьянинъ легче всего идетъ на разговоры о землѣ, предполагали, что революціонное подполье съумѣетъ продержать напряженіе толпы не мѣсяцъ-два, а этакъ около годика, не ожидали,

что правительство съумѣетъ такъ быстро и удачно перестроиться и овладѣть положеніемъ, разсчитывали, наконецъ, что со стороны широкихъ круговъ русскаго общества они не встрѣтятъ ничего, кромѣ глупой растерянности. На этой почвѣ они и дѣйствовали. Какъ только, однако, дали имъ отпоръ, они сейчасъ же поспѣшили внести въ свое будто бы программное заявленіе рядъ измѣненій. Вотъ, кстати, и еще одно доказательство того, въ какой мѣрѣ наивно было бы говорить о программномъ характерѣ ихъ заявленій по земельному вопросу.

Но допустимъ недопустимое. Предположимъ, что въ самомъ дѣлѣ, ихъ „принудительное отчужденіе“ было не тактическимъ только пріемомъ, а утвержденіемъ программнаго характера. Въ какомъ жалкомъ свѣтѣ раскроются тогда передъ нами государственныя способности этихъ господъ. Земельный вопросъ въ Россіи—одинъ изъ самыхъ главныхъ и коренныхъ. Передъ государствомъ стала задача: надо пересмотрѣть этотъ вопросъ, надо разрѣшить его. „Возьмемъ у однихъ и передадимъ другимъ“ — поспѣшили въ отвѣтъ на это выскочить кадеты. Какъ просто и какъ мило! Такъ гимназисты рѣшаютъ вопросъ о завтракѣ, когда у одного есть булка, а у другого ея нѣтъ. Онъ валитъ обладателя булки на полъ и, если не всю, то ужъ часть булки непремѣнно вырветъ Хороши государственные люди, которые брали вопросъ въ его завѣдомо болѣзненномъ состояніи и предлагали разрѣшить его при помощи средства, которое насильственно отрывали отъ органически связанныхъ съ нимъ послѣдствій!

Вѣдь вотъ-же нашелся выходъ. Ни правительство, ни Дума, вполнѣ одобрившая мѣры

правительства, не брали у однихъ, чтобы дать другимъ, а весь вопросъ поставили совершенно на иную почву, подошли къ нему, вооружившись огромнымъ, тщательно разработаннымъ матеріаломъ, не побоявшись взять на себя колоссальной сложности работу по полному переустройству земельнаго быта крестьянъ. И все это было сдѣлапо исключительно въ сознаніи государственнаго значенія вопроса, а вовсе не въ связи съ соображеніями о томъ, какого на этотъ счетъ мнѣнія разбушевавшаяся толпа, давшая волю своимъ самымъ низменнымъ инстинктамъ.

Слѣдовательно, вопросъ поддавался разрѣшенію. Отчего же кадеты не видѣли этого? По очень простой причинѣ. Для того чтобы видѣть, они должны были смотрѣть, т. е. изучать и знать. Мало того: если бы они предложили то, что въ настоящее время уже сдѣлано правительствомъ и Думой, ихъ, какъ группу, требовавшую немедленнаго политическаго переворота, никто бы не слушалъ изъ числа тѣхъ, на кого они опирались. Имъ нужны были сильно дѣйствующія средства, а вовсе не заботили ихъ дѣйствительные государственные интересы, или хотя бы реальные интересы того самаго крестьянства, которое они будто бы собирались облагодѣтельствовать. Имъ нуженъ былъ только революціонный матеріалъ да, если хотите, и не на очень долгій срокъ. Всего впредь до переворота, а потомъ они первые послали бы солдатъ „усмирять бунтовщиковъ".

Кажется, и это можетъ служить не менѣе нагляднымъ доказательствомъ того, въ какой мѣрѣ брошенная кадетами мысль о „принудительномъ отчужденіи" была лишь тактическимъ пріемомъ. Но дальше. Такъ какъ указъ 9-го

Ноября 1906 года, этотъ исторически важный актъ, являющійся гранью между двумя эпохами въ жизни русскаго народа, стоитъ на точкѣ зрѣнія единоличной земельной собственности, то немедленно же по всей линіи „оппозиціи“ былъ данъ лозунгъ „стоять за общину“.

Какъ это понять? Кадеты или вѣрнѣе, — главари ихъ, которые одни, конечно, имѣютъ въ данномъ случаѣ значеніе, всѣ эти присяжные повѣренные, приватъ-доценты, доктора безъ практики, сотрудники еврейскихъ листковъ, дѣльцы, суетящіеся около еврейскихъ банковъ—по всей природѣ своей — индивидуалисты до мозга костей. И при томъ какіе еще индивидуалисты! Они влюблены каждый въ собственное „я“, до степени самообожанія. Если они серьезно что либо исповѣдуютъ, то только поклоненіе собственному „я“. Отсюда вѣдь и беретъ свое начало ихъ особо страстное стремленіе къ личной свободѣ и къ столь преувеличенному толкованію правъ гражданина, при которомъ легко оказывается, что у гражданина нѣтъ никакихъ обязанностей. И вотъ вдругъ эти столь опредѣленные индивидуалисты выкидываютъ флагъ, на которомъ значится „да здравствуетъ община“. Община—ихъ антиподъ, противоположный полюсъ, такая же крайность, какъ и ихъ вздутый до невѣроятныхъ размѣровъ индивидуализмъ. Откуда же такая внезапная страсть къ общинѣ? Только оттуда, конечно, что правительственная земельная политика направлена противъ общины.

Законъ 9-го Ноября былъ изданъ по ст. 87 Основныхъ Законовъ, въ порядкѣ такъ называемаго провизорнаго закона. Какъ люди весьма плохо разбирающіеся во всемъ, что имъ не по

плечу (они большіе мастера на сплетни, на мелкую интригу, на то, чтобы столкнуть какого нибудь недалекаго либеральствующаго барина съ какимъ нибудь изъ наиболѣе рѣзкимъ ораторовъ крайней правой), они сначала не очень поняли, въ чемъ дѣло, и даже попытались занять какъ бы выжидательную позицію. „Неужели, — высокомѣрно писала тогда „Рѣчь“ — правительство не понимаетъ, что своей мѣрой оно дало исключительно благодарный матеріалъ для агитаціи въ деревнѣ?“ Слѣдовало понимать эти слова такъ: правительство легкомысленно и само лѣзетъ въ огонь, въ которомъ и будетъ изжарено тѣми, кто ужъ, конечно, не упуститъ такого случая. Сами же кадеты занялись, главнымъ образомъ, другой стороной дѣла: „спасаніемъ народныхъ правъ“, будто бы попранныхъ тѣмъ, что мѣра, дѣйствительно, не терпящая отлагательства, была проведена въ періодъ междудумья на совершенно законномъ основаніи по ст. 87 Основныхъ Законовъ.

Записали всѣ ихъ полупрофессора, но что эта за юристы—объ этомъ можно судить хотя бы по тому общеизвѣстному факту, что никогда еще наши юридическіе факультеты не выпускали столь малосвѣдущихъ учениковъ, какъ съ момента, когда злосчастная судьба отдала эти факультеты въ кадетскія руки. Писали, писали, но ничего не доказали, кромѣ собственной своей неосвѣдомленности въ простѣйшихъ юридическихъ вопросахъ. А тѣмъ временемъ революціонное подполье, успѣвшее уже снестись съ деревней, увидѣло, что его дѣло плохо. Новый законъ быстро былъ схваченъ и оцѣненъ населеніемъ. Стали собираться революціонныя „конференціи“ и „съѣзды“, но чѣмъ

дальше, тѣмъ опредѣленнѣе выяснялось, что ударъ, нанесенный закономъ, попалъ революціи прямо въ лобъ. Только тогда стали понимать кадеты, что, повидимому, дѣйствительно случилось нѣчто непріятное и что одно выжиданіе не поможетъ, а слѣдуетъ объявить наступленіе.

Именно въ ту минуту тотъ самый г. Кутлеръ, который еще недавно разсылалъ петербургскимъ избирателямъ (правда, только тѣмъ, которые почище) свои портреты, на которыхъ онъ изображенъ со звѣздой, писалъ, стараясь задобрить соціалистовъ, что и кадеты, если только не желать придираться, являются въ сущности „почти соціалистами“. Именно тогда, желая доказать вредъ закона 9 Ноября для крестьянства, кадеты подняли на ноги всѣхъ своихъ экономистовъ и статистиковъ.

Наскакивали они на одобренную подавляющимъ думскимъ большинствомъ земельную политику правительства, кажется, со всѣхъ сторонъ. Когда крестьянскій банкъ скупалъ земли, чтобы образовать земельный фондъ, они подбирали всѣ слухи и сплетни, съ цѣлью доказать, что банкъ платитъ дороже, чѣмъ слѣдуетъ. Имъ показали съ цифрами въ рукахъ, что это неправда. Когда одна за другой стали образовываться землеустроительныя коммиссіи, они стали доказывать, что нарочно создаются новые чиновники, чтобы было кому заставлять крестьянъ выдѣляться изъ общины. Но когда, наоборотъ, съ разныхъ сторонъ стали приходить свѣдѣнія, что ни землеустроительныя коммиссіи, ни крестьянскія учрежденія не успѣваютъ удовлетворять всѣ обращенныя къ нимъ ходатайства, они стали говорить, что правительственные чиновники ничего не дѣлаютъ.

Рядомъ съ этимъ они тщательно слѣдили за тѣмъ, чтобы ни одна неудача, ни одно недоразумѣніе,—а вѣдь при такомъ огромномъ дѣлѣ да при томъ въ такой огромной странѣ и неудачи, и недоразумѣнія всегда легко возможны,—не оставлялись неподчеркнутыми. Каждый пустякъ непремѣнно обобщался и преподносился по всей линіи кадетской печати въ видѣ опредѣленнаго свидѣтельства противъ новаго земельнаго закона въ его общемъ и цѣломъ.

На этой почвѣ создались даже особые спеціалисты. Ихъ торжественно объявляли „знатоками крестьянскаго дѣла", хотя, въ дѣйствительности, это были лишь мастера нагромождать громкія фразы вокругъ всякаго вздора, не стоящаго что называется добраго слова. Такимъ, напримѣръ, спеціалистомъ явился воронежскій врачъ безъ практики г. Шингаревъ, одинъ изъ тѣхъ „дѣятелей", который часами можетъ говорить о чемъ угодно и не стѣсняется даже тогда, когда съ фактами въ рукахъ его уличаютъ въ сознательномъ искаженіи дѣйствительности. Такимъ же явился и цѣлый букетъ сотрудниковъ „Русскихъ Вѣдомостей", этой московской кадетской плакальщицы, которые всю реформу землеустройства стремились представить въ видѣ чиновничьей выдумки, осуществляемой путемъ чиновничьяго принужденія. Тотъ самый русскій чиновникъ, котораго первые же кадеты ославили, какъ окончательно прогнившую общественную среду, вдругъ сталъ выставляться ими въ роли мага и чародѣя. Получалось впечатлѣніе, что стоитъ чиновнику захотѣть, и сто милліоновъ населенія немедленно готовы отказаться отъ самихъ себя.

Когда вопросъ обсуждался въ Думѣ, вся

эта мелкая и жалкая политика кадетскаго протеста особенно ярко сказалась въ рѣчи г. Милюкова. Какъ капля воды отражаетъ въ себѣ солнце, такъ и эта кадетская капля всегда отражаетъ въ себѣ всю мелочность и все ничтожество кадетской руководящей мысли. Надо отдать справедливость г. Милюкову: никто изъ руководителей кадетской группы не умѣетъ такъ отчетливо, какъ онъ, и такъ наглядно обратить всякую „оппозиціонную" идею въ большую, грязную кляксу. Трубными звуками возвѣщалось предстоящее выступленіе г. Милюкова по земельному вопросу. Что же доказывалъ г. Милюковъ? Онъ доказывалъ, что величайшая историческая мѣра, которой суждено быть краеугольнымъ камнемъ новой будущей Россіи,—не болѣе, какъ заговоръ правительства и дворянства и при этомъ такой заговоръ, условія котораго продиктованы правительству совѣтомъ съѣздовъ объединенныхъ дворянъ. Гдѣ-то собирались и шептались. Пошептались и составили законъ. Самъ г. Милюковъ, правда, при этомъ заговорѣ не присутствовалъ, но онъ знаетъ, однако, человѣка, который многое подслушалъ, карауля на лѣстницѣ, а сверхъ того, если еще нужны доказательства,—ихъ можно найти въ газетѣ „Рѣчь". Г. Милюковъ въ теченіе цѣлаго часа разоблачалъ заговорщиковъ и кончилъ тѣмъ, чѣмъ онъ обыкновенно кончаетъ: онъ простеръ длани и торжественно объявилъ, что ни онъ, ни его партія не намѣрены принимать отвѣтственность за проводимую правительствомъ земельную политику, о чемъ немедленно же будетъ телеграфировать Англіи.

Надо было видѣть его въ эту минуту. Это было олицетвореніе самодовольства. Безспорно,

онъ былъ убѣжденъ, что дѣло сдѣлалъ. А въ думскомъ залѣ въ это время для всѣхъ одинаково было ясно, что г. Милюковъ устроилъ кадетскому „принудительному отчужденію“ похороны по первому разряду.

„Дворянство готовило крестьянамъ разстрѣлы“, выкликалъ во время этой рѣчи г. Милюковъ. „Правительство издавало свои прокламаціи“—заявлялъ онъ во время той же рѣчи. Ужъ когда приходится пускаться на такіе явно провокаціонные, низменные пріемы,—очевидно, по существу вопроса сказать нечего.

Во время преній по земельному вопросу Дума выслушала, по крайней мѣрѣ, двадцать кадетскихъ рѣчей. Изъ нихъ могъ бы составиться цѣлый томъ. Да, кажется, онъ и составленъ. Это—достойный могильный памятникъ, который, конечно, займетъ не послѣднее мѣсто на кладбищѣ, гдѣ часть за частью погребается „оппозиціонная“ политическая программа. Въ качествѣ сторожа этого кладбища мы бы искренно хотѣли еще долго видѣть г. Милюкова. Во первыхъ, онъ не имѣетъ соперниковъ по похоронной части, а во вторыхъ, и намъ, со стороны глядящимъ на его упражненія по погребальному дѣлу, съ нимъ не скучно: есть надъ кѣмъ позабавиться.

Не прошло и трехъ лѣтъ со дня изданія указа 9-го Ноября, а жизненность его и его внутренняя органическая сила сказались уже столь ярко и наглядно, что спорить противъ фактовъ оказались не въ состояніи даже кадеты, которые, какъ извѣстно, охотно оспариваютъ все, что имъ не нравится. Тогда они обидѣлись и рѣшили „замолчать“ успѣхъ этого величайшаго законодательнаго акта. Вышло, конечно, еще глупѣе. Какъ замолчать жизнь?

Впрочемъ, даже въ средѣ группъ, входящихъ въ составъ „оппозиціи" въ ковычкахъ раздаются по этому поводу нареканія. Мирнообновленцы, напримѣръ, довольно опредѣленно заявили Милюковской компаніи, что они не хотятъ болѣе играть глупую роль и, хотя и медленно, но стали все таки дѣлать время отъ времени книксены по адресу указа 9 Ноября. Даже такое непримиримо освободительское изданіе, какъ „Московскій Еженедѣльникъ", это еженедѣльное собраніе афоризмовъ кн. Евгенія Трубецкого, стало что-то писать на тему о преимуществахъ подворнаго владѣнія надъ общиннымъ. Правда, для либеральной видимости книксены перемежаются разными экивоками по адресу думскаго большинства и правительства, но, въ сравненіи съ недавними угрозами и заклинаніями, уже не трудно понять, что поворотъ совершается по всей формѣ.

Итакъ, гдѣ же во всемъ этомъ программа? Между тѣмъ, нельзя сомнѣваться въ томъ, что земельный вопросъ—основной вопросъ. Побѣда на этой почвѣ, очевидно, есть побѣда и по всей линіи. Отсутствіе дѣйствительно программнаго характера въ заявленіяхъ по этому вопросу само по себѣ уже является показателемъ отсутствія программы вообще. Нельзя забывать, что на сто сорокъ милліоновъ обитателей Имперіи, интересы, по крайней мѣрѣ, ста милліоновъ, и интересы самые кровные, насущные, органически связаны съ землей.

Не даромъ въ разгаръ борьбы, кадеты, устами, кажется, г. Петрункевича, а, можетъ быть, г. Кутлера, какъ то проговорились: „правительство слишкомъ рискуетъ, предлагая ге-

неральный бой на вопросѣ, который имѣетъ все значеніе жизни и смерти". Совершенно вѣрно. Именно—смерти, но смерти для революціи и ея вдохновителей и новой, широкой, цвѣтущей жизни для великаго государства Россійскаго.

IV.

Но можетъ быть у „оппозиціи" въ ковычкахъ имѣется программа по другимъ вопросамъ? Ихъ излюбленныя темы—тѣ всевозможныя свободы, воспѣванію которыхъ они посвящаютъ, по крайней мѣрѣ, три четверти своего времени. Свобода слова, печати, совѣсти, союзовъ, собраній, свобода дѣтей отъ родителей, свобода общественной иниціативы отъ всякаго контроля со стороны государства, свобода университетовъ, словомъ свобода всѣхъ и каждаго отъ каждаго и всѣхъ—вотъ, собственно говоря, тѣ очертанія, въ предѣлахъ которыхъ широкими шагами гордо расхаживаютъ „оппозиціонные" знаменосцы. Издали поглядѣть — довольно внушительная картина. Но попробуемъ приглядѣться къ ней нѣсколько ближе.

Если бы для того, чтобы покончить съ тѣмъ или инымъ вопросомъ, достаточно было признать извѣстный принцыпъ, то, конечно, было бы просто непонятно, о чемъ собственно въ данномъ случаѣ спорятъ люди. Напримѣръ, свобода печати. Цензура отмѣнена, возможность обсуждать политическіе и общественные вопросы предоставлена въ полной мѣрѣ, въ общественныхъ кругахъ, отнюдь не принадлежащихъ къ „оппозиціи", не замѣчается никакой сколько бы то ни было серьезной тенденціи съузить уже

данныя печати права, правительство же, въ свою очередь, также ни въ какомъ отношеніи не стремится къ принципіальному отрицанію начала свободы печати. Но развѣ въ этомъ вопросъ для „оппозиціи" въ ковычкахъ? Нѣтъ цензуры, но существуютъ обязательныя постановленія, а эти постановленія, подъ угрозой штрафовъ, запрещаютъ возбуждать одну часть населенія противъ другой; мало того: представьте, запрещаютъ распространять тревогу въ обществѣ путемъ печатанія завѣдомо ложныхъ свѣдѣній. Какая же при такихъ условіяхъ свобода печати!—патетически восклицаетъ „оппозиція". Не только отъ генералъ-губернатора, но даже просто отъ губернатора зависитъ въ любую минуту оштрафовать газету, и этимъ, слѣдовательно, посягнуть на самыя драгоцѣнныя права лѣвыхъ листковъ—на право вести при помощи печати революціонную агитацію.

Этимъ мы вовсе не хотимъ сказать, что такъ всегда и должно быть, т. е. что нельзя придумать порядокъ болѣе совершенный, чѣмъ тотъ, при которомъ, рядомъ съ закономъ, въ качествѣ его подпорокъ, стоятъ обязательныя постановленія. Но надо считаться съ фактами: еврейскіе листки, исполняющіе у насъ, къ прискорбію, обязанности такъ называемой „прогрессивной печати", занимаются, главнымъ образомъ, если не исключительно, самымъ наглымъ, самымъ возмутительнымъ политиканствомъ, доводя его до формъ, дальше которыхъ въ этой области итти некуда. Весь разсчетъ, вся цѣль этой грязной дѣятельности состоитъ исключительно въ томъ, чтобы поддерживать въ странѣ смуту и, понося не только правительство, но всѣхъ и все, что не идетъ въ ногу съ без-

шабашнымъ освободительствомъ, тѣмъ самымъ поддерживать „священный огонь“ въ сердцахъ любителей революціоннаго дерзанія. Между тѣмъ, законъ о печати, составленный на спѣхъ, въ періодъ общаго броженія, конечно, не далъ государству никакихъ средствъ для обузданія такой печати. Обязательныя постановленія, явились, слѣдовательно, пусть и несовершеннымъ, но, во всякомъ случаѣ, безусловно необходимымъ отвѣтомъ на вопросъ, реальное значеніе котораго отрицать нельзя. При этомъ надо вѣдь не упускать изъ вида еще одно обстоятельство: обязательныя постановленія о печати издавались въ мѣстностяхъ, объявленныхъ на положеніи чрезвычайной или усиленной охраны. Если, слѣдовательно, можно еще спорить, нужна или не нужна охрана тамъ, гдѣ идетъ революція, то во всякомъ случаѣ, нельзя спорить противъ того, что тамъ, гдѣ дѣйствуютъ исключительные законы, было бы странно дозволять печати безнаказанно заниматься революціонированіемъ массъ.

По мѣрѣ того, какъ страна успокаивалась, и чрезвычайная охрана смѣнялась усиленной, а мѣстами снималась всякая охрана, обязательныя постановленія о печати тѣмъ не менѣе оставались въ силѣ. Почему? Все на томъ же основаніи: впредь до изданія общаго новаго закона о печати, который использовалъ бы опытъ смутнаго періода, было бы прямо неразумно, скажемъ рѣзче—безразсудно дать революціоннымъ шайкамъ и ихъ идеологамъ возможность творить смуту, которая безъ помощи обязательныхъ постановленій, не можетъ быть ни прекращена, ни ослаблена.

Но считаться съ реальными фактами скучно,

да и мало говоритъ чувству. Другое дѣло — отвлеченные принципы. Это и красиво и дѣйствуетъ возвышающе на душу, а, кстати, и очень легко. Возвѣщена свобода печати, но вмѣсто нея губернаторы штрафуютъ въ силу ими же изданныхъ обязательныхъ постановленій — вотъ формула, которая что называется бьетъ въ глаза, по поводу которой можно кричать, которой можно потрясать, какъ нѣкіимъ знаменемъ. Около этой формулы „оппозиція" и суетится.

Совершенно въ такомъ же положеніи находятся вопросы и о другихъ свободахъ. Въ правѣ учреждать общества и союзы „оппозиціей" цѣнится не самое это право, какъ таковое, а возможность использовать его для революціонныхъ цѣлей, т. е. во славу идей о томъ государственномъ переворотѣ, основныя черты котораго мы уже опредѣлили. Впрочемъ, тутъ интересны подробности. Когда рѣчь идетъ о такъ называемыхъ „интелигентскихъ организаціяхъ" (просвѣтительныхъ, благотворительныхъ, культурныхъ, національныхъ, но всегда и обязательно политическихъ), то „оппозиція" дѣйствуетъ за свой счетъ. Это — ея общества. Когда же рѣчь идетъ о профессіональныхъ союзахъ, то „оппозиція" дѣйствуетъ уже по праву представительства, т. е. хотя и отъ своего имени, но за счетъ революціоннаго подполья. Въ рабочей средѣ „оппозиція" корней не имѣетъ. Тутъ среда дѣятельности эсъ-эровъ и эсъ-деков. „Оппозиція" лишь оберегаетъ эту дѣятельность отъ правительственнаго контроля. Она сознательно нагромождаетъ вокругъ вопроса о явно революціонной дѣятельности большинства союзовъ необозримыя горы всякихъ

либеральныхъ пустяковъ, стараясь непремѣнно такъ изобразить дѣло, чтобы правительство казалось вдвойнѣ злокозненнымъ: во первыхъ тѣмъ, что не даетъ развиваться великому принципу профессіональнаго единенія; во вторыхъ, тѣмъ, что поступаетъ съ такой вопіющей незаконномѣрностью, хотя и увѣряетъ, что стоитъ на стражѣ закона.

Опять таки реальные факты, если только желать считаться съ ними, говорятъ совершенно иное. Мечтая объ организаціи массъ, какъ объ одномъ изъ надежнѣйшихъ революціонныхъ средствъ, и явные, и тайные революціонеры взглянули на дѣйствующій законъ объ обществахъ и союзахъ, какъ на весьма пригодное для своихъ цѣлей формальное основаніе. Повсюду стали учреждаться десятки обществъ. Въ какой нибудь Кинешмѣ или гдѣ нибудь въ заштатномъ городѣ Петровскомъ вдругъ образовалось до двадцати обществъ. Замѣтьте: вездѣ одинаковыхъ и вездѣ почти въ томъ же составѣ учредителей. Два-три кадетскихъ земца, уволенная докторша, мѣстный еврей-ветеринаръ, сынъ соборнаго протоіерея, высланный на поруки отца, племянница уѣзднаго предводителя и свояченица воинскаго начальника, разошедшаяся съ сестрой на почвѣ „политическихъ убѣжденій"—вотъ основное ядро этихъ организацій. Одно общество называлось „Общество взаимопомощи учащихъ и учащихся въ земскихъ школахъ", другое называлось „Общество поощренія личнаго труда", третье называлось „Общество культурнаго самоопредѣленія", четвертое называлось „Знаніе — жизнь". Хорошо еще, если такихъ обществъ учреждалось только двадцать. Мѣстами ихъ насчитывалось и трид-

цать, и сорокъ, и больше. Само собой разумѣется, что занимались эти общества только пропагандой, и стоило двумъ-тремъ заправиламъ влетѣть въ какую нибудь исторію, которая въ виду слишкомъ ужъ очевидныхъ доказательствъ приводила ихъ на скамью подсудимыхъ, какъ сразу же отъ всѣхъ двадцати обществъ не оставалось и слѣда. Немедленно же обнаруживалось, что рѣшительно никому эти общества не нужны, что никому никакой „взаимопомощи“ они не оказывали и что, если „жизнь“ и понималась тутъ въ „знаніи“, то только въ знаніи подпольной литературы.

А профессіональные союзы? Они развивались на почвѣ революціоннаго броженія, занесеннаго въ среду рабочихъ. Фабричный терроръ, какъ средство, соціальный переворотъ, какъ цѣль—вотъ и весь багажъ, съ какимъ подполье приступило къ этому дѣлу. При помощи союзовъ объединяли «сознательныхъ», чтобы тѣмъ успѣшнѣе дѣйствовать на темную массу. Изъ рабочихъ дѣлали такимъ образомъ пушечное мясо, осужденное играть роль глупой жертвы въ партійныхъ демонстраціяхъ, вродѣ митинговъ, стачекъ, возстанія, словомъ во всемъ томъ, чѣмъ предполагалось запугать „прогнившую буржуазію“ и „подлую бюрократію“. Всѣ убійства, совершенныя на фабрикахъ и заводахъ, всѣ поджоги, случаи порчи машинъ, забастовки, разорившіе и фабрикантовъ и рабочихъ,—все это лежитъ на совѣсти заправилъ нашего профессіональнаго движенія. Какой нибудь товарищъ Исаакъ или товарищъ Рива прокрадывались на заводъ или фабрику, снюхивались съ имѣвшимся въ данной мѣстности «матеріаломъ», устраивали «подъотдѣлъ», вхо-

дили въ сношенія съ «центромъ», и музыка начиналась. Малограмотные рабочіе Ивановъ, Сидоровъ и Капустюкъ подписывали уставъ, присланный имъ изъ «центра», мѣстный помощникъ присяжнаго повѣреннаго Василій Васильевичъ Цепуресъ, который каждый день играетъ въ клубѣ съ самимъ полиціймейстеромъ, проводилъ уставъ черезъ присутствіе (вице-губернаторъ при разсмотрѣніи устава неизмѣнно говорилъ, что, въ сущности, «мы вступаемъ въ періодъ, напоминающій исторію англійскихъ тредъ-юніонъ»), а товарищъ Рива немедленно же дѣлалась секретаремъ и собирала членскіе взносы. Дальнѣйшій рецептъ былъ таковъ: въ правленіе выбирались частью безработные (сверхпочетное званіе), частью «пріѣзжіе», т. е. тѣ перелетныя птицы, которыя кочевали съ завода на заводъ по порученію «организаціи»; немедленно-же раздавалась «литература» и по первому поводу дѣлалась проба силъ. Это значитъ, что къ директору фабрики посылали какое нибудь требованіе: смѣстить мастера, сложить штрафы и т. д. Если директоръ пугался— требованія сыпались одно за другимъ, осложнялись всякими угрозами и вообще въ самый короткій срокъ все ставилось вверхъ ногами. Если же директоръ попадался съ характеромъ и не поддавался, приступали къ террору. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ дѣло кончалось обращеніемъ за помощью къ властямъ. Конечно Ивановъ, Сидоровъ и Капустюкъ попадались въ первую голову, товарищъ-же Рива и товарищъ Исаакъ своевременно улепетывали, не забывая, впрочемъ, унести съ собой и кассу.

Не будемъ продолжать на эту тему, ибо это увлекло бы насъ далеко въ сторону. Но

достаточно и сказаннаго: нужна не свобода обществъ и союзовъ, а нужна свобода обращать общества и союзы въ орудіе революціонныхъ цѣлей.

Напомнимъ положеніе вопроса о свободѣ совѣсти. Вѣдь опять тоже самое! Нужна свобода оплеванія и приниженія православія. Нужно во что бы то ни стало, чтобы государство сказало: православіе-ли, магометанство ли, еврейство ли, мнѣ все равно, ибо нѣтъ у меня господствующей церкви. Идетъ положимъ рѣчь объ отмѣнѣ ограниченій, связанныхъ съ отказомъ отъ священнаго сана. Это не то. Этимъ интересуются мало. Нужно, чтобы государство признало полныя права и за тѣми, кто по церковному суду былъ лишенъ сана. Напримѣръ, всѣ эти Григоріи Петровы, епископы Михаилы, батюшки, вродѣ Огнева,—о нихъ идутъ заботы, хотятъ, чтобы государство осудило рѣшеніе церкви, или, въ лучшемъ случаѣ, игнорировало его. Идеть, положимъ, рѣчь о свободѣ проповѣдыванія. Этого мало: нужна свобода пропаганды, т. е. ежедневнаго повсемѣстнаго порицанія и осужденія православія. Идетъ рѣчь о свободѣ перехода изъ православія въ другія христіанскія исповѣданія. Этого мало. Нужно, чтобы православное русское государство признало также и свободу перехода въ еврейство и язычество. При этомъ, кстати, проводится и другое весьма и весьма для «оппозиціи» важное начало — равноправіе евреевъ. Какъ извѣстно, Дума постановила, что православные, переходя въ еврейство, сохраняютъ всѣ права, принадлежащія православнымъ. Это значитъ, что неимѣющій права жительства въ Петербургѣ еврей, если онъ желаетъ получить такое право,

долженъ на недѣлю, на двѣ принять православіе. Это даетъ ему права. Ну, а затѣмъ онъ вновь можетъ вернуться въ іудейство: права, полученныя съ принятіемъ православія, сохраняются имъ и при возвращеніи въ еврейство. За что же, спрашивается, хотятъ дать ему эти права? Только за то, что онъ имѣлъ наглость столь грубо насмѣяться надъ православной церковью, надъ таинствомъ Святого Крещенія.

Не одна «оппозиція» виновна въ такомъ отношеніи къ вопросу о свободѣ совѣсти. Къ сожалѣнію, и часть думскаго центра была увлечена въ ту же сторону. Но съ центромъ случаются время отъ времени подобные припадки. Дальше мы остановимся на нихъ нѣсколько подробнѣе. Мы называемъ ихъ особымъ видомъ болѣзни воли. Это—паника передъ угрозами и страшными словами, сыплящимися на головы центра изъ устъ ораторовъ «оппозиціи». Обыкновенно центръ смѣется въ отвѣтъ на такія страшныя слова, но вдругъ разнервничается кто либо на лѣвомъ флангѣ центра, а тамъ заволнуется г. Капустинъ, поблѣднѣетъ князь Голицынъ, къ г. Искрицкому подбѣжитъ сотрудникъ «Рѣчи», барона Мейендорфа учительно проберетъ г. Пиленко, и не успѣетъ центръ сообразить въ чемъ собственно дѣло, какъ начались уже какія то удивительныя прыжки въ безбрежную даль либеральной отвлеченности.

Такимъ образомъ, какого бы вопроса мы ни коснулись—всегда и во всемъ наталкиваемся на одно: рѣчь идетъ вовсе не о томъ, чтобы, дѣйствительно, обсудить, какимъ образомъ реально примѣнить къ реальнымъ условіямъ русской жизни возвѣщенные Манифестомъ 17-го Октября принципы и при этомъ примѣнить ихъ такъ,

чтобы, съ одной стороны, обезпечить дальнѣйшее ихъ развитіе, а съ другой—чтобы воспитать въ населеніи чувство законности и уваженія къ государственному началу; рѣчь идетъ исключительно о томъ, какъ обратить принципы Манифеста въ таранъ, при помощи котораго можно было бы скорѣе и успѣшнѣе сбить русское государство съ его устоевъ. Какъ мы уже сказали выше, рѣчь идетъ не о свободѣ, какъ началѣ гражданственности, а о свободѣ, какъ средствѣ осуществить задуманный общій политическій переворотъ.

Сначала переворотъ—говоритъ „оппозиція" въ ковычкахъ, а затѣмъ займемся реальной жизнью. Впрочемъ, и тутъ она только лжетъ: переворотъ ей нуженъ вовсе не для того, чтобы потомъ чѣмъ либо, дѣйствительно, заняться. Переворотъ нуженъ какъ единственный путь, который могъ бы привести къ власти.

Для иллюстраціи остановимся еще на одномъ пунктѣ „программы". Ужъ въ чемъ—въ чемъ, а въ вопросѣ о земствѣ „оппозиція" считаетъ себя спеціалисткой. Сколько лѣтъ несла она „знамя", сколько великихъ людей она выдвинула изъ своей среды на поприщѣ служенія земству, сколько земскихъ денегъ распустила по вѣтру и увы! просто расхитила. Правда, у „оппозиціонистовъ" всѣ, кто съ ними, непремѣнно попадаютъ въ списокъ великихъ людей и утверждаются въ этомъ почетномъ званіи словаремъ Брокгауза и Ефрона. Но земскія знаменитости „оппозиціи" составляютъ все же цвѣтъ знаменитостей, отборъ такъ сказать знаменитостей перваго разряда. Все равно, что чай перваго сбора. Петрункевичъ, Кузьминъ—Караваевъ, Шиповъ, Шаховской, Кокошкинъ,

Родичевъ, Бакунины, это не просто великіе люди. Это—величайшіе люди! Это — гордость вѣка и націи. О нихъ говорятъ не прозой, а бѣлыми стихами, да и сами они не отрицаютъ, что порядочно таки понаоставляли въ своей жизни слѣдовъ на земской нивѣ.

Словомъ — земство и они, они и земство— понятія неотдѣлимыя. Какъ извѣстно, вотъ скоро три года во всѣхъ земствахъ, гдѣ подвизались эти великіе люди, усиленно работаютъ ревизіонныя коммиссіи и, поражаясь исключительной запущенностью хозяйственной стороны земскаго дѣла, никакъ не могутъ установить истинныхъ размѣровъ практиковавшихся хроническихъ злоупотребленій. Но это—подробности, мелочи. Главное, конечно,—идеи. „Оппозиція" выносила въ глубинѣ своихъ умовъ тотъ „земскій планъ", который черезъ союзъ „Освобожденіе" привелъ къ извѣстнымъ земскимъ съѣздамъ, а оттуда вынесъ въ первую Думу и завелъ въ Выборгъ. Очевидно, если у кого искать руководящихъ началъ для предстоящей земской реформы, то только у нихъ.

Земство,—говорятъ они,—должно быть демократическое и независимое. Такъ какъ и сейчасъ земство ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть названо аристократическимъ, то, слѣдовательно, демократизмъ „оппозиціи" есть ничто иное, какъ камень, брошенный въ помѣстное дворянство. Иначе говоря: земство должно быть не дворянскимъ. Такъ какъ, однако, и среди кадетъ не мало дворянъ, а кое кто изъ нихъ даже карьеру сдѣлалъ путемъ должности уѣзднаго предводителя дворянства, то понятіе „демократическій" должно имѣть, слѣдовательно, еще болѣе ограничительный

смыслъ: пусть дворяне и остаются въ земствѣ, но только если это—„оппозиціонные“ дворяне. Какъ же достичь этого? При существованіи цензовыхъ условій—дѣло безнадежное. Во первыхъ, цензовики не охотно будутъ выбирать тѣхъ, кто уже достаточно показалъ, какъ безцеремонно они хозяйничаютъ; во вторыхъ, по случаю подготовлявшагося ими „принудительнаго отчужденія“, они, какъ извѣстно, озаботились возможно скорѣе и выгоднѣе продать свои земли. Остается одно средство: отмѣнить цензъ и разсчитывать, что, по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ будетъ нетрудно обмануть крестьянство и, вскочивъ ему на плечи, вновь овладѣть земскимъ сундукомъ, этой испытанной кассой для подготовки общаго политическаго переворота

Такъ обстоитъ дѣло съ кадетскимъ демократизмомъ. Со вторымъ основнымъ принципомъ, т. е. съ независимостью земства, обстоитъ дѣло не лучше. Независимость понимается полная. Предполагается, что губернаторъ есть ни что иное, какъ передаточная инстанція, неизвѣстно для чего существующая. Управляетъ законъ, сама бумага, тѣ книги, въ которыхъ законы напечатаны. Примѣняетъ законы земство. Губернаторъ же, въ бѣлыхъ брюкахъ съ лампасами, при всѣхъ регаліяхъ, сидитъ у себя въ кабинетѣ, окруженный цвѣтами, печатными пряниками и сувенирами, вышитыми руками наиболѣе обворожительныхъ земскихъ дамъ. Время отъ времени, но въ общемъ, конечно, не очень часто, ему приносятъ, для свѣдѣнія, бумаги о томъ, какъ какой законъ понимается и осуществляется земствомъ. Главная обязанность губернатора состоитъ въ томъ, чтобы дѣлать

пріятное лицо и, по возможности, все совершаемое земствомъ, признавать законнымъ. Но если ужъ иной разъ никакъ нельзя сдѣлать пріятное лицо, то онъ долженъ запечатать бумагу въ конвертъ и отправить предсѣдателю окружнаго суда для „дальнѣйшаго сужденія по законамъ". Самъ же онъ немедленно долженъ приняться за пряники, а если на дворѣ весна— можетъ заняться и пересадкой тюльпановъ.

Независимость — такъ ужъ независимость. Въ самомъ дѣлѣ, какъ обратить земство, даже если оно сплошь кадетское, въ прямое орудіе политическаго переворота, когда рядомъ существуетъ такая возмутительная организація, какъ уѣздная и губернская администрація съ центральнымъ правительствомъ во главѣ? Это—издѣвательство надъ началомъ независимости. Центральная власть въ принципѣ нужна, потому что иначе не будетъ министерскихъ портфелей, а, слѣдовательно, не изъ за чего и переворотъ затѣвать. Нужна, въ общемъ, и мѣстная администрація, такъ какъ портфелей всего десять, а кадетовъ много больше, и устроить ихъ нужно. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы центральная и мѣстная власть были нужны въ настоящую минуту, т. е. тогда, когда кадеты являются лишь искателями власти. Въ этотъ періодъ ихъ политическаго существованія нужно только независимое земство и при томъ совсѣмъ, совсѣмъ независимое, такое, отъ котораго зависѣла бы правительственная власть.

О частностяхъ говорить не будемъ. Кто, кстати, ихъ не знаетъ? Земство должно имѣть право на безпредѣльное и безконтрольное обложеніе, выборныя должности по земству не подлежатъ никакому утвержденію, смѣта со-

ставляется и исполняется безъ права со стороны администраціи вмѣшиваться въ это дѣло, но, конечно, съ обязанностью ходатайствовать передъ высшимъ правительствомъ о ссудахъ и субсидіяхъ изъ средствъ государственнаго казначейства; постановленія земскихъ собраній могутъ быть отмѣняемы только рѣшеніями суда; компетенція земства... Впрочемъ, о ней и не говорятъ, ибо предполагается, что вся мѣстная жизнь и всё мѣстное управленіе входятъ въ компетенцію земства. За правительствомъ оставляется лишь надзоръ, но безъ возможности осуществлять его и при условіи, что всякая попытка дѣйствительно осуществлять его будетъ немедленно же объявлена „недопустимымъ вмѣшательствомъ“ и „бюрократическимъ насиліемъ“.

V.

Особымъ вниманіемъ со стороны «оппозиціи» въ ковычкахъ, какъ извѣстно, пользуется университетскій вопросъ. «Университетъ — цитадель революціи, учащаяся молодежь—передовой отрядъ освободительства»,—такова подоплека «оппозиціонной» точки зрѣнія на это дѣло. Наука, знанія, государственная важность университетовъ — все это гдѣ то тамъ, столь далеко на заднемъ планѣ, что почти и не замѣтить въ туманѣ расплывающіяся черты. На авансценѣ же во весь ростъ стоитъ представленіе о молодежи, какъ о наилучшемъ революціонномъ матеріалѣ.

Напомнимъ, что это—одна изъ коренныхъ традицій русскаго освободительства. Всѣ движенія, какія только у насъ ни возникали, были разсчитаны главнымъ образомъ на учащуюся

молодежь. Народничество, терроризмъ, толстовщина, земскій планъ освобожденцевъ, рабочее движеніе, украинофильство, еврейскій бундъ, соціализмъ забастовочнаго типа,—вездѣ въ первую голову пускалась учащаяся молодежь, которую сознательно и систематически тренировали въ соотвѣтствующемъ духѣ, всѣми средствами и способами внушая, что именно ей суждено „сломить оковы", именно на нее обращены взоры „народа-раба" и что, если не она, то никто не освободитъ страну отъ „нестерпимаго гнета бюрократическаго средостѣнія". Ежедневная печать, такъ называемые „толстые" журналы, литература, публичныя лекціи и, что грѣха таить, чтенія „популярныхъ" профессоровъ при закрытыхъ дверяхъ университетскихъ аудиторій спеціально были приноровлены къ этой опредѣленной цѣли. Каждый день въ толщу молодежи, и безъ того легко воспламеняющейся, бросались зажигательныя статьи, рѣчи, лекціи, внѣдрявшія весь кодексъ освободительскихъ формулъ, внушавшихъ поклоненіе революціоннымъ богамъ и самое извращенное представленіе о русской дѣйствительности.

Когда профессоръ, уже вкусившій отъ плодовъ популярности и ради нихъ давно махнувшій рукой на науку, доходилъ въ своихъ лекціяхъ, напримѣръ, до исторіи англійской или французской революціи или даже просто до необходимости изложить государственное устройство страны, гдѣ существуетъ парламентаризмъ,—выраженія подбирались неизмѣнно самыя возвышенныя, обязательно въ превосходной степени, при чемъ вообще молодежи показывалась исключительно лицевая сторона событія или явленія. Но когда затѣмъ тому же про-

фессору приходилось возвращаться къ Россіи, онъ не только имѣлъ видъ человѣка, только что спустившагося съ неба на землю, но немедленно же приходилъ въ раздраженіе, начиналъ язвить, саркастически улыбаться, его всего подергивало, и, нисколько не смущаясь, разсчитывая исключительно на довѣрчивость слушателей, онъ тутъ же изобрѣталъ рядъ будто бы „самыхъ элементарныхъ требованій науки", которымъ, по его словамъ, русская дѣйствительность „противорѣчитъ" на каждомъ шагу. Ему и этого, однако, казалось мало. Онъ острилъ, издѣвался, измывался и не успокаивался до тѣхъ поръ, пока не убѣждался что атмосфера „протеста" создана въ полной мѣрѣ.

Не всѣ профессора такъ поступаютъ, но вѣдь и не всѣ профессора принадлежатъ къ „оппозиціи". Мы говоримъ только объ „оппозиціонныхъ" профессорахъ. Было бы точнѣе сказать. о полупрофессорахъ, такъ какъ, главнымъ образомъ, въ рядахъ „оппозиціи" подвизаются именно наименѣе серьезныя ученыя силы. Первые же ряды въ этой средѣ заняты, конечно, людьми, лишенными всякой научной подготовки, тѣми приватъ-доцентами, вѣчными магистрантами и всякаго рода „исправляющими должность профессоровъ", которые являются живымъ свидѣтельствомъ нашей нищеты по части ученыхъ силъ.

Надо знать, какъ поверхностно и легко мысленно поставлена у насъ подготовка къ профессурѣ, и какъ просто любой невѣжда можетъ сдѣлаться приватъ-доцентомъ университета, чтобы понять всю серьезность этого вопроса. Является, положимъ, даже къ серьез-

ному ученому, какой нибудь молодой человѣкъ. Предположимъ, какой нибудь Набоковъ или Кокошкинъ. Ученому некогда, онъ въ такой мѣрѣ заваленъ лекціями, службой въ разныхъ учрежденіяхъ, срочной литературной работой, что и принять то этого молодого человѣка онъ можетъ развѣ на пять минутъ. Хорошо еще, если онъ приметъ его въ кабинетѣ, а то просто выйдетъ въ переднюю. „Хотите готовиться къ магистерскому экзамену? Но стоитъ ли вамъ? Взвѣсили ли вы свои силы? Впрочемъ, вашу работу я помню. Есть огонекъ. Напрасно только такъ съ плеча обо всемъ судите. Ну, чтожъ, готовьтесь. Заходите время отъ времени— поговоримъ“.

Но Набоковъ или Кокошкинъ знаютъ и безъ профессора, что имъ надо дѣлать. Програмы, по которымъ допускаютъ къ магистерскимъ экзаменамъ, по правиламъ, должны составляться самимъ магистрантомъ, но работать скучно, а такихъ программъ имѣется въ обращеніи достаточное количество. Конечно, кое-чѣмъ подзаняться все-таки надо, но, главное, нужно изучить сочиненія экзаменаторовъ. Огромное значеніе имѣетъ опредѣленная принадлежность къ „партіи“, особенно, если факультетъ въ своемъ большинствѣ освободительскій. „Своихъ“ такой факультетъ всегда поддержитъ. Нужно лишь своевременно установить отношенія. По понедѣльникамъ собираются у такого-то, по четвергамъ у такого-то, а у того, у кого собираются по субботамъ, даже правило такое: если экзаменуется не посѣщающій его „культурныхъ“ субботъ, онъ во время экзаменовъ гримасничаетъ и всѣмъ видомъ своимъ показываетъ, что давно пора не пускать въ универ-

ситетъ „людей съ улицы", можетъ быть, даже „провокаторовъ".

Экзаменъ сходитъ разно. У кого лучше, у кого хуже, но самый экзаменъ такъ поставленъ, что именно тѣ, кто ловчѣе умѣетъ краснобайствомъ, памятью и готовностью отстаивать чужіе взгляды прикрывать отсутствіе вдумчивости и глубокихъ научныхъ интересовъ, всегда выдержитъ лучше, чѣмъ молодой человѣкъ, много и самостоятельно работавшій. Опять таки надо помнить, что всѣмъ нѣкогда. Къ тому же на экзаменующагося Набокова или Кокошкина уже привыкли смотрѣть, какъ на „своего" и, въ концѣ концовъ, вѣдь передъ ученымъ конклавомъ стоитъ только начинающій, отъ котораго нельзя много требовать.

Забывается, однако, что Набоковъ или Кокошкинъ люди себѣ на умѣ, изъ молодыхъ да ранніе. Набокову или Кокошкину только бы выдержать экзаменъ и затѣмъ исполнить пустую формальность—прочесть двѣ пробныя лекціи на званіе приватъ-доцента. Больше имъ ничего не нужно. Въ качествѣ приватъ-доцентовъ они въ глазахъ общества являются уже профессорами, для студентовъ они также профессора, передъ ними открывается полная возможность собирать въ аудиторію сотни студентовъ, которымъ они могутъ говорить что угодно; для редакцій „прогрессивныхъ" журналовъ они не только профессора, но много лучше профессоровъ: профессоръ, даже когда онъ берется сочинять всякій освободительскій вздоръ, все таки невольно стѣсняется; онъ кое-что, дѣйствительно, знаетъ, и ему не такъ легко поддѣлаться подъ освободительскія формулы; Набоковъ же или Кокошкинъ ничего не знаютъ,

такъ что имъ и стѣсняться нечего; между тѣмъ они рекомендуются читателямъ въ качествѣ профессоровъ и, слѣдовательно, журналъ, печатая ихъ статьи, сразу убиваетъ двухъ зайцевъ: печатаетъ форменный освободительскій вздоръ, но вмѣстѣ съ тѣмъ скрѣпляетъ его подписью „мужа науки", патентованнаго ученаго, который, предполагается, и хотѣлъ бы солгать да не можетъ, ибо у него на все „наука".

Эти полупрофессора заполонили теперь наши университеты. Совершенно также, какъ мыши заполоняютъ домъ, изъ котораго хозяева выѣхали. Единый хозяинъ университетовъ— наука, но она загнана куда то на задворки. На первомъ планѣ — университетъ, какъ главный штабъ революціи, и всѣ эти полупрофессора, какъ первые руководители молодежи.

Чтобы имѣть представленіе о внутреннихъ достоинствахъ той „науки", которую эти полупрофессора преподаютъ въ своихъ аудиторіяхъ, приведемъ выдержки изъ печатнаго курса одного изъ нихъ, а именно пресловутаго Гредескула.

„Существуетъ, — говоритъ въ этомъ курсѣ г. Гредескулъ, — цѣлый рядъ правонарушеній, *не затрагивающихъ власть имущихъ,* напримѣръ, мелкихъ кражъ. Но наряду съ этимъ существуетъ цѣлый рядъ другихъ правонарушеній, какъ, напримѣръ, политическія, которыя уже существеннымъ образомъ затрагиваютъ *интересы* государственной власти. Тутъ сплошь и рядомъ судебная процедура превращается въ такую (суды военные, военно-полевые), о безпристрастіи которой говорить не приходится. Перейдемъ къ другой группѣ преступленій, къ преступленіямъ должностнымъ. И здѣсь возможны пре-

ступленія, не затрагивающія интересовъ власти, но если мы имѣемъ дѣло съ преступленіями *высшихъ* должностныхъ лицъ, если преступленіе идетъ сверху до низу, тогда власть является заинтересованной, а потому, *правосудіе искажается*, чтобы наилучшимъ образомъ защитить интересы *господствующихъ классовъ*".

А вотъ и еще одинъ отрывокъ изъ того же курса:

„Судебный персоналъ въ жару реформы суда (имѣется въ виду реформа 60-хъ годовъ) проявилъ большую честность и стремленіе служить дѣлу истиннаго правосудія; но вскорѣ послѣ этого наступила *систематическая порча* суда и судебнаго вѣдомства. Оно сильно измѣнилось и потеряло свои прежнія судебныя качества" (стр. 12, 33). Иными словами: сдѣлалось безчестнымъ и неправосуднымъ. Весьма научно г. Гредескулъ! Но дальше еще лучше:

„Сенатъ *можетъ* проявлять *нѣкоторую* безпристрастность и независимость, но долженъ сказать, что въ дѣлахъ важныхъ, когда примѣшиваются политическія какія нибудь соображенія, то и Сенатъ правосудія не даетъ. Яркимъ примѣромъ можетъ смужить извѣстное дѣло одесскаго градоначальника Нейдгарда". (Стр. 15—16).

Наконецъ вотъ еще отрывокъ:

„Прежде чѣмъ примѣнить законъ—поучаетъ г. Гредескулъ—судьѣ слѣдовало бы собственно выяснить, находится ли этотъ законъ въ согласіи съ конституціей страны. Если находится въ согласіи—тогда его надо примѣнить, но если не находится—тогда закона примѣнить нельзя (?!!). Именно такая постановка дѣла является правильною — авторитетно заявляетъ профес-

соръ—хотя въ Россіи право свѣрять законъ съ конституціей судьямъ не предоставлено (стр. 16, 17, 20).

Что это: недомысліе, бредъ или же, дѣйствительно, сознательное засореніе молодыхъ мозговъ, дѣлаемое въ убѣжденіи, что разъ преподаваніе безконтрольно, то ничто не препятствуетъ обращать его въ орудіе партійной агитаціи?

Но приведемъ еще образчикъ. Къ сожалѣнію, мы должны сказать, что на этотъ разъ рѣчь идетъ не о „подающемъ надежды" молодомъ кадетѣ, лѣтъ сорока съ хвостикомъ или около того, а о старомъ уже профессорѣ, порядочное число лѣтъ весьма исправно получавшемъ всѣ полагавшіеся профессорамъ чины и ордена, но вдругъ, со времени „освободительнаго движенія" пустившагося во всѣ тяжкія кадетизма.

Мы имѣемъ въ виду казанскаго профессора Ивановскаго. Вотъ, напримѣръ, что читаемъ въ его курсѣ государственнаго права (Казань, 1909 г., изд. 2-е) на стр. 222:

„Помимо указанныхъ прерогативъ или преимуществъ, королю присваиваются и другія довольно значительныя прерогативы—каковы: содержаніе на государственный счетъ, устройство особаго двора, титулы и гербы.

„*Нѣтъ ни одного конституціоннаго государства, гдѣ конституція заставляла бы короля своимъ собственнымъ трудомъ снискивать себѣ средства къ жизни.* Наоборотъ, во всѣхъ конституціяхъ установленъ, такъ называемой, „цивильный листъ". Это листъ, опредѣляющій матеріальное содержаніе короля. Содержаніе это обыкновенно считается не сотнями рублей, не тысячами, даже не сотнями тысячъ, но милліонами. Англій-

скій король получаетъ четыре милліона восемьсотъ тысячъ рублей. Прусскій получаетъ семь милліоновъ. Такимъ образомъ, счетъ идетъ милліонами. Объяснить такія крупныя цифры можно только исторически. Конституціонная власть представляетъ переходъ отъ абсолютной власти, а при абсолютной власти не было никакихъ цивильныхъ листовъ, и величина королевскихъ расходовъ опредѣлялась самими королями, при чемъ цифры, опредѣлявшія (?) содержаніе, во много разъ превышали тѣ цифры, какія устанавляются теперь. *Для народнаго блага переходъ къ конституціонализму при этихъ даже* (!!) *условіяхъ представлялся желательнымъ и выгоднымъ.* Что касается какихъ нибудь (?) политическихъ соображеній для оправданія такихъ большихъ цифръ, то ихъ трудно отыскать; *единственно, что можно допустить,* такъ это желаніе дать возможность монархамъ въ широкихъ размѣрахъ осуществлять благотворительность, т. е. *дѣло клонится къ тому, чтобы поднять въ глазахъ народа личность монарха*".

Обращаемся съ вопросомъ ко всѣмъ спеціалистамъ и даже къ самому г. Ивановскому: неужели же не стыдно человѣку, хоть нѣсколько учившемуся, хоть сколько нибудь понимающему, что такое научное изложеніе вопросовъ, хоть до нѣкоторой степени отдающему себѣ отчетъ въ томъ, какія задачи преслѣдуетъ университетское преподаваніе,—неужели же не стыдно столь низменно и пошло трактовать научный предметъ?

Мы привели выдержки изъ двухъ кадетскихъ, съ позволенія сказать, „курсовъ". Мы могли бы привести еще десятки такихъ же выдержекъ. Но мы не дѣлаемъ этого, не желая

ссылаться на стенографическія записи слушателей; печатаютъ-же свои курсы только тѣ кадеты, которые или слишкомъ ужъ безцеремонны, или просто не понимаютъ, что дѣлаютъ. Большинство, наоборотъ, принимаетъ всѣ мѣры, чтобы то, что они читаютъ студентамъ, оставалось маленькимъ секретомъ между лекторомъ и слушателями.

При такихъ взглядахъ на науку, на задачи преподавателя и изслѣдователя, очевидно, когда тѣ же кадеты къ случаю и безъ случая что то толкуютъ объ университетѣ, какъ о храмѣ, куда нѣтъ доступа постороннему (слѣдуетъ понимать—государственному) контролю, нельзя, надѣемся, сомнѣваться, что рѣчь идетъ вовсе не о храмѣ, а только объ этомъ контролѣ. Контроля кадеты не любятъ; они любятъ лишь контролировать. Университетъ т. е. кадетскіе полупрофессора должны имѣть право контролировать государство, но государство кончается у порога университета. Отсюда начинается уже владычество академическаго союза, т. е. содружества тѣхъ самыхъ, которые неуклонно стремятся обратить университеты въ цитадель революціи. Эти стремленія и есть то, что лежитъ въ основѣ всѣхъ кадетскихъ разговоровъ объ университетской автономіи.

Автономія высшихъ учебныхъ заведеній — прекрасная вещь. Но это—средство, а не цѣль. Цѣлью можетъ быть только одно: развитіе знаній, подготовка образованныхъ людей, такихъ, которые были бы полезными слугами государства и общества. Автономія нужна, но потому, что она, въ виду особаго характера университетской жизни, способствуетъ университетамъ лучше и полнѣе достичь ожидаемыхъ отъ нихъ,

какъ государствомъ, такъ и обществомъ, результатовъ. Автономія, однако, вовсе не является обращеніемъ университетовъ въ какія то государства въ государствѣ. Контроль долженъ быть. Когда очевидно, что въ университетахъ творится нѣчто подобное тому, что творилось въ нихъ хотя бы недавно, государство оказалось бы просто не исполнившимъ своей обязанности, если бы только ходило вокругъ да около и, указывая на агитацію, предоставило бы шайкѣ зарвавшихся провокаторовъ доканчивать гибель русскихъ университетовъ.

А это именно — провокаторы. Когда къ нимъ предъявляютъ требованія, они увѣряютъ, что вовсе не они, а сама молодежь всему причиной, ибо молодежь, конечно, не можетъ не „реагировать“ на „общія условія“. Когда же они остаются съ глазу на глазъ съ молодежью, они возбуждаютъ ее къ „реагированію“. Вспомнимъ послѣднюю кадетскую попытку возродить студенческіе безпорядки. Еще за мѣсяцъ до начала занятій кадетскіе листки предупреждали, что, *вѣроятно*, учащаяся молодежь, эта столь чуткая среда, „не сможетъ легко помириться“ и что только „близорукое правительство ничему не научилось и не хочетъ ничего ни видѣть, ни слышать“. Въ переводѣ это означало: „Молодежь! неужели ты будешь молчать?!“ Подъ видомъ предостереженій и словами, будто бы призывающими молодежь къ спокойствію, въ дѣйствительности-же, прямо натравливавшими на забастовки и обструкцію, кадетскіе листки готовили студенческіе бунты. Предлогомъ былъ избранъ вопросъ о вольнослушательницахъ и студенческихъ старостахъ, причиной же было желаніе заставить прави-

тельство отказаться отъ права контроля и сверхъ того признать законность всѣхъ захватовъ, сдѣланныхъ въ разгаръ общей смуты.

Молодежь съѣхалась—началась агитація въ аудиторіяхъ. Профессора „намекали“, нашептывали, гдѣ нужно — пожимали плечами, гдѣ нужно—загадочно улыбались. Страсти разгорались, но тѣмъ энергичнѣе становились профессора. Они не ожидали, что на этотъ разъ они уже поняты обществомъ и что церемониться съ ними не будутъ. Менѣе всего готовились они къ тому, что думское большинство такъ рѣзко выскажется противъ нихъ, хотя на первое время—всего только въ бесѣдахъ съ газетными корреспондентами. Пришлось, дѣйствительно, бить отбой назадъ.

Вотъ это совершенно ни на чемъ не основанное право пользоваться молодежью, какъ революціоннымъ матеріаломъ, кадеты и называютъ истинной автономіей. Съ этой и только съ этой точки оцѣниваютъ они каждую попытку со стороны общества или государства напомнить университету объ его обязанностяхъ. Нечего и прибавлять, что именно поэтому они встрѣчаютъ всѣми своими громами и молніями каждую мѣру, предпринимаемую въ цѣляхъ необходимаго контроля.

Идеалъ кадетскаго университета въ двухъ словахъ таковъ: внизу — всесословный клубъ, на верху—профессорскій парламентъ; если они и не даютъ обоимъ этимъ особымъ учрежденіямъ какихъ либо опредѣленныхъ политическихъ правъ, то, во всякомъ случаѣ, признаютъ за ними серьезный авторитетъ. Впрочемъ, и тутъ кадеты только лицемѣрятъ: они очень и очень различаютъ верхній и нижній этажи своего

идеала, и, охотно выдвигая авторитетъ профессорскаго парламента, авторитетъ всесословнаго клуба они готовы признавать лишь пока, т. е. теперь, когда ждутъ отъ него „выступленій“, имъ необходимыхъ и пріятныхъ.

Такимъ образомъ, и въ университетскомъ вопросѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, о которыхъ мы говорили выше, рѣчь идетъ вовсе не о программѣ, а только о тактикѣ. Университетъ нуженъ, но не какъ университетъ, а какъ мѣсто, особенно удобное для формированія революціоннаго матеріала. Автономія нужна, но не какъ средство развивать собственно университетскія задачи, а какъ аппаратъ, прикрывающій особую пригодность университета для революціонныхъ цѣлей.

Характерная подробность: съ исключительной безапелляціонностью заявляютъ обыкновенно кадеты, что въ многихъ своихъ воззрѣніяхъ на истинный университетъ они лишь пытаются привить русскому обществу взгляды на вопросъ, давно принятые на западѣ. Во первыхъ, сравненія такого рода ровно ничего не доказываютъ, такъ какъ если ужъ вообще сравнивать, то надо сравнивать не иначе, какъ въ связи со всей исторіей культуры каждой страны. Во вторыхъ, именно на Западѣ общество никогда не прощаетъ университетамъ попытокъ политиканствующаго характера.

Лучшимъ доказательствомъ можетъ служить недавняя исторія съ профессоромъ Петражицкимъ. Какъ подписавшій выборгскую пошлость, онъ долженъ былъ, какъ извѣстно, дать подписку о томъ, что впредь подобными глупостями заниматься не будетъ (нѣчто вродѣ подписки о невъѣздѣ въ Выборгъ). Это, конечно, ему не пон-

равилось, и онъ обращался въ нѣкоторые нѣмецкіе университеты съ предложеніемъ своихъ услугъ. Что же тамъ отвѣтили ему? Отвѣтили: извините, вы подписали выборгскую глупость; намъ, сдѣлайте одолженіе, это ни къ чему не нужно... Оставайтесь поэтому, господинъ хорошій, въ Россіи. Можетъ быть, тамъ какъ нибудь и простятъ васъ.

А вотъ и еще доказательство. Только недавно въ Лейпцигѣ происходилъ съѣздъ германскихъ профессоровъ, третій по счету. Во главѣ съ такими авторитетами, какъ профессора Лампрехтъ, Вундтъ и Луи Брентано, съѣздъ призналъ недопустимыми въ стѣнахъ университетовъ и всѣхъ прочихъ высшихъ школъ какъ ложную и поддѣльную науку и ея представителей, такъ и преподавателей анархистовъ, атеистовъ и принципіальныхъ противниковъ дѣйствующаго государственно-правового порядка.

Съѣздъ призналъ, что дѣятельность такихъ преподавателей, если она можетъ быть обнаружена государствомъ, налагаетъ на него обязанность прибѣгать къ самымъ суровымъ репрессивнымъ мѣрамъ.

VI.

Дѣлатели описанной „оппозиціи“ въ кавычкахъ, какъ и всякая болѣе или менѣе опредѣленная группа дѣлятся безъ остатка на три части: на главарей, подручныхъ и толпу. Въ отличіе отъ другихъ опредѣленныхъ группъ, „оппозиціонная“ толпа сравнительно малочисленна; она лишь немногимъ больше, чѣмъ та часть, которая состоитъ изъ главарей. Это и

понятно: съ одной стороны, рядовой обыватель, подавая голосъ за завѣдомого „оппозиціониста“, вовсе не хочетъ еще этимъ сказать, что и онъ принадлежитъ къ такого же сорта „оппозиціи“; онъ подаетъ голосъ за лицо, за человѣка, который такъ или иначе, по тѣмъ или инымъ причинамъ, остановилъ на себѣ его вниманіе; съ другой-же стороны, дѣлатели „оппозиціи“ не таковы, чтобы отдать мѣсто въ Думѣ чужому, т. е. тому, который тѣснѣйшимъ образомъ не связанъ съ самимъ ядромъ кадетскаго сообщества. Бываютъ исключенія, но это уже по нуждѣ: либо нѣтъ „своего“, либо приходится принять кандидата, навязаннаго обстоятельствами. Правда, послѣ выборгской исторіи сошелъ со сцены основной кадетскій главарь, но, во первыхъ, кое-кто еще остался, во вторыхъ, постепенно стали выдвигаться болѣе молодыя силы. Если нѣкоторая часть этихъ послѣднихъ держится до поры до времени на положеніи подручныхъ, то большинство все таки менѣе наивно, и какъ только появляется на горизонтѣ, такъ сейчасъ-же требуетъ перечисленія въ классъ главарей. Очевидно, разсуждаютъ такъ: „если ужъ и въ „оппозиціи“ не дѣлать быструю карьеру, то стоитъ ли тогда вообще этимъ дѣломъ заниматься“. Толпу, такимъ образомъ, составляютъ мусульмане, мирнообновленцы и мелочь, вродѣ, напримѣръ, кадета Мапькова, извѣстнаго единственно тѣмъ, что напился въ дребезги и въ пьяномъ видѣ учинилъ въ театрѣ грубѣйшій скандалъ.

Изъ сонма главарей особо отмѣтимъ только главарей послѣдняго сбора, т. е. тѣхъ, которые выдвинулись сравнительно въ болѣе позднюю эпоху. Не говорить же, въ самомъ дѣлѣ, о г.г.

Милюковѣ, Родичевѣ, Головинѣ и имъ подобныхъ. Это все такія лица, о которыхъ можно сказать развѣ то, что лучше, чѣмъ они были раньше, они навѣрно не стали. Какими же они были раньше—всѣ ихъ давно знаютъ до мелочей. Постарѣли, пооблиняли, вывѣтрились, и въ житейскомъ и въ политическомъ смыслѣ пообрюзгли и не столько стоятъ передъ обществомъ, сколько мозолятъ ему глаза. „Оппозиціонисты"-же послѣднихъ урожаевъ—сравнительно новыя фигуры. О нихъ стоитъ сказать нѣсколько словъ, хотя бы для того, чтобы оттѣнить нѣкоторыя подробности „оппозиціонной" тактики.

На первомъ мѣстѣ мы ставимъ, конечно, присяжнаго повѣреннаго Маклакова. Это—типичный талантъ на безлюдьи, быть можетъ, еще болѣе типичный герой переживаемаго безвременья. Весь половинчатый, онъ никогда не бываетъ искрененъ, ни тогда, когда, повидимому, отдается во власть темперамента, ни тогда, когда старается убѣдить логическими построеніями. Онъ прекрасно говоритъ, но онъ не ораторъ. Онъ достаточно ловко пользуется юридическими понятіями, но онъ не юристъ. Онъ охотно переходитъ къ обобщеніямъ, но онъ не мыслитель. Онъ всегда не прочь обратиться къ здравому смыслу практическихъ людей, но онъ столько же далекъ отъ практическаго пониманія, сколько и отъ научнаго мышленія.

Но далѣе. Онъ особенно любитъ играть на лучшихъ чувствахъ своихъ слушателей, на томъ, что каждому дорого и свято. Онъ взываетъ къ Богу, къ праху родной матери, къ голосу беззавѣтнаго патріотизма. Но все это онъ дѣлаетъ

только для того, чтобы „выиграть процессъ". Имѣется извѣстное партійное заданіе, онъ перерабатываетъ его въ лабораторіи своего половинчатаго духа, и идетъ на каѳедру съ намѣреніемъ любой цѣной вырвать у судей нужное ему рѣшеніе. Когда онъ выступаетъ въ судебномъ процессѣ, онъ больше политикъ, чѣмъ адвокатъ, но когда онъ говоритъ съ думской каѳедры—онъ непремѣнно и всегда присяжный повѣренный.

Московскіе либеральные межеулки не даромъ трудились всѣ эти послѣдніе годы надъ засореніемъ души и мозговъ учащейся молодежи. Московскіе кандидаты въ Герцены и Огаревы не даромъ столько лѣтъ долбили своимъ дѣтямъ, что мерцанье ихъ либеральныхъ свѣтильниковъ является лучшимъ достояніемъ русской культурной мысли. Въ тѣни московскихъ переулковъ, при тускломъ мерцаньи этихъ свѣтильниковъ, формировались умъ и чувства учащейся молодежи, и въ результатѣ мы не имѣемъ ни одного политическаго характера, но сколько угодно присяжныхъ защитниковъ либерализма, адвокатовъ условно понимаемой культурности. Присяжный повѣренный Маклаковъ не лучшій изъ такихъ адвокатовъ, но безусловно одинъ изъ самыхъ типичныхъ.

Типичность его проявляется и въ томъ, что онъ весьма легко уживается и съ тѣмъ особымъ колоритомъ, на которомъ воспитался въ пріемной покойнаго Плевако, и съ тѣмъ специфическимъ запахомъ, какимъ всякаго встрѣчаетъ рабочій кабинетъ г. Милюкова и шести его Гессеновъ съ Винаверомъ. Онъ уживается и съ титулованными представителями такъ называемаго лѣваго октябризма, и съ ихъ проти-

воположностью — всколоченными представителями крайнихъ лѣвыхъ партій. Сегодня онъ подъ руку съ оставшимися не у дѣлъ сановниками, а завтра онъ—весь вниманіе, слушая ожесточенныя нашептыванія какого нибудь Бурцева. Сегодня онъ, въ сопровожденіи красавицы москвички, гуляетъ по кладбищу, и, заслышавъ звонъ колокола кладбищенской церкви, усердно осѣняетъ себя крестнымъ знаменемъ, а завтра предсѣдательствуетъ въ собраніи масоновъ и въ часовой рѣчи доказываетъ, что первая задача времени—низвергнуть православіе.

Напримѣръ, еще только въ 1903 г. Маклаковъ оказывалъ весьма существенную поддержку московскому комитету „рабочей партіи". Собиралъ для нихъ деньги, гдѣ могъ. Въ 1906 г. онъ, вмѣстѣ съ Нессельроде и Долгоруковымъ обивалъ пороги парижскихъ банковъ, прося ихъ не давать Россіи денегъ. Въ 1907 г. онъ, съ „правомъ совѣщательнаго голоса засѣдалъ въ Лондонѣ на „съѣздѣ россійской соціалдемократіи". А теперь онъ увѣряетъ, что онъ—„правый" кадетъ! Можетъ-ли что—нибудь быть нелѣпѣе? Между тѣмъ, все, сообщаемое нами—точные факты, и г. Маклаковъ не посмѣетъ отрицать ихъ. Онъ, конечно, пойметъ, что мы знаемъ больше, чѣмъ онъ того хотѣлъ бы.

Такіе люди горятъ священнымъ огнемъ идейности, пока увѣрены что практически это не налагаетъ на нихъ никакихъ обязательствъ, но они сразу же переходятъ къ проповѣди „необходимаго практическаго благоразумія", какъ только лично къ нимъ предъявляютъ требованія, которыя они такъ легко и рѣшительно предъявляютъ къ другимъ.

Для г. Милюкова такіе люди—исключительно счастливая находка. Правда, г. Маклаковъ не любитъ подчиняться и время отъ времени подчеркиваетъ, что онъ знаетъ себѣ цѣну, но, съ другой стороны, именно такіе, какъ онъ, и являются тѣмъ багромъ, при помощи котораго революціонная по духу и тактикѣ „оппозиція" особенно удачно вылавливаетъ изъ среды думскаго большинства наименѣе устойчивые элементы.

Г. Маклаковъ относится къ г. Милюкову только, какъ къ одному изъ эпизодовъ своей жизни, но г. Милюкову рѣшительно все равно, какъ относится къ нему г. Маклаковъ. Только бы старался и этимъ исполнялъ свое назначеніе. Если когда нибудь наступитъ моментъ, который дастъ г. Милюкову возможность подвести окончательные итоги, г. Милюковъ представитъ г. Маклакову соотвѣтствующій счетецъ, и, конечно, не затруднится объявить его несостоятельнымъ. Но теперь не время говорить о какихъ бы то ни было счетахъ, и г. Милюковъ, встрѣчая г. Маклакова, охотно привѣтствуетъ его радостными улыбками.

Особенный успѣхъ имѣетъ дѣятельность г. Маклакова въ средѣ той самой добродушной, мягкотѣлой русской интеллигенціи, о которой мы говорили выше. Эта среда — среда безвременья, и она угадала въ г. Маклаковѣ своего героя. Но отъ того то такъ и нуженъ „оппозиціи" г. Маклаковъ. Съ радикальными кружками г. Милюковъ и самъ споется, а по сю сторону радикализма ему уже давно нѣтъ въѣзда. Какъ ни прикрывается онъ овечьей шкурой, его волчьи зубы слишкомъ опредѣленно выдаютъ его, и каждый даже не очень освѣдомленный

въ политикѣ обыватель—довольно быстро понимаетъ, изъ за чего собственно г. Милюковъ хлопочетъ. Не такъ, однако, легко разобраться этому обывателю въ г. Маклаковѣ. Тѣмъ болѣе, что г. Маклаковъ никогда еще не сказалъ ни слова по существу тѣхъ вопросовъ, о которыхъ онъ говоритъ иногда часами. Обыватель, слѣдовательно, разсуждаетъ въ этомъ случаѣ по просту: разъ г. Маклаковъ можетъ состоять въ кадетахъ, значитъ ничего особенно революцiоннаго въ кадетахъ нѣтъ.

На это то разсужденiе и возлагаетъ свои надежды глава кадетъ. За это то онъ до поры до времени и прощаетъ г. Маклакову даже то, что, подъ шумокъ, г. Маклаковъ не прочь зло пошутить надъ нимъ. Потомъ сочтемся!—думаетъ г. Милюковъ и незамѣтно подталкиваетъ всѣхъ своихъ Гессеновъ, прося ихъ быть прiятнѣе съ г. Маклаковымъ.

Революцiя и нацiонализмъ, московская закваска и масонство, Бурцевъ и театральныя кулисы, дружба съ сановниками не у дѣлъ и борьба противъ того, что этими же сановниками оставлено, какъ память о себѣ,—таковы тѣ „вѣхи“, между которыми мечутся г. г. Маклаковы. Куда они идутъ? Они не знаютъ. Куда они ведутъ? Вотъ ужъ по истинѣ: никуда.

Куда ведетъ присяжный повѣренный, доказывающiй суду, взывая къ лучшимъ человѣческимъ чувствамъ, невинность завѣдомаго мошенника? Ведетъ къ личному успѣху. Потомъ, если удастся добиться оправдательнаго приговора, пожилыя дѣвицы будутъ обжигать пылкостью своихъ взглядовъ, дамы, которымъ дѣлать нечего, будутъ просить карточку на память, а соучастники товарищеской попойки будутъ

жать руки и говорить: „ловко ты его, братецъ, обѣлилъ; вѣдь этакій мошенникъ—прямо, можно сказать, изъ самой пасти ты его вызволилъ“.

Совсѣмъ иную роль въ составѣ „оппозиціи“ играетъ г. Шингаревъ. Это „спеціалистъ“. Такъ, по крайней мѣрѣ, называется онъ въ кадетскихъ кружкахъ. Оговоримся: у кадетовъ нѣтъ ни одного, кто не считался бы какимъ нибудь „спеціалистомъ“, но есть нѣсколько, о которыхъ особо отмѣчается, что они—„спеціалисты“. Такъ, напримѣръ, Іосифъ Гессенъ особенно отмѣчается, какъ спеціалистъ по части судебнаго вѣдомства, генералъ Бобянскій—какъ спеціалистъ по военнымъ вопросамъ, проф. Лучицкій,—какъ спеціалистъ по академическимъ вопросамъ. Происхожденіе такого рода „спеціальностей“ весьма простое: Гессенъ служилъ въ Министерствѣ Юстиціи и, не получивъ ожидаемаго повышенія, вспыхиваетъ, какъ „немножко пороха“, при одномъ упоминаніи объ этомъ вѣдомствѣ; генералъ Бобянскій служилъ военнымъ судьей и, слѣдовательно, никогда никакого отношенія къ дѣламъ обороны не имѣлъ, но онъ также былъ обиженъ по службѣ и также имѣетъ кое-какіе счеты, съ которыми еще не поквитался; профессоръ Лучицкій былъ всю жизнь однимъ изъ тѣхъ профессоровъ, которыхъ дай Богъ поменьше, но онъ все-таки—профессоръ, а, слѣдовательно, спеціалистъ по академическимъ вопросамъ.

Г. Шингаревъ, однако, все таки совсѣмъ особый спеціалистъ. Его спеціальность быть спеціалистомъ по всѣмъ вопросамъ. Говорятъ, будто бы онъ чувствуетъ себя нѣсколько слабѣе только по двумъ вопросамъ: о пропинаціяхъ и о постановкѣ въ западно-европейскихъ

женскихъ школахъ преподаванія рукодѣлія. Но, вѣроятно, это только клевета. Вѣроятно, и тутъ, когда повелитъ г. Милюковъ, онъ не ударитъ въ грязь лицомъ.

Судя по тому, что вытекаетъ изъ рѣчей г. Шингарева, его спеціальными вопросами являются: условія жизни на Амурѣ, вопросы землеустройства, почтовое дѣло, государственные займы, сахарная промышленность, административный судъ, богоугодныя заведенія, кавказскія дѣла, вопросъ о низшей школѣ, переселенческое дѣло и, кажется, рыболовство и рыбоводство.

О послѣднемъ, впрочемъ, говоримъ по слухамъ. Передаютъ, что, когда этотъ вопросъ наконецъ докатится до общаго собранія Думы, г. Шингаревъ выступитъ съ программной рѣчью. Кадеты держатся, какъ извѣстно, того мнѣнія, что нельзя успѣшно разводить рыбу, если не имѣется одновременно въ виду включить вѣдомство Императрицы Маріи въ число вѣдомствъ, бюджеты которыхъ подлежатъ вѣдѣнію Думы. Такова общая мысль, и вотъ г. Шингаревъ будто бы обѣщаетъ подтвердить ее точными цифрами.

Вся сила этого „спеціалиста" —въ его точности. Когда, напримѣръ, онъ читаетъ съ думской каѳедры какія либо выдержки изъ книги или документа, всѣ одинаково увѣрены, что онъ точно выхватываетъ изъ страницы и даже изъ фразы только то, что подтверждаетъ его мысль, и съ такой же точностью скрываетъ все то, что говоритъ противъ него.

Вотъ, напримѣръ, что произошло въ засѣданіи Думы при обсужденіи вопроса объ Амурской дорогѣ. Шингаревъ былъ обязанъ доказать, что нельзя строить эту дорогу, такъ какъ

на Амурѣ люди умираютъ съ голода, коровы молока не даютъ, курицы яицъ не несутъ, овцы же, вмѣсто шерсти, обростаютъ щетиной, но и та валится раньше, чѣмъ сдѣлается на что либо пригодной. Чтобы окончательно убѣдить слушателей, онъ предложилъ Думѣ выслушать цитаты изъ брошюры нѣкоего Чикалева, долго жившаго на Амурѣ. Предполагалось, конечно, что никто этой брошюры не знаетъ, и „точность" на этотъ разъ сойдетъ съ рукъ безнаказанно. Но оказалось, что цитируемая брошюра имѣется у графа Владиміра Бобринскаго, которому пришлось говорить какъ разъ вслѣдъ за Шингаревымъ.

Вотъ что читаемъ по этому поводу въ стенографическомъ отчетѣ, въ рѣчи гр. Бобринскаго 2-го. „Позвольте мнѣ сдѣлать еще одну ссылку на брошюру, на которую нѣсколько разъ ссылался членъ Государственной Думы Шингаревъ. Это брошюра Чикалева. Судьбѣ угодно, г.г., чтобы членъ Государственной Думы Шингаревъ всегда говорилъ предо мной, или вѣрнѣе, чтобы я всегда говорилъ послѣ него. Мнѣ уже разъ пришлось вспомнить Гоголя и просить члена Государственной Думы Шингарева читать „все", какъ то было съ письмомъ къ городничему. Теперь я тоже долженъ обратиться съ такой же просьбой. Членъ Государственной Думы Шингаревъ, прочтя намъ о томъ, что казаки бѣдствуютъ у Амура, не прочиталъ намъ „всего". Авторитетъ же, на который онъ ссылается нѣсколькими строчками дальше пишетъ: „въ то время, какъ казаки живутъ, благодаря своей инертности, очень неприглядно, кое-какъ ведя земледѣліе и вовсе не занимаясь огородничествомъ, якобы

изъ за вѣчной мерзлоты грунта, русскіе поселенцы на рѣкѣ Зеѣ живутъ прекрасно, собирая большія жатвы. У нихъ есть средства на косилки (Бурные аплодиссменты въ центрѣ и справа). Но не только членъ Государственной Думы Шингаревъ не прочелъ намъ того, что слѣдуетъ за его цитатой, — онъ не прочелъ и того, что ей предшествуетъ. Онъ прочелъ такъ: „живутъ въ грязныхъ, тѣсныхъ хатахъ" и т. д. Но раньше мы читаемъ: „казаки пользовались, не прилагая особыхъ трудовъ, тѣмъ, что давала сама природа, потребности у нихъ сократились, они облѣнились и стали жить такъ, что на первый взглядъ можно подумать, что они находятся въ большой нуждѣ". И такъ, можно только „подумать". Если членъ Государственной Думы Шингаревъ могъ проглядѣть то, что идетъ дальше, то никакъ ужъ онъ не могъ не прочитать того, что прочиталъ я, такъ какъ это находится въ одномъ абзацѣ, и одна цитата отдѣляется отъ другой только запятой („Шумные аплодиссменты въ центрѣ и справа".)

Кто былъ въ этотъ день въ Думѣ, тотъ, конечно, никогда не забудетъ впечатлѣнія, произведеннаго отмѣчаемыми въ стенографическомъ отчетѣ шумными аплодиссментами. Это былъ взрывъ пощечинъ по адресу того, кто позволилъ себѣ столь злостно и сознательно обманывать Государственную Думу.

Но развѣ это былъ единственный такой случай? Тоже самое г. Шингаревъ продѣлываетъ обязательно каждый разъ, какъ только онъ обращается къ цифрамъ или документамъ. Какъ бывшій земскій врачъ, г. Шингаревъ, сдѣлавшись вдругъ политическимъ дѣятелемъ, есте-

ственно распространилъ и на свою думскую дѣятельность привычки и опытъ земскаго врача: надо оказать помощь, а болѣзни всѣ одинаковы да и лекарства, въ сущности, все тѣ же. Главное — рѣшимость, а тамъ больной ужъ самъ какъ нибудь выкарабкается. Съ этой точки зрѣнія, г. Шингаревъ незамѣнимъ для „оппозиціи". Если понадобится, онъ въ полчаса исторію любого государства сочинитъ, а еще черезъ полчаса будетъ до изнеможенія биться по вопросу о перевооруженіи арміи, или по вопросу о новомъ пробирномъ уставѣ.

Типичнымъ представителемъ группы „оппозиціонныхъ" подручныхъ является г. Аджемовъ. Онъ — адвокатъ, кажется, ранѣе извѣстный только тѣмъ, что имѣлъ хожденіе по бракоразводнымъ дѣламъ. Благополучно или нѣтъ — мы не знаемъ; вѣроятно благополучно; во всякомъ случаѣ, пока ни о какихъ конфликтахъ на этой почвѣ не слышно. Сдѣлавшись членомъ Думы, г. Аджемовъ имѣетъ хожденіе по дѣламъ уже болѣе высокаго полета, а именно по тѣмъ, которыя вѣдаются различными центральными установленіями. Кліентъ ждетъ въ пріемной, какъ всѣ прочіе люди, а членъ Государственной Думы Аджемовъ величаво заявляетъ курьеру: „я—членъ Думы, обо мнѣ доложи немедленно". Какой шикъ, какой вмѣстѣ съ тѣмъ трепетъ въ сердцѣ кліента! О гонорарѣ, конечно, говорить не будемъ, такъ какъ это уже дѣла семейныя.

Почему г. Аджемовъ до сихъ поръ еще не приватъ-доцентъ, не профессоръ, не академикъ? Вѣроятно, просто ему нѣкогда. Какъ нибудь соберется и сдѣлается. Когда рѣчь идетъ о партійномъ работникѣ, то дѣлается это очень

просто. Даютъ переписчику переписать чужую программу, представляютъ въ факультетъ, ну, а профессоръ обязанъ принять ее. Иначе онъ будетъ немедленно отлученъ отъ сонма истинно просвѣщенныхъ людей.

Г. Аджемовъ выпускается преимущественно по вопросамъ юридическимъ. Пока жилъ Пергаментъ, это амплуа считалось занятымъ, и г. Аджемовъ былъ всего лишь компримаріемъ. Но Пергаментъ, какъ извѣстно, палъ жертвой своихъ долговъ и необходимости брать деньги хотя бы даже отъ Ольги Штейнъ. Это сразу открыло г. Аджемову большія перспективы. Теперь онъ выпускается уже чаще, хотя, конечно, отъ этого успѣхъ его не ростетъ, ибо все таки Пергаментъ какъ никакъ, но когда то чему то учился, г. Аджемовъ-же никогда ничего не зналъ и, какъ показываютъ его позднѣйшія выступленія, никогда ничему и не научится.

Есть такіе армяне. Они о себѣ разсказываютъ: „туды ходылъ, сюды ходылъ, ничего не находылъ, пошелъ карьэры дэлать—сматры, какой сэртукъ носымъ и балшой самолюбіе имэимъ!» Г. Аджемовъ, конечно, не захочетъ разсказать, куда и какъ онъ ходилъ раньше, но теперь, слѣдуетъ думать, кліенты его видятъ, что сюртукъ на немъ отъ хорошаго портного. Что же касается самолюбія, или точнѣе—самомнѣнія, то по этой части г. Аджемовъ даже г. Милюкову не уступитъ!

VII.

Нельзя обойти молчаніемъ генерала Бобянскаго. Бывшій военный судья, генералъ-лейте-

нантъ въ отставкѣ, лицо, за которымъ по формуляру числится что-то свыше 60.000 десятинъ земли въ Пермской губерніи. Земля благопріобрѣтенная. Какъ извѣстно, наши военные судьи получаютъ не очень ужъ большое содержаніе. Конечно, бережливость и удача не разъ выручали людей. Слѣдуетъ думать, что и генерала Бобянскаго выручали тѣ-же добрыя феи. . . . . .

Слухи—слухами, но обратимся лучше къ фактамъ. Имѣніе это покрыто лѣсомъ. Точнѣе: было покрыто лѣсомъ. Генералъ весьма тонко понимаетъ политическую экономію и, хотя, по своей кадетской должности, состоитъ въ идеалистахъ, но знаетъ, что капиталу, если онъ не желаетъ покрыться плѣсенью, надлежитъ обращаться. Генералъ поэтому вошелъ въ соглашеніе съ различными фирмами, которыя въ кратчайшій срокъ свели у него весь маломальски цѣнный лѣсъ. Когда такимъ образомъ опредѣлилось, что лѣсъ остался только въ мѣстахъ, откуда, за дальностью разстоянія отъ сплавныхъ рѣкъ, вывозить лѣсъ просто невыгодно, генералу, или, если судить по его собственнымъ словамъ, нѣкіимъ „заслуживающимъ довѣрія лицамъ“ пришла въ голову счастливая мысль: „а не учредить ли акціонерную компанію?“ Идея вполнѣ геніальная: лѣса нѣтъ, но разъ найдутся акціонеры, то, естественно, будутъ деньги; это—во первыхъ, а второе—если и пострадаютъ акціонеры, то все же особыхъ обидъ не будетъ, такъ какъ акціонеровъ много, и каждый, заплативъ генералу нѣкую толику, даже обрадуется, что не заплатилъ больше. И генералъ доволенъ, и акціонерамъ не такъ ужъ тяжело, кромѣ развѣ тѣхъ дуръ, которыя, сгорая

желаніемъ получать большой процентъ, повытаскиваютъ изъ чулковъ завѣтные билеты; тѣмъ временемъ подростетъ на вырубленныхъ дѣлянкахъ новый лѣсъ, и опять будетъ что продавать тѣмъ фирмамъ, которыя раньше сводили генеральскій лѣсъ.

Когда у генерала спросили: „ваше превосходительство, а вѣдь лѣсъ-то у васъ, какъ будто вырубленъ?" — онъ не растерялся. „У меня,—сказалъ онъ бойко,—хотя и была казавшаяся мнѣ невыгодной эксплоатація лѣса, но лучшій лѣсъ, вѣроятно, еще остался". „Впрочемъ",—добавилъ генералъ тутъ-же, — „не моя это мысль, а хорошихъ, почтенныхъ людей, и я только возбудилъ ходатайство объ учрежденіи акціонернаго общества; самъ же даже не знаю, въ какомъ положеніи находится дѣло".

Бѣда съ этими идеалистами! Все забываютъ, даже то, что сами же дѣлаютъ. Генералъ, какъ оказалось по справкамъ, не только лично возбудилъ ходатайство объ учрежденіи компаніи для разработки „вѣроятнаго" лѣса, но и лично настаивалъ на этомъ ходатайствѣ, когда ему въ немъ отказали. Впрочемъ, генералъ Бобянскій вообще, видимо, человѣкъ не отъ міра сего. По крайней мѣрѣ, именно тогда, когда по внушенію „заслуживающихъ довѣрія людей" онъ хлопоталъ о компаніи для разработки „вѣроятнаго" лѣса, онъ приступилъ къ массовой распродажѣ своей земли крестьянамъ, причемъ объявленіями, разсылаемыми по всей Россіи, призывалъ переселенцевъ, обѣщая имъ крупную ссуду изъ суммъ крестьянскаго банка. Банкъ, правда, рѣшительно ничего объ этомъ не зналъ, но ему ли генералу, члену Думы, стѣсняться такими мелочами?!..

„Ваше превосходительство,—спросили его,—какъ же это такъ?“ Но генералъ, какъ чистѣйшей воды идеалистъ, и тутъ не смутился. „Это не я, а у меня тамъ все—управляющій, предостойный человѣкъ!“ И вновь оказалось, что генералъ—человѣкъ крайне разсѣянный. Онъ забылъ прибавить, что управляющимъ у него состоитъ его родной братъ.

Но и это не все. У этого генеральскаго брата есть жена. Оказывается и она имѣетъ отношеніе къ дѣлу. Какъ чистѣйшей воды идеалистъ, генералъ любитъ поговорить о земскомъ самоуправленіи, но земскихъ сборовъ съ своего имѣнія онъ не платитъ. Когда однажды явилась полиція взыскивать сборъ (а недоимокъ оказалось свыше 30.000 рублей), то нашла смолокуренный заводъ; только, однако, приступили ко взысканію, какъ оказалось, что это вовсе не генеральская собственность. Чья-же? Жены его брата, состоящаго генеральскимъ довѣреннымъ! Какая исключительная коллекція идеалистовъ!

Для полноты этой семейной пасторали слѣдуетъ добавить, что переселенцы, имѣвшіе несчастье соблазниться объявленіями генерала, начали заявлять о томъ, что они обездолены и разорены. Генералъ, когда ему сказали объ этомъ, изумился и печатно заявилъ, что вѣдь, по обыкновенію, переѣзду переселенцевъ предшествуетъ появленіе ходаковъ. Другими словами: экое дурачье, эти крестьяне! вѣдь видѣли, кажется, что покупали, а туда же лѣзутъ съ жалобами!..

Генералъ Бобянскій, впрочемъ, фигурировалъ передъ публикой еще и другой стороной своей личности. Оказывается, онъ изъ горячень-

кихъ. Не любитъ, когда какая нибудь мелкота осмѣливается ему перечить. Пріѣхалъ онъ какъ-то на станцію Торенсбергъ, что на рижскомъ взморьѣ. Тамъ почтенный генералъ проводилъ этимъ лѣтомъ свои досуги, отдыхая отъ государственныхъ заботъ, кадетскихъ конспирацій и эксплоатаціи „вѣроятнаго“ лѣса. Понадобилось ему отправить срочную телеграмму. Шутка сказать: такому генералу да еще срочная телеграмма—все, конечно, должно было замереть и распластаться на этой маленькой станціи. Но дежурный телеграфистъ, на свое несчастье, былъ занятъ служебными депешами и не только не приложился къ ручкѣ его превосходительства, а даже попросилъ генерала обождать. Генералъ, натурально, возмутился. Какъ? Его, генерала Бобянскаго, владѣльца будущихъ капиталовъ будущаго акціонернаго общества по эксплоатаціи „вѣроятнаго“ лѣса, извѣстнаго демократа, дѣлающаго „оппозицію“ всѣмъ, кто поддерживаетъ режимъ произвола, чинопочитанія и низкопоклонства, его, который себя не жалѣетъ, лишь бы получше устроить переселенцевъ—и вдругъ заставляютъ ждать, какъ если бы онъ былъ ровня этому телеграфисту, а не генералъ-лейтенантъ въ отставкѣ?! Душа генерала не выдержала и началъ онъ и кулаками помахивать, и, по исконному кадетскому обычаю, грозить громами и молніями. „Я вамъ покажу!“ —кричалъ разбушевавшійся генералъ, пока... пока не увидѣлъ жандарма.

Жандармовъ кадеты остерегаются. Это вѣдь завѣдомые черносотенцы. Съ ними лучше по хорошему. Какъ удостовѣрилъ жандармъ на судѣ, при немъ ихъ превосходительство велъ себя болѣе или менѣе прилично... Кстати, вѣдь

это старая истина: какъ только показывается жандармъ, кадеты сейчасъ же начинаютъ вести себя болѣе или менѣе прилично. Не мѣшаетъ это запомнить русскому мягкотѣлому интеллигенту, любящему поворчать на жандармовъ, въ увѣренности, что такимъ ворчаньемъ онъ, дѣйствительно, пріобрѣтаетъ всѣ права на званіе истинно — просвѣщеннаго человѣка.

Послѣ сказаннаго едва ли стоитъ добавлять, что генералъ Бобянскій—одинъ изъ наиболѣе замѣтныхъ членовъ кадетской группы, что онъ—преужасный радикалъ, что онъ—демократъ до мозга костей, что онъ стоитъ за принудительное отчужденіе, что онъ подозрѣваетъ каждое вѣдомство въ пристрастіи къ „темнымъ дѣламъ", что онъ особенно горячится, когда обвиняетъ правительство въ неумѣніи вести переселенческое дѣло. Не стоитъ даже говорить объ этомъ, такъ какъ все это понятно и само собой.

Перейдемъ къ профессору Лучицкому. Это весьма почтенный насадитель началъ партійной нетерпимости и въ наукѣ, и въ жизни. Историкъ по образованію, кружковой дѣятель по призванію, онъ и науку и жизнь дѣлитъ на два опредѣленные лагеря: свои и чужіе. Свои—тутъ онъ умиляется, восхищается, превозноситъ; чужіе—тутъ онъ извивается отъ злобы, съеживается, точно вотъ сейчасъ прыгнетъ и укуситъ, буквально задыхаясь въ брани и проклятіяхъ. Для своихъ онъ готовъ даже такую разновидность полупрофессоровъ, какъ пресловутый Тарле, наградить ученой степенью, хотя въ своей диссертаціи Тарле переводитъ латинское слово castellum (замокъ)—словомъ Кастилія (названіе одной изъ испанскихъ провинцій).

Для чужихъ—онъ готовъ порочить любой ученый трудъ, хотя бы и пользующійся общимъ признаніемъ. Самъ же онъ написалъ рядъ весьма посредственныхъ книгъ, которыя свидѣтельствуютъ лишь о томъ, что у него было много свободнаго времени и никакихъ другихъ болѣе подходящихъ занятій.

Въ Кіевскомъ университетѣ, гдѣ онъ подвизался, его имя—синонимъ кружковщины, партійныхъ дрязгъ, мелочныхъ подходцевъ и всякаго рода исторій. Ужъ если въ университетскомъ совѣтѣ разыгрывалась какая нибудь „борьба"—впередъ всѣ знали, что надо искать г. Лучицкаго. Какъ всѣ дороги ведутъ въ Римъ, такъ и всѣ кіевскія университетскія исторіи вели обязательно къ г. Лучицкому. Особенно развернулся онъ тогда, когда Кіевъ былъ осчастливленъ присутствіемъ тамъ кн. Евгенія Трубецкого, также весьма большого любителя совѣтскихъ столкновеній и дрязгъ. Они работали рука объ руку, никому изъ профессоровъ не давая покоя и впутывая въ свои интриги даже наиболѣе уравновѣшенныхъ людей. Будущій историкъ Кіевскаго университета несомнѣнно съ особой грустью отмѣтитъ тотъ періодъ дѣятельности кіевскаго совѣта, когда обѣ эти избранныя натуры, пользуясь русской слабохарактерностью, обратили цѣлое собраніе почтенныхъ ученыхъ въ совершеннѣйшій польскій сеймъ, гдѣ партія шла на партію, и только развѣ не сверкали мечи. За то изъ подъ очковъ сверкали глаза, усиленно скрипѣли перья, и даже профессорскія жены почти всѣ раззнакомились другъ съ другомъ.

Сверхъ того г. Лучицкій—украинофилъ. Онъ—„самостіецъ", т. е. сторонникъ особой малорусской государственности. Говорятъ, что сей-

часъ, по случаю надеждъ на близкое осуществленіе украинскаго „самостійства“, г. Лучицкій занятъ сочиненіемъ проекта будущей особой конституціи. Во главѣ будетъ поставлено ученіе о „недоркнысти пыки“, т. е. о неприкосновенности личности. Это будетъ, конечно, не „казенная“ неприкосновенность, которая разсчитана на то, чтобы сдѣлать прикосновенными лишь преступниковъ а „настоящая“ такая, которая именно преступниковъ и объявляетъ неприкосновенными.

Въ Думѣ г. Лучицкій не играетъ никакой роли. Онъ какъ то пробовалъ выступать, но неудачно. Въ партіи за то онъ копошится, сколько можетъ. Повидимому, ему захочется поговорить, когда дойдетъ дѣло до новаго университетскаго устава. Вотъ тутъ то и слѣдовало бы напомнить ему еще сравнительно недавніе его университетскіе подвиги, и на его собственномъ примѣрѣ показать, въ какой мѣрѣ необходимо обезопасить университеты отъ подобнаго рода профессоровъ.

Есть еще г. Нисселовичъ. Онъ—кадетъ, потому что онъ еврей. Если бы октябристы обѣщали дать евреямъ равноправіе, онъ былъ бы октябристомъ. Если бы докторъ Дубровинъ высказался за отмѣну черты осѣдлости и процентной нормы, онъ поступилъ бы къ нему въ секретари. Онъ видитъ себя въ Думѣ единственнымъ, который обязанъ становиться на защиту евреевъ, во имя самихъ евреевъ, такъ какъ знаетъ, что всѣ другіе имѣющіеся въ Думѣ защитники еврейства, хлопочатъ только изъ за еврейскихъ денегъ. Онъ радъ каждому слову, сказанному въ защиту евреевъ, но онъ не обманываетъ себя насчетъ истинныхъ качествъ

кадетскаго юдофильства. Тѣмъ болѣе, что онъ давно знаетъ всѣхъ этихъ защитниковъ еврейства и не сомнѣвается, что всѣ они въ душѣ презираютъ евреевъ, искренне тяготясь своей отъ нихъ зависимостью.

Напримѣръ, хотя бы тотъ же г. Родичевъ. По первому же строгому слову г. Винавера, весьегонскій предводитель дворянства бѣжитъ на каѳедру и кладетъ свой животъ на алтарь іудаизма. Но тотъ же г. Родичевъ, сидя послѣ дворянскаго собранія въ буфетѣ, говоритъ во всеуслышаніе: „я самъ терпѣть не могу жидовъ, но существуетъ же на свѣтѣ справедливость!“ Онъ, очевидно, забываетъ добавить: „разъ кадеты ведутъ выборы на еврейскія деньги, должны же они хоть дѣлать видъ, что стараются“.

А г. Щепкинъ, только что избранный отъ Москвы кадетъ? Юдофобъ самой опредѣленной московской закваски, такой юдофобъ, который, когда былъ товарищемъ московскаго городского головы, гналъ изъ управы даже русскихъ дѣвушекъ, если узнавалъ, что онѣ выходятъ замужъ за евреевъ, который гордился тѣмъ, что „не подпускаетъ ни одного жида за версту къ городскимъ дѣламъ“ и вотъ мы узнаемъ, что теперь г. Щепкинъ, въ качествѣ кадета, вдругъ записался въ число юдофиловъ! Нѣтъ, г. Нисселовичъ не можетъ вѣрить такому юдофильству!...

Для кадетскихъ лидеровъ г. Нисселовичъ— источникъ вѣчнаго безпокойства. Того и гляди, онъ съ чѣмъ нибудь такимъ выскочитъ, что вовсе не входитъ въ росписаніе. Конечно, надо отстаивать евреевъ, но нельзя-же дѣлать это такъ просто и откровенно, какъ дѣлаетъ г.

Нисселовичъ. Однажды между ними на этой почвѣ уже произошло столкновеніе, и г. Нисселовичъ долженъ былъ жаловаться самому г. Винаверу. Ну, а ужъ тотъ, конечно, спуску не дастъ, и г. Милюковусъ нимъ, разговаривать не приходится: бѣгали кадеты извиняться, едва замолили свою вину. Три недѣли во всѣхъ своихъ газетахъ приносили повинную, пока г. Винаверъ сложилъ гнѣвъ на милость. Но съ тѣхъ поръ г. Нисселовича кадеты опасаются еще болѣе. Онъ—вродѣ судебнаго пристава, поставленнаго еврейскимъ синедріономъ надъ кадетской душой. Не захотятъ платить по векселямъ—описывать имущество! Коротко и рѣшительно! Такъ повелѣлъ г. Нисселовичу пославшій его въ Думу синедріонъ.

Разъ ужъ мы заговорили о г. Щепкинѣ, скажемъ о немъ еще нѣсколько словъ. Въ Думѣ, это—новое лицо. Онъ прошелъ отъ Москвы на послѣднихъ дополнительныхъ выборахъ, когда у октябристовъ чуть-ли еще за недѣлю до выборовъ не было опредѣленнаго кандидата, пока, наконецъ, они не отыскали г. Щепкова, можетъ быть прекраснаго во всѣхъ отношеніяхъ человѣка, но мало кому извѣстнаго. Г. Щепкинъ между тѣмъ хорошо извѣстенъ въ Москвѣ. Онъ принадлежитъ къ семьѣ, которая когда-то была въ Москвѣ весьма популярна среди богатаго купечества, охотно этой семьѣ покровительствовавшаго. Купечеству въ особенности обязанъ теперешній членъ Думы, Н. Н. Щепкинъ. Онъ состоялъ при Рукавишниковыхъ и смотрѣлъ на Божій свѣтъ изъ подъ руки К. В. Рукавишникова, бывшаго городского головы, человѣка, пользующагося самой безукоризненной репутаціей.

Тогда г. Щепкинъ не только не числился въ лѣвыхъ, но наоборотъ, скорѣе забиралъ слишкомъ вправо.

Но времена мѣняются. Явились новыя теченія среди московскихъ богачей. Имъ совершенно отчетливо представилось, что нечего больше церемониться и что пора такъ или иначе заявить о своихъ правахъ на власть. Г. Щепкинъ быстро приспособился. Онъ сблизился съ главнѣйшими московскими честолюбцами, преимущественно—изъ числа заправилъ московскаго купеческаго общества взаимнаго кредита, и сталъ выдвигать свою кандидатуру на разныя мѣста. Даже въ городскіе головы хотѣлъ пройти. Мы говоримъ: даже—ибо, въ качествѣ товарища головы, онъ уже подвизался, и всѣ имѣли случай наглядно убѣдиться, что работать онъ и не умѣетъ, и не любитъ. Конечно, его провалили, при чемъ сдѣлали это по московски, т. е. обнадежили до послѣдней мѣры, а затѣмъ не пропустили даже въ гласные. Но совершенно иное—Государственная Дума. Это учрежденіе отъ московскаго купца далеко. Тамъ рѣчь идетъ о казенныхъ деньгахъ, а не о кровныхъ, купеческихъ, какъ въ городской думѣ. Кто, можетъ быть, и не годится для города, потому что напутаетъ, легко способенъ оказаться на своемъ мѣстѣ въ законодательномъ учрежденіи. Будетъ онъ тамъ путать или нѣтъ—его дѣло; прямого убытка въ этомъ купеческому карману нѣтъ; за то въ Государственной Думѣ будетъ „свой" черезъ котораго, въ случаѣ надобности, что нибудь и „провести" можно.

Въ такомъ же родѣ и другой кадетъ—Черносвитовъ Этотъ—избранникъ Владимірской губерніи, гдѣ, по примѣру Москвы, богатое ку-

печество не прочь заявить, что при капиталѣ и честь должна быть „въ соотвѣтствіи“, а потому либерализма въ этой губерніи хоть отбавляй. Самъ по себѣ г. Черносвитовъ — правовѣдъ, присяжный повѣренный, небогатый землевладѣлецъ Ярославской губерніи, но за его спиной стоитъ довольно крупный владимірскій фабрикантъ г. Коммисаровъ. Когда-то г. Черносвитовъ былъ членомъ окружнаго суда, а теперь, съ одной стороны, состоитъ при фабрикантѣ, а съ другой—очень боится крайнихъ лѣвыхъ, съ которыми у него имѣются кое-какіе счеты. Вообще—типичный кадетъ.

Не менѣе типиченъ и тотъ изумительный по подробностямъ кадетскій квартетъ, который состоитъ изъ г. г. Харламова, Воронкова, Захарьева и Башкирова. Читатели, вѣроятно, и фамилій-то ихъ не знаютъ, а между тѣмъ у г. Милюкова все это—первоклассныя имена, высокіе авторитеты. Г. Харламовъ—учитель женской гимназіи, прославившійся лишь тѣмъ, что взялъ съ города Новочеркасска тысячу рублей за составленіе исторіи города, по случаю юбилея, но исторіи не составилъ и денегъ не отдалъ, за что и привлекался къ суду. Г. Воронковъ—бывшій народный учитель, одинъ изъ тѣхъ, которые пѣли съ учениками Марсельезу, устраивали забастовки, агитировали въ толпѣ и т. д. Все это—такія данныя, которыя естественно выдвинули г. Воронкова въ качествѣ спеціалиста по вопросамъ народной школы. Неудивительно поэтому, что теперь онъ состоитъ въ партіи предсѣдателемъ ея коммиссіи, составляющей проектъ о низшей школѣ. Г. Захаровъ—мелкій адвокатъ безъ практики, былъ и соціалъ-демократомъ и членомъ тайнаго

общества „Донцы“, и чѣмъ хотите, впрочемъ, какъ то и полагается кадету. Г. Башкировъ— типъ во вкусѣ г. Черносвитова, но только не изъ правовѣдовъ, а изъ числа тѣхъ, которые, на вопросъ объ образовательномъ цензѣ, конфузливо озираются и говорятъ: „образованія домашняго“. Это значитъ: былъ въ уѣздномъ училищѣ. За его спиной стоитъ богатый купецъ изъ Елабуги г. Стахѣевъ. И г. Стахѣевъ, и его подручный одинаково большіе либералы. Г. Башкировъ одно время даже на памятникъ лейтенанту Шмиту собиралъ. Но мало собралъ: Елабуга не повѣрила, а тутъ еще пошелъ слухъ о 2.772 руб., общественныхъ денегъ, которыя были на рукахъ у г. Башкирова...

Закончимъ г. Кутлеромъ. Такъ какъ, однако, всѣ и безъ насъ отлично знаютъ, что такое г. Кутлеръ, то, конечно, подробно останавливаться на характеристикѣ сего господина не стоитъ. Это—печальный типъ, обязанный своимъ происхожденіемъ особенностямъ пронесшейся надъ страной смуты. Точно такая же смута пронеслась надъ Россіей въ началѣ семнадцатаго вѣка, и тогда также были свои Кутлеры. О нихъ одинъ оффиціальный документъ того времени разсказываетъ слѣдующими простыми, но характерными словами: „а были они переметчики и отъ царя къ вору бѣгивали, а отъ вора опять къ царю, хотя отъ того большія помѣстья себѣ, не противу ихъ окладу, вылгати“.

О помѣстьяхъ по теперешнимъ временамъ, конечно, говорить не приходится, но, заручившись усиленной и внѣ всякихъ правилъ данной пенсіей, не трудно уже соединить ее или съ крупнымъ банковскимъ жалованьемъ, или съ

мѣстомъ директора-распорядителя въ страховомъ еврейскомъ обществѣ, ато и еще съ чѣмъ нибудь въ томъ же родѣ. Впрочемъ, и объ этомъ говорить не будемъ, такъ какъ политическая личность г. Кутлера, повидимому, и въ данномъ отношенiи уже давно и вполнѣ опредѣлилась.

Неяснымъ, кажется, считается только одна сторона его дѣятельности: его участiе въ тѣхъ работахъ противъ земскаго самоуправленiя, которыя велись въ перiодъ борьбы по этому вопросу, шедшей между министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и министерствомъ финансовъ, въ концѣ девяностыхъ годовъ. Г. Кутлеръ былъ тогда директоромъ департамента окладныхъ сборовъ и считался спецiалистомъ по дѣламъ, касавшимся земскаго обложенiя. Когда, въ отвѣтъ на попытку министерства внутреннихъ дѣлъ распространить земскiя учрежденiя на западныя губернiи, министерство финансовъ выступило съ рѣзкой критикой самой идеи земскаго самоуправленiя, составленiе записки по вопросу было поручено очень умнымъ и талантливымъ юристамъ-профессорамъ. На г. Кутлера-же была возложена задача снабдить этихъ профессоровъ матерьяломъ и вообще взять на себя организацiонную часть. Напримѣръ, водить авторовъ записки въ театръ, когда имъ захочется отдохнуть отъ работы, показывать имъ достопримѣчательности Петербурга и т. д. Все это г. Кутлеръ, какъ чиновникъ весьма исполнительный, дѣлалъ аккуратно и добросовѣстно. Въ результатѣ указанной записки, какъ извѣстно, явилась мысль составить проектъ такъ называемаго „укороченнаго земства". Проектъ составлялся также

внѣ департамента, но уже при дѣятельномъ и самомъ живомъ участіи г. Кутлера. Передъ внесеніемъ проекта на разсмотрѣніе междувѣдомственнаго совѣщанія г. Кутлеръ собственноручно исправлялъ проектъ, сокративъ, между прочимъ, число выборныхъ членовъ земскихъ комитетовъ. Въ совѣщаніи, гдѣ проектъ разсматривался, г. Кутлеръ, исполняя данное ему порученіе, усиленно развивалъ и неуклонно проводилъ тѣ мысли и стремленія, которыя лежали въ основѣ записки о несоотвѣтствіи земскаго самоуправленія русскому государственному строю. Въ особенности усердно полемизировалъ г. Кутлеръ съ представителями министерства юстиціи, которые стояли на точкахъ зрѣнія первоначальнаго проекта Горемыкина. Наконецъ, когда проектъ прошелъ, г. Кутлеръ приступилъ къ послѣдней работѣ, входившей все въ ту же серію, а именно къ начертанію проекта о предѣльности земскаго обложенія. Этотъ проектъ уже всецѣло принадлежитъ г. Кутлеру.

Когда на всѣ эти темы заговорили передъ выборами, одни—просто чтобы показать къ какого рода дѣятелямъ слѣдуетъ причислить г. Кутлера, другіе-же — чтобы выяснить противорѣчія въ его политической біографіи, г. Кутлеръ не затруднился дать вполнѣ его достойный отвѣтъ. „Все равно,—заявилъ онъ,—не я, такъ кто нибудь другой исполнялъ бы всѣ распоряженія министра“.

Къ этимъ собственнымъ словамъ г. Кутлера, конечно, уже трудно прибавить что либо, характеризующее его съ большей опредѣленностью.

VIII.

Имѣются еще мирнообновленцы. Группа съ такимъ прекраснымъ, многообѣщающимъ заглавіемъ. Увы, въ ней нѣтъ рѣшительно ничего, что могло бы быть поставлено въ уровень съ этимъ заглавіемъ.

Между кадетами и мирнообновленцами существуютъ различія. Одно — большое, нѣсколько—поменьше. Большое различіе состоитъ въ томъ, что мирнообновленцы непричастны къ кадетской системѣ дѣлать русскую политику на еврейскія деньги. Они не участвуютъ также въ тайномъ договорѣ съ поляками, лежащемъ такимъ пятномъ на кадетахъ, и, если время отъ времени шлютъ вздохи сочувствія по адресу мехелинской компаніи, то дѣлаютъ это просто по недомыслію, а не потому, что впередъ получили, какъ кадеты, наличными.

Таково главное отличіе. Второстепенныя состоятъ во первыхъ, въ томъ, что мирнообновленцы не имѣютъ въ своемъ прошломъ опредѣленныхъ обязательствъ къ революціонному подполью и потому могутъ болѣе или менѣе добросовѣстно высказываться противъ всякаго рода „активныхъ выступленій“; во вторыхъ, они, хотя и готовы придираться къ земельной политикѣ думскаго большинства, но принципіально не раздѣляютъ кадетскихъ симпатій къ „принудительному отчужденію„; въ третьихъ, они — сторонники парламентаризма, но не дѣлаютъ изъ этого, какъ кадеты, центръ всего своего политическаго бытія.

Судя по заглавію, они стоятъ за мирное обновленіе страны. Судя по рѣчамъ, они стоятъ за внезапное перерожденіе страны. Не путемъ

революціи, — прибавляютъ они, — но путемъ... Какимъ именно, это, однако, остается неизвѣстнымъ. Должно быть, путемъ чуда. Наконецъ судя по дѣйствіямъ, они вообще ни за что не стоятъ, стараясь ограничиваться самыми обыкновенными либеральными гримасами, столь излюбленными русской барственной интеллигенціей. Работать будутъ другіе: одни, возлагая надежды на революцію, другіе — на эволюцію, третьи на демагогію, четвертые—на систематическій и планомѣрный трудъ. Они же предпочитаютъ объявить себя вообще огорченными и сосредоточиваются на самоуслажденіи, какъ слѣдствіи сознанія, что они необыкновенно прогрессивны и всегда во всемъ являются истинными сторонниками истинной культуры.

Напомнимъ, что группа эта образовалась только по случаю того, что кадеты такъ глупо съѣздили въ Выборгъ. Покойный графъ Гейденъ, М. Стаховичъ и кн. Евг. Трубецкой съ Д. Шиповымъ не пожелали отвѣчать передъ обществомъ за эту пошлую выходку и, хотя формально никто изъ нихъ не принадлежалъ къ кадетамъ, выступили не безъ барабаннаго боя съ особымъ заявленіемъ противъ кадетской поѣздки. Этимъ они подчеркнули свое отличіе отъ кадетскихъ вожаковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и извѣстную между собою солидарность. Такъ какъ, однако, къ октябристамъ они не могли примкнуть, ибо считали себя по многимъ вопросамъ лѣвѣе самаго лѣваго октябриста, то въ результатѣ и образовалась новая политическая группа. На жаргонѣ думскихъ кулуаровъ эта группа называется „обливанцами“. Тутъ, очевидно, намекъ на то, что хоть чѣмъ нибудь, хоть внѣшне, но они непремѣнно хотятъ отли-

чаться и отъ октябристовъ и отъ кадетовъ. Для однихъ они — слишкомъ кадеты, для другихъ—слишкомъ октябристы.

Едва ли, однако, гр. Гейденъ, имя котораго тѣснѣе другихъ связано съ образованіемъ этого политическаго толка, имѣлъ въ виду создать именно то, что на почвѣ брошенной имъ мысли создалось въ дѣйствительности. Покойный графъ ждалъ совсѣмъ другого: онъ считалъ октябристовъ классовой группой, въ кадетахъ же видѣлъ фальшивыхъ людей, ведущихъ игру при помощи провокаціи. Ему, горячему и безспорно искреннему стороннику идеи мирнаго обновленія, казалось, что подъ его знамя придутъ всѣ, кто дѣйствительно презираетъ революціонную улицу, но вмѣстѣ съ тѣмъ является противникомъ политическаго застоя. Ему казалось поэтому, что изъ всѣхъ возможныхъ призывовъ призывъ къ обновленію легче всякаго другого объединитъ безкорыстныхъ поборниковъ прогресса.

Подъ этими впечатлѣніями и была образована партія. Если бы основатель ея не умеръ почти вслѣдъ за возникновеніемъ партіи, можетъ быть, судьба ея была бы иной. Но, со смертью графа, его знамя перешло частью въ неумѣлыя руки, частью же въ такія, какъ напримѣръ, руки кн. Евг. Трубецкого. Партія быстро сѣла что называется ни въ тѣхъ ни въ этихъ, а тамъ постепенно докатилась и до своего теперешняго достаточно жалкаго положенія. Стала она именно той ни для кого рѣшительно не интересной рутинно-либеральной гримасой, въ качествѣ каковой только и можетъ себя рекомендовать теперь русскому обществу.

Съ совершенно случайнымъ прошлымъ, съ

достаточно забавнымъ настоящимъ и рѣшительно безъ всякаго будущаго,—такова эта партія и въ странѣ, и въ Думѣ. И тамъ, и тутъ ведется борьба, происходятъ переговоры, мирятся, ссорятся, перебраниваются, но всѣ участники и этой борьбы, и этихъ соглашеній, и этихъ перебранокъ ведутъ свою линію черезъ мирнообновленцевъ, какъ черезъ пустое мѣсто, точнѣе: какъ если бы скамьи, занимаемыя мирнообновленцами, были населены тѣнями, пропускающими и свѣтъ, и звукъ.

Вмѣстѣ съ такъ называемыми „прогрессистами", мирнообновленцы имѣютъ въ Думѣ до тридцати мѣстъ. Кадеты, располагающіе только пятьюдесятью съ чѣмъ-то голосами, конечно, очень не прочь держать обновленцевъ у себя въ поводу. Но не прочь держать ихъ въ поводу и октябристы. Однако, именно тутъ-то и обнаруживается трагизмъ обновленческаго положенія. Всякая другая группа, если бы она располагала двумя-тремя десятками голосовъ, въ самый короткій срокъ получила бы значеніе группы, устанавливающей равновѣсіе. Мирнообновленцы же не съумѣли ничего сдѣлать. За чечевичную похлебку похвалъ, расточаемыхъ еврейскими листками, они оптомъ запродали себя „оппозиціи" въ кавычкахъ, а потому просто обратились въ кадетскій придатокъ. Ну, а у кадетовъ, какъ вообще у всѣхъ чужеядныхъ, манера извѣстная: всѣ старанія направлены къ тому, чтобы не дать порабощеннымъ развить свою индивидуальность. Индивидуальны должны быть кадеты, а тѣ, кто попалъ въ ихъ руки со стороны, обязаны бродить на подобіе тѣней: говорить по командѣ и по командѣ голосовать.

Въ этомъ небольшомъ собраніи тѣней только смутно, едва-едва могутъ быть выдѣлены отдѣльныя фигуры. Но нужно ли говорить о нихъ? Въ концѣ концовъ, вѣдь и эти фигуры—политическія тѣни, не больше. Только для примѣра укажемъ на одного изъ достаточно типичныхъ представителей этой группы. Священникъ, от. Александръ Поповъ, уроженецъ и представитель Вятской губерніи. Былъ священникомъ, пользовавшимся репутаціей скромнаго и достойнаго служителя алтаря. Но, побывавъ въ Баку, куда переѣхалъ вслѣдъ за перешедшимъ на каѳедру Грузіи преосвященнымъ, онъ вернулся на родину уже „смущеннымъ“ А тутъ его стали посылать на земскія собранія, въ качествѣ представителя духовнаго вѣдомства. Предсѣдателемъ былъ тогда небезызвѣстный кадетъ г. Максимовичъ. „Смущеніе“ быстро развивалось въ от. Александрѣ, такъ что вскорѣ, когда его сдѣлали тюремнымъ священникомъ, онъ уже сталъ передавать политическимъ сидѣльцамъ разнаго рода неподходящія книги. Сами же сидѣльцы и выдали его; въ письмахъ „на волю“. кстати сказать, проносившихся защитниками, они не безъ ироніи похваливали „либеральствующаго попика“. Что эта за фигура?—вправѣ мы спросить. Неужели и это не политическая тѣнь?

Нѣтъ, остановимся только на одномъ лицѣ, болѣе или менѣе опредѣленномъ среди этого уголка тѣней, именно на кн. Евг. Трубецкомъ. Онъ не состоитъ членомъ Думы. Онъ, какъ сейчасъ увидимъ, не можетъ считаться и мирнообновленцемъ. Онъ, однако, является тѣмъ рупоромъ, проходя черезъ который, шопотъ думскихъ мирнообновленческихъ тѣней получаетъ

хоть подобіе какого-то голоса, хоть подобіе какой-то окраски.

Голосъ сомнительнаго качества, окраска также едва ли заслуживающая добраго слова, но разъ нѣтъ ничего иного, а сами думскіе мирнообновленцы предпочитаютъ бродить тѣнями—приходится довольствоваться кн. Евг Трубецкимъ.

Почему, собственно говоря, онъ считаетъ себя сторонникомъ идеи мирнаго обновленія? Это не ясно. Въ журналѣ „Московскій Еженедѣльникъ", на изданіе котораго супруга князя, рожденная кн. Щербатова, женщина съ крупными средствами, тратитъ не мало денегъ, сравнительно не такъ давно было напечатано, что задача каждаго русскаго, считающаго себя истинно просвѣщеннымъ и культурнымъ человѣкомъ, состоитъ въ томъ, чтобы всѣми мѣрами *подрывать русскій государственный кредитъ и международный авторитетъ Россіи.* Замѣтьте, однако, что это не случайно вырвавшаяся фраза, а опредѣленное ученіе, практическимъ выраженіемъ котораго вотъ уже скоро два года являются всѣ статьи названнаго журнала, посвященныя вопросамъ финансовымъ и внѣшней политики. Что же, спрашивается, общаго между такимъ призывомъ и идеей мирнаго обновленія?

Но рядомъ съ этимъ, тотъ же кн. Трубецкой заявилъ себя противникомъ выборгскаго воззванія; онъ же заявилъ себя опредѣленнымъ противникомъ студенческихъ революціонныхъ сообществъ; онъ же выступилъ въ качествѣ сторонника хоть нѣкотораго введенія идеи русскаго національнаго самосознанія въ кругъ не окончательно бракуемыхъ политическихъ понятій. Этимъ князь Трубецкой, конечно, ближе

примыкаетъ къ мирнообновленцамъ, чѣмъ къ чистымъ кадетамъ.

Совершенно своеобразная смѣсь утвержденій и взглядовъ — не правда-ли? Но ларчикъ открывается просто, если мы ближе всмотримся съ какого рода типомъ приходится въ данномъ случаѣ имѣть дѣло. Избалованное барское дитя, которому съ дѣтства твердили, что онъ „очень умный", кн. Трубецкой привыкъ играть роль и обращать на себя вниманіе. Началъ онъ, однако, при тугихъ обстоятельствахъ. Главное: не было средствъ. Пришлось жить „меблированнымъ" студентомъ, который могъ надѣяться только на счастливый случай. Какъ совершенный курьезъ, разскажемъ, что теперешній борецъ за идею неограниченной профессорской автономіи, князь Трубецкой началъ свою карьеру тѣмъ, что, при помощи своего дяди, попечителя учебнаго округа, гр. Капниста, заставилъ единственный пользовавшійся тогда нѣкоторыми автономными правами факультетъ, именно Демидовскій лицей, поступиться этой автономіей въ его, князя Трубецкого, пользу. По крайней мѣрѣ, въ составъ приватъ-доцентовъ лицея князь былъ принятъ противъ желанія факультета, послѣ продолжительныхъ „дипломатическихъ" переговоровъ директора съ попечителемъ. Директоръ указывалъ, что совѣтъ не намѣренъ увеличивать число преподавателей по наукамъ, преподаваніе которыхъ и безъ того обезпечено; попечитель же отвѣчалъ, что, когда рѣчь идетъ о его племянникѣ, то, кажется, можно понять, что пустыхъ отговорокъ быть не должно.

Но это—между прочимъ. Началъ кн. Трубецкой безъ средствъ и замѣтно увядалъ, не

смотря на предсказанія всѣхъ тѣхъ, кто сулилъ ему блестящую будущность. Но кн. Трубецкой женился. Это сразу сдѣлало его крупнымъ капиталистомъ. Остальное пришло само собой, а главное—онъ получилъ возможность на досугѣ написать свои диссертаціи, давшія ему сравнительно въ молодые годы положеніе ординарнаго профессора и дальнѣйшій досугъ, который онъ могъ всецѣло употребить на формированіе своей „партіи" въ совѣтѣ Кіевскаго университета. Наукой онъ бросилъ заниматься сейчасъ же, какъ только получилъ ординатуру; лекціи онъ читалъ по трафарету, читалъ такъ, какъ долженъ читать каждый истинно прогрессивный профессоръ, т. е. преимущественно на тему о необходимости бороться съ произволомъ „прогнившей бюрократіи"; изрѣдка выступалъ въ качествѣ лектора передъ широкой публикой, преподнося ей въ болѣе или менѣе красивой формѣ самыя пустяковыя разсужденія на различныя модныя темы.

Такимъ образомъ, досуга было много. Сдѣлавшись центромъ свѣтскихъ интригъ, князь Трубецкой одновременно охотился и за популярностью среди студенчества. Добиться ея, какъ извѣстно, ничего не стоитъ: здѣсь—либеральный вздохъ, тамъ—крѣпкое сердечное рукопожатіе, въ третьемъ мѣстѣ—пожиманіе плечами и точно бы случайно оброненная клевета, въ четвертомъ—небольшая сумма денегъ и масса сочувствія. Съ этой стороны у князя дѣла шли прекрасно: въ самый короткій срокъ онъ добился того, что безъ него никакая каша не варилась. Вмѣстѣ съ профессоромъ Лучицкимъ онъ держалъ въ рукахъ неуравновѣшенныхъ и колеблющихся, а, имѣя за спиной

студенчество, онъ дѣлалъ, что хотѣлъ и съ тѣми немногими, кто отваживался на сопротивленіе. Были моменты, когда, казалось, его просто уволятъ со службы. Но онъ зналъ, что на это не пойдутъ, чтобы не дѣлать изъ него мученика, и надвигался все плотнѣе.

Въ движеніи освобожденцевъ онъ принималъ посильное участіе, но, боясь себя скомпрометировать, прятался въ тѣни. Все таки онъ былъ первымъ, который далъ тонъ революціонной печати въ ея выступленіяхъ противъ русской арміи и русскаго флота, по случаю пораженій, нанесенныхъ намъ японцами. Принималъ онъ посильное участіе и въ послѣдующихъ событіяхъ, но и здѣсь участвовалъ не иначе, какъ подъ прикрытіемъ. Достаточно сказать, что послѣ 17 Октября ему серьезно былъ предложенъ постъ министра народнаго просвѣщенія. Къ счастью для страны, онъ отказалъ правительству въ довѣріи (вмѣстѣ съ г. Проппероместъ, который тогда тоже отказалъ правительству въ довѣріи) и отказался. Можно себѣ представить какихъ бѣдъ натворилъ бы такой министръ за одинъ или за два мѣсяца своего управленія. Ну, дольше онъ, конечно, не продержался бы.

Но тутъ ужъ началась въ полномъ смыслѣ кровавая смута. Это было слишкомъ. Даже Милюковы съ Гессенами стали встревоженно оглядываться. Князь Евг. Трубецкой испугался раньше нихъ и много больше, чѣмъ они. Онъ добивался смѣны режима, но вовсе не потоковъ крови. Конечно, если бы онъ былъ серьезнѣе и проницательнѣе, онъ бы понялъ, что чудесъ не бываетъ и что нельзя безнаказанно играть съ огнемъ. Для него, балованнаго барича, супруга котораго обладаетъ крупнымъ состояніемъ,

въ томъ, что онъ дѣлалъ, была вся прелесть азартной игры; для массы же, инстинкты которой такого рода игроки систематически разнуздывали, это была трагическая минута, когда братъ пошелъ на брата, сынъ на отца, одни общественные классы на другіе. Кн. Трубецкой, какъ и многіе ему подобные, сейчасъ же отступилъ въ сторону, и, натянувъ на руки бѣлыя перчатки, сталъ заявлять, что и въ политикѣ необходима извѣстная брезгливость. Онъ, очевидно, думалъ, что отвѣтственность лежитъ не на тѣхъ, кто вызвалъ кровопролитіе, а на тѣхъ, кто въ моментъ, когда оно разыгралось, не слушается краснорѣчивыхъ ораторовъ, убѣждающихъ, что всегда полезно остановиться на полдорогѣ...

Съ этими замашками и въ тѣхъ же тонахъ дѣйствовалъ онъ и дальше. Демагогъ, пока вокругъ него, на его призывы, не соберется тотъ сбродъ, который онъ созывалъ, онъ превращался въ болѣе или менѣе благоразумнаго резонера, когда собранный имъ сбродъ начиналъ дѣлать практическіе выводы изъ его же заявленій. Самъ—страстный любитель фокусовъ съ двойнымъ дномъ, онъ первый бросилъ этотъ упрекъ по адресу кадетовъ. Самъ — любитель студенческой смуты, онъ первый увѣщеваетъ студентовъ образумиться, когда тѣ, подъ его же вліяніемъ, выступаютъ съ протестами. Самъ первый, готовый безъ устали работать надъ униженіемъ своей родины, онъ не прочь вдругъ заговорить о необходимости „показать свое національное лицо“.

Что въ этомъ искренно, что —неискренно,— при желаніи тратить на подобные пустяки время, разобраться не трудно. Но это именно пустяки,

и разбираться въ нихъ не стоитъ. Кн. Евг. Трубецкой—дѣятель самаго небольшого калибра. Если мы останавливаемся на болѣе подробной, сравнительно съ другими, характеристикѣ его, то потому лишь, что видимъ въ немъ показатель извѣстнаго общественнаго явленія, той русской либеральной путаницы, которая въ одинъ грубый узелъ завязала и благородные порывы, и революціонное дерзаніе, и дешевое фразерство, и склонность къ мелкимъ подъяческимъ подвохамъ, и неумѣніе серьезно и сосредоточенно мыслить, и барскую спѣсь, и замашки русскаго нигилизма самаго семинарскаго происхожденія.

Если таковъ рупоръ мирнообновленческой группы, то каковы же должны быть достоинства самой группы? Очевидно, не перваго сорта. Одно развѣ можно сказать: группа состоитъ, какъ уже объяснено выше, изъ политическихъ тѣней, а это спасаетъ ее отъ опредѣленныхъ противъ нея обвиненій. Тѣни—тѣни и есть. Сѣрыя, мутныя, никому отъ нихъ ни тепло, ни холодно. Ни онѣ ни къ кому, ни къ нимъ никто. Такъ сказать, фигуры для счета, пѣшки въ шахматной игрѣ кадетовъ, а временами—и въ игрѣ октябристовъ.

Въ заключеніи скажемъ нѣсколько словъ о графѣ Уваровѣ. Выступилъ онъ октябристомъ, но октябристы своевременно попросили его оставить ихъ въ покоѣ. Съ бѣлой гвоздикой въ петлицѣ своего смокинга, графъ Уваровъ, не могъ, въ отместку октябристамъ, пересѣсть на кадетскія скамьи. Было бы слишкомъ ужъ ясно, въ чемъ дѣло. Пришлось сѣсть между скамейками. Тамъ онъ и расположился на правахъ независимаго, безпартійнаго, на все устремляю-

щагося, но никому ненужнаго и всѣмъ одинаково несимпатичнаго. Онъ въ Думѣ тоже самое, что въ петербургской печати газета „Новая Русь". Лѣвѣе здраваго смысла, но подозрительная во всѣхъ отношеніяхъ. Оттого, вѣроятно, между ними такая дружба.

Впрочемъ, именно „Новая Русь" и добила этого злополучнаго дѣятеля. Она по своему использовала его наклонность дѣлать изъ себя героя хотя бы на секунду и самымъ предательскимъ образомъ подвела его подъ выстрѣлъ въ правую лопатку. Едва ли, конечно, стоитъ подробно разсказывать этотъ своеобразный романъ съ лопаткой, ибо у всѣхъ еще слишкомъ живы въ памяти перипетіи надѣлавшей такого шуму дуэли гр. Уварова. Но на одну частность, кажется, мало кто до сихъ поръ обратилъ вниманіе: гр. Уваровъ, при помощи лѣвыхъ листковъ, усиленно доказывалъ публикѣ, что рѣчь идетъ о дуэли изъ за опредѣленнаго, такъ сказать, единичнаго оскорбленія, нанесеннаго ему по поводу даннаго, опредѣленнаго случая; въ дѣйствительности же, ему была дана чрезвычайно оскорбительная характеристика, охватывавшая всѣ стороны его личности, такая, по поводу которой хоть каждый день стрѣляться, и то въ пору. Г. Гучковъ, въ своемъ письмѣ къ гр. Уварову такъ обрисовалъ свое представленіе о саратовскомъ депутатѣ, что, конечно, можно только удивляться, какъ послѣ подобнаго письма гр. Уваровъ рѣшался еще говорить о какомъ-то третейскомъ судѣ.

Давно извѣстно, что среди титулованныхъ либерализмъ въ особой модѣ. Это показали наглядно событія 1905 года, когда титулованныя барыни бѣгали по Петербургу въ восторгѣ,

что, наконецъ то, у насъ есть парламентъ и будутъ настоящіе политическіе салоны, а мужья этихъ барынь давали кадетамъ и „лѣвому блоку" деньги на выборную кампанію. Слѣдовательно, въ данномъ отношеніи гр. Уваровъ только идетъ въ ногу съ той средой, которая извѣстнымъ образомъ его воспитала. Гр. Уваровъ неоригиналенъ и въ томъ отношеніи, что, сколько бы его ни спрашивали, онъ не могъ бы толкомъ разсказать, чего именно онъ добивается, кромѣ развѣ того, чтобы о немъ поговорили. Другіе титулованные либералы такіе же. Но вотъ что оригинально: и среди титулованныхъ гр. Уваровъ — человѣкъ совершенно чужой. Тамъ, конечно, признаютъ его аристократическую фамилію, но на него самого смотрятъ, какъ на давно отпавшій сухой листъ.

Когда какая-то газета пустила слухъ, будто бы гр. Уваровъ имѣетъ въ виду образовать свою партію, самъ же саратовскій депутатъ, говорятъ, очень откровенно воскликнулъ: „Какой вздоръ! кто же пойдетъ за мной?!"

Если это не анекдотъ, то, конечно, слѣдуетъ внести поправку въ отзывъ о графѣ, изложенный въ письмѣ г. Гучкова. Изъ этого письма слѣдуетъ, что гр. Уваровъ никогда не заботится о точности того, что онъ говоритъ. Въ приведенномъ случаѣ, однако, онъ былъ безусловно точенъ.

IX

Таковы, съ позволенія сказать, идеи, таковы, съ позволенія сказать, носители этихъ идей. Чтобы составить себѣ о тѣхъ и другихъ еще

болѣе опредѣленное понятіе, слѣдуетъ разсмотрѣть нѣсколько особыхъ вопросовъ: какъ ведетъ себя „оппозиція“ собственно въ Думѣ, какъ относится она къ думскому большинству, какъ смотритъ она на свою роль въ дѣлѣ русскаго законодательства и, наконецъ, какъ сама она оцѣниваетъ свое политическое положеніе.

Не успѣла начаться предвыборная компанія, и только что стало опредѣляться, что революціонная волна стихаетъ, и вотъ вотъ готова упасть совсѣмъ, какъ немедленно же по всей линіи „оппозиціи“ раздался совершеннѣйшій взрывъ бѣшенства. Посылались угрозы, заявлялось о томъ, что правительство и связанное съ нимъ объединенное дворянство напрасно бросаютъ вызовъ „лучшей части русскаго общества“, т. е. представляемой еврейскими листками радикальствующей интеллигенціи, утверждалось, что нѣтъ такихъ политическихъ комбинацій, которыя могли бы остановить ходъ исторіи, а подъ этимъ ходомъ понимался, конечно, все тотъ же общій политическій переворотъ. Но выборы пошли своимъ чередомъ, почти повсемѣстно кандидаты „оппозиціи“ торжественно провалились, и волей-неволей, слѣдовательно, пришлось оставить пустыя и глупыя угрозы.

Отъ наглости къ самохвальству переходъ не очень крутъ. Вотъ почему, когда составъ третьей Думы уже опредѣлился, „оппозиція“ рѣшила перевести вопросъ на иную почву. Кто это тѣ, которые составляютъ думское большинство?—задала она вопросъ обществу, точнѣе—самой себѣ. Люди шкурнаго интереса, человѣческая мелочь, даже не понимающая, что могутъ быть какія нибудь „настоящія“ идеи, люди сегодняшняго дня или двадцатаго числа, люди

безъ горизонтовъ, безъ образованія, безъ политическаго развитія. Ихъ много—пусть такъ. Но вопросъ числа не играетъ серьезной роли тамъ, гдѣ меньшинство состоитъ изъ такихъ огромныхъ политическихъ величинъ, какими, конечно, являются всѣ члены Думы, сидящіе на лѣвыхъ скамьяхъ. Слѣдовательно, если-бы „оппозиція" даже и не хотѣла, все равно ей придется взять на себя руководительство. Пришли какіе то дикари, которые, что называется ступить не умѣютъ,—что же тутъ подѣлать? Надо вооружиться учительской палочкой и научить этихъ дикарей хотя бы политической азбукѣ.

По крайней мѣрѣ, мѣсяцъ или два разсуждали „оппозиціонисты" на описываемыя темы, и, повидимому, такъ успѣли убѣдить себя, что даже послѣ того, какъ дѣйствительность самымъ безцеремоннымъ образомъ разочаровала ихъ, они упорно продолжали отстаивать такого рода взгляды. Говоря о думскомъ большинствѣ, они третировали его, какъ некультурную массу; говоря объ отдѣльныхъ руководителяхъ большинства, они не жалѣли темныхъ красокъ; не было такой грязи, полные ушаты которой они не опрокидывали бы ежедневно на каждаго и всѣхъ.

Не будемъ повторять то, что всѣмъ извѣстно. Спокойно, но твердо и послѣдовательно думское большинство въ первыя же двѣ недѣли оттѣснило „оппозицію" въ подобающій ей полутемный уголъ и, полностью взявъ на себя руководительство, приступило къ государственной работѣ. Передъ обществомъ опредѣлилась прелюбопытная картина. Тѣ, кто только что заявлялъ о себѣ, какъ о знатныхъ иностранцахъ, собирающихся совершить увеселительную прогулку

на острова, населенные полудикими племенами, вдругъ оказались въ положенiи подсудимыхъ и при томъ пойманныхъ на мѣстѣ преступленiя, уличенныхъ, а потому тѣмъ болѣе жалкихъ. Они думали, что къ нимъ придутъ учиться, но въ полчаса ихъ обратили въ школьниковъ, которыхъ за плохiе успѣхи и дурное поведенiе стали записывать въ кондуитный журналъ. Они надѣялись стать на плечи думскому большинству и изъ своего пораженiя въ странѣ создать себѣ трiумфъ въ Думѣ, но ихъ однимъ движенiемъ сбросили на полъ и при малѣйшемъ протестѣ, стали подвергать, хотя и отеческому, но все же достаточно чувствительному наказанiю.

Потирая столь часто подвергавшiяся наказанiю мѣста, они бѣгали, подпрыгивая отъ боли, по отведенному имъ уголку и просто не знали, что имъ дѣлать дальше. Оставалась, въ сущности, только одна надежда: не будетъ ли какого нибудь раскола въ средѣ думскаго большинства? О, если бы былъ расколъ! Даже не нуженъ расколъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Хотя бы была малѣйшая видимость раскола, чтобы на этой почвѣ имѣть возможность время отъ времени такъ или иначе заявлять о своемъ существованiи!

На эту цѣль и были направлены тогда ихъ главнѣйшiя усилiя. Говорить ли объ избранныхъ для этого средствахъ? Слухи, сплетни, клевета, угрозы,—вѣдь эти люди ни передъ чѣмъ не останавливаются. Въ главнѣйшихъ чертахъ планъ былъ таковъ: во первыхъ, отколоть отъ центра крайнее правое крыло Думы. Это—легче всего, такъ какъ центръ ничего такъ не боится, какъ обвиненiя въ „реакцiонности“, а крайнее правое

крыло Думы воспламеняется обыкновенно даже ранѣе, чѣмъ подъ нимъ разведутъ костеръ. Костеръ между тѣмъ разводился ежедневно, и участвовали въ этомъ занятіи всѣ думскія группы, кромѣ умѣренно-правыхъ, нынѣ націоналистовъ, въ сущности, единственной группы, правильно понявшей, что походъ противъ крайнихъ правыхъ имѣетъ опредѣленно провокаціонный характеръ. Во вторыхъ, имѣлось въ виду особенно поощрять такъ называемыхъ лѣвыхъ октябристовъ. Это дѣлалось съ двойной цѣлью: чтобы постепенно завлечь ихъ къ выступленіямъ, послѣ которыхъ всякій ихъ шагъ назадъ былъ бы очевидной неловкостью, а также чтобы тѣмъ болѣе увеличить недовѣріе къ центру со стороны болѣе правыхъ группъ, и безъ того всегда нѣсколько подозрительно относившихся къ отдѣльнымъ представителямъ центра. Лѣвыхъ октябристовъ стали поэтому похваливать, о нихъ начали говорить, какъ о людяхъ, почти заслуживающихъ уваженія, во всякомъ случаѣ, ихъ замѣтно выдѣляли. Наконецъ, третьей частью плана явилось стремленіе лишить центръ тѣхъ правыхъ его якорей, которые такъ или иначе, но, несомнѣнно, удерживали центръ отъ слишкомъ рѣзкихъ колебаній, даже при особо чувствительныхъ толчкахъ слѣва или справа.

Два года ушло на эту подпольную работу, и надо отдать справедливость „оппозиціи", точнѣе—кадетамъ (ибо они главнымъ образомъ вели ее), работа велась образцово. Капля за каплей падала мутная вода кадетской интриги на тѣ связи, которыми разныя отдѣльныя группы объединялись въ одно болѣе или менѣе сплоченное цѣлое, и въ рядѣ мѣстъ къ концу второго года образовались трещины. Эти трещины

ничѣмъ, конечно, не обезпечивали „оппозицію“ и собственно ея стремленіямъ сулятъ очень мало, ровно столько, сколько нужно, чтобы еще болѣе страстно ненавидѣть и третью Думу, и руководителей центра, и вообще все, что происходитъ. Но за то „оппозиціи“ удалось до извѣстной степени расширить сферу своей дѣятельности, а этимъ создалась возможность съ большей энергіей и опредѣленностью ставить палки въ колеса тому же ненавистному „оппозиціи“ думскому центру.

Сначала казалось, что въ послѣднюю минуту центръ все таки пойметъ, какова въ дѣйствительности та печальная роль, какую навязываетъ ей „оппозиція“. Но центръ далъ себя поймать на почвѣ вопросовъ, по которымъ, разъ онъ случайно загорячился и перешелъ границы, уже трудно было ему отступать. Мы имѣемъ въ виду вопросы вѣроисповѣдные. Стоитъ только вспомнить, что подавляющее большинство центра—люди русскіе, православные, безспорно религіозные и, конечно, менѣе всего ищущіе случая нанести народной вѣрѣ завѣдомо тяжкія оскорбленія. Не о томъ и говорилъ центръ, когда выступалъ со своими рѣчами по вѣроисповѣднымъ законамъ. Проводилось стремленіе оберечь дорогое сознаніе, что совѣсть людская должна быть свободной отъ принудительнаго вторженія въ нее полицейскихъ запретовъ. Хотѣли подчеркнуть, что прошло время, когда людей преслѣдовали за иную вѣру, тѣмъ болѣе—принуждали къ вѣрѣ. Но нельзя ни одинъ принципъ брать въ его чистомъ видѣ; дѣйствительно, если желать внести серьезныя улучшенія, то надо помнить что не будетъ улучшенія тамъ, гдѣ оно поку-

пается разрушенiемъ такого устоя народной жизни, какъ его историческая вѣра.

На этомъ „оппозицiя“ и уловила центръ. „Оппозицiя“ использовала увлеченiе центра и насѣла на него. Центръ увлекся чистымъ принципомъ; „оппозицiя“-же, закрѣпивъ отдѣльныя настроенiя, вынудила центръ пойти до конца, въ данномъ случаѣ — до отмѣны за православной церковью значенiя господствующей церкви. Правда, послѣднiя слова въ этомъ направленiи центромъ все таки не были сказаны, но ихъ и не нужно было говорить, такъ какъ и безъ того страна ихъ поняла.

Этимъ, конечно, центръ нанесъ себѣ довольно серьезный ударъ, и „оппозицiя“ совершенно вѣрно разсчитала его послѣдствiя: не прiобрѣтя новыхъ друзей, центръ долженъ былъ создать себѣ новыхъ враговъ. А вѣдь именно только объ этомъ и хлопочетъ „оппозицiя“, суетясь около центра, особенно же около лѣваго его крыла. Вспомните: она показала это при первомъ же случаѣ, когда, во время слѣдовавшихъ затѣмъ выборовъ въ Москвѣ и въ Петербургѣ, ей пришлось высказывать свое мнѣнiе о центрѣ.

Третья сессiя Думы началась такимъ образомъ при самыхъ дурныхъ предзнаменованiяхъ. Говорили уже (опять таки, конечно, главнымъ образомъ, со словъ „оппозицiи“) о полномъ крушенiи центра. Уже заранѣе учитывали шансы такого раздѣленiя Думы, при которомъ будутъ только двѣ, другъ противъ друга стоящiя группы: правая и лѣвая. Наконецъ, пустили даже слухъ о предстоящемъ будто бы роспускѣ Думы. Замѣтьте: все это шло слѣва, т. е. со стороны „оппозицiи“, но дѣлалось это такъ:

пускали слухъ, будто бы идущій съ крайнихъ правыхъ скамей; но такъ какъ сидящіе на этихъ скамьяхъ взвинчиваются весьма легко и охотно, то они, и безъ того достаточно возбужденные противъ центра, не только не запротестовали противъ приписываемаго имъ слуха, а, наоборотъ, первые же подхватили и развили его; а этого только и добивалась „оппозиція". Тутъ то она и выступила впередъ, указывая тому же центру: вотъ, смотрите, какого лютаго врага имѣете вы на право отъ себя!

Центръ тѣмъ не менѣе устоялъ. Надолго или нѣтъ—вопросъ другой. Слѣдуетъ надѣяться, что надолго. Во всякомъ же случаѣ, „оппозиція" нажила на всей своей подпольной работѣ гораздо меньше, чѣмъ ожидала. Она добилась только того, что время отъ времени можетъ проводить свои поправки къ предложеніямъ центра, но за то она можетъ это дѣлать не иначе, какъ въ союзѣ съ крайними правыми. Если на такую противоестественную комбинацію идутъ крайніе правые, то это понятно: они забавляются. Но вѣдь „оппозиція" навѣрное не забавляется. Слѣдовательно, въ концѣ концовъ, она изъ огня попала въ полымя.

Отмѣтимъ еще одну сторону вопроса: думскому большинству, при вѣчномъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, „оппозиція" бросаетъ упрекъ въ томъ, что оно — правительственное. На языкѣ „оппозиціи" это — очень тяжкій упрекъ. Онъ означаетъ, что думское большинство продало правительству свою независимость, работаетъ подъ указку правительства, приняло на себя обязанность штемпелевать правительственные проекты и вообще не смѣетъ свои сужденія имѣть. Упрекъ разсчитанъ на ту вопіющую

безгосударственность, которая издавна отличаетъ значительную часть русскаго интеллигентнаго общества. Независимость, въ дѣйствительности, отличающая у насъ, главнымъ образомъ, консервативные круги, особенно чтится въ либеральныхъ. Вѣроятно потому, что именно они то всегда стремятся къ зависимости, если не отъ двадцатаго числа, то отъ заправилъ свободнаго заработка и отъ связанныхъ съ этимъ заработкомъ либеральныхъ обязательствъ.

Во всѣхъ отношеніяхъ безсмысленный упрекъ. Во первыхъ, какая же политическая группа, разъ она стремится оказывать реальное вліяніе на дѣла, не стремится въ то-же время быть правительственной, т. е. въ той или иной мѣрѣ работать совмѣстно съ правительствомъ? Въ странахъ, гдѣ правительство выдвигается парламентскимъ большинствомъ, это большинство является тѣмъ самымъ правительственной частью парламента и, конечно, только гордится этимъ. Въ странахъ, гдѣ, какъ у насъ, парламентаризма нѣтъ и, будемъ надѣятся, никогда не будетъ, Дума, большинство которой заявило бы о своемъ принципіальномъ отказѣ работать съ правительствомъ, очевидно, существовать не можетъ. Слѣдовательно, если еще стоитъ тутъ о чемъ либо говорить, то развѣ о степени, въ какой выражается солидарность думскаго большинства со взглядами правительства. Но въ этомъ отношеніи, разъ ни съ той, ни съ другой стороны нѣтъ принципіальнаго отказа отъ совмѣстной работы, все остальное имѣетъ лишь значеніе частностей и совершенно такъ же, какъ въ одныхъ случаяхъ думское большинство вліяетъ на видоизмѣненіе взглядовъ правитель-

ства, такъ въ другихъ случаяхъ правительство вліяетъ на измѣненіе взглядовъ думскаго большинства. Это ни съ какой стороны не означаетъ отказа правительства или думскаго большинства ни отъ какихъ либо своихъ правъ, ни отъ какихъ либо своихъ обязанностей. Это и есть то, что составляетъ самую сущность совмѣстной государственной работы правительства, какъ прямого исполнителя воли Монарха, и избранныхъ отъ населенія представителей. Тутъ нѣтъ ни подчиненія другъ другу, ни какихъ либо вообще взаимныхъ обязательствъ. Тутъ и согласіе и разногласіе опредѣляются не какими либо посторонними цѣлями, а прямыми нуждами великаго государева дѣла, единаго для Думы, и для правительства.

Это — во первыхъ. Но есть и во вторыхъ. Именно потому то такъ и злобствуетъ „оппозиція", именно оттого-то и ненавидитъ она думское большинство, что не она является въ настоящее время реальной величиной и должна лишь довольствоваться ролью безотвѣтственной „оппозиціи". Правда, она охотно называетъ себя „отвѣтственной оппозиціей". Но мало ли на какія ходули, по случаю горестнаго своего положенія, она становится. Вѣдь называетъ же она своихъ Милюковыхъ, Родичевыхъ, Набоковыхъ, Петрункевичей — солью земли русской. Вѣдь называетъ-же она себя, опредѣленную ненавистницу основъ русскаго государственнаго строя, громкимъ именемъ „оппозиціи ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА". Совершенно такъ-же, какъ запутавшагося въ ея сѣтяхъ Гедиминовича она торжественно величаетъ послѣднимъ изъ Рюриковичей, совершенно также, какъ, строя всѣ свои вожделѣнія на самыхъ демокра-

тическихъ принципахъ, она съ особымъ удареніемъ говоритъ о графѣ Уваровѣ что онъ—„знатнаго рода“.

Впрочемъ отвѣтственная эта „оппозиція“ или безотвѣтственная—мы можемъ сейчасъ-же провѣрить. Стоитъ только вспомнить хотя бы главнѣйшія ея выступленія за всѣ эти думскіе годы. Проходилъ, напримѣръ, законъ объ Амурской дорогѣ—„оппозиція“, которая всего какой нибудь годъ передъ этимъ на всѣ лады доказывала, что нельзя оставлять отдѣльныя окраины безъ живой связи съ остальной Россіей, выпустила всѣхъ своихъ Шингаревыхъ, чтобы доказывать ненадобность Амурской дороги. Чего только не говорили при этомъ! Амурскій край изображался чѣмъ то вродѣ пустыни Сахары, такъ что даже представитель этого края, не смотря на свое званіе социалъ-демократа и, слѣдовательно, не смотря на прямую обязанность всегда и во всемъ „протестовать“ противъ думскаго большинства, увидѣлъ себя вынужденнымъ умѣрить пылъ „оппозиціи“. Дебатировался вопросъ о смѣтѣ того или другого вѣдомства—„оппозиція“ видѣла въ этихъ дебатахъ исключительно случай еще и еще разъ негодовать противъ общей политики, столь опредѣленно препятствующей революціоннымъ элементамъ осуществить задуманное дѣло государственнаго переворота. Въ смѣтѣ министерства внутреннихъ дѣлъ „оппозицію“ интересовалъ, главнымъ образомъ, вопросъ о департаментѣ полиціи; въ смѣтѣ министерства юстиціи—вопросъ о политическихъ процессахъ и о томъ, достаточно ли вѣжливо обращается тюремная стража съ политическими сидѣльцами, когда эти послѣдніе стрѣляютъ въ стражу или

вообще учиняютъ большіе и малые бунты. Въ смѣтѣ почтоваго вѣдомства они интересовались прежде всего вопросомъ о томъ, читаетъ ли департаментъ полиціи письма, которыми г.г. Милюковы обмѣниваются съ Азефами и Бурцевыми. Въ смѣтѣ военнаго вѣдомства ихъ вниманіе сосредоточивалось на вопросѣ о томъ, какъ нехорошо поступаетъ военное начальство, принимая мѣры противъ развитія революціонной пропаганды въ войскахъ. Въ смѣтѣ вѣдомства православнаго исповѣданія они видѣли преимущественно вопросъ о церковно-приходскихъ школахъ, которыя ненавидятъ уже по одному тому, что считаютъ ихъ однимъ изъ средствъ религіозно-нравственнаго воспитанія народа.

О земельномъ законѣ ужъ не говоримъ. Какъ мы писали выше, тутъ они прямо дѣйствовали противъ себя, такъ какъ вдругъ выступили въ качествѣ обожателей общины. Въ вѣроисповѣдныхъ вопросахъ они усмотрѣли случай подъ шумокъ провести начало еврейскаго равноправія и при томъ въ самой циничной формѣ: предложили давать права тѣмъ евреямъ, которые рѣшатся публично посмѣяться надъ православіемъ, осквернивъ таинство Святого Крещенія. Въ вопросѣ о постройкѣ новыхъ броненосцевъ они увидѣли случай самымъ наглымъ, самымъ неприкровеннымъ образомъ посмѣяться надъ общимъ горемъ страны—надъ неудачами русскаго флота въ минувшую войну.

Словомъ, какой вопросъ ни взять, вездѣ одно и тоже: не реальныя нужды заботятъ „оппозицію", не дѣло государственнаго строительства, даже не принципіальное обоснованіе

тѣхъ новыхъ началъ, которыя, правильно или неправильно, но во всякомъ случаѣ, добросовѣстно могли бы быть противопоставлены началамъ, проводимымъ думскимъ большинствомъ, но исключительно—дѣло разрушенія, критика для критики, протестъ какъ демонстрація, политиканство для политиканства. Единственная цѣль—государственный переворотъ, единственное средство—разрушеніе, и это—всегда и во всемъ. Какая же это „отвѣтственная оппозиція?" Передъ кѣмъ и какъ она отвѣчаетъ, когда она каждымъ своимъ словомъ и дѣйствіемъ кричитъ, что не отвѣчаетъ даже передъ собственною совѣстью?

На языкѣ руководителей „оппозиціи" все вышеописанное отношеніе г. г. Милюковыхъ, Шингаревыхъ, Родичевыхъ къ государственнымъ вопросамъ называется „постановкой пренiй на принципіальную высоту". Кадетскія реляціи о думскихъ сраженіяхъ пишутся обыкновенно по слѣдующему трафарету: думское большинство путалось въ пустякахъ, обнаруживая только растерянность пошехонцевъ, ухитряющихся заблудиться между трехъ сосенъ, но вотъ выступила „оппозиція", и сразу освѣтила вопросъ, поставивъ въ то-же время пренія на „принципіальную высоту". Это значитъ, что вышелъ г. Милюковъ и рядомъ темныхъ намековъ обрушился на отдѣльныхъ представителей вѣдомства, на руководителей думскаго большинства, бросилъ оскорбленіе русскому дворянству, воспѣлъ гимнъ революціонному подполью. Это значитъ, что выскочилъ г. Шингаревъ и прочелъ какой нибудь документъ, но прочелъ такъ, что тутъ же былъ уличенъ и пребольно наказанъ. Это значитъ,

что, не помня себя отъ нервнаго раздраженія, вдругъ появился на каѳедрѣ г. Родичевъ и, не имѣя ни малѣйшаго представленія о дѣлѣ, по поводу котораго идутъ пренія, бурно клокоталъ на общія темы, пока не договаривался или до исключенія на 15 засѣданій, или до общаго смѣха.

Но, быть можетъ, дѣлающіе „оппозицію", если не серьезно, то, во всякомъ случаѣ, серьезнѣе работаютъ въ думскихъ коммиссіяхъ? Читая отчеты г. Милюкова, слѣдуетъ признать, что въ коммиссіяхъ, въ сущности, никто не работаетъ, кромѣ представителей оппозиціи. Это и понятно,—говоритъ г. Милюковъ,—такъ какъ представители думскаго большинства не только лѣнивы, но и невѣжественны. Какъ всегда, слѣдовательно, „оппозиція" держится того взгляда, что только и свѣта въ окошкѣ, что въ ея „спеціалистахъ". На самомъ же дѣлѣ, трудно представить себѣ болѣе легкомысленныхъ и менѣе подготовленныхъ къ серьезной работѣ верхоглядовъ, какъ именно эти „спеціалисты". Ихъ багажъ—сплетни и пересуды, а вовсе не знаніе дѣла; въ каждомъ вопросѣ они видятъ лишь тему для того, что крестьяне называютъ „подковырками"; никто, какъ они, не умѣетъ съ перваго же слова такъ принизить вопросъ, что невольно остальные чувствуютъ себя въ какой то грязной лужѣ; никто, какъ они, въ такой мѣрѣ и неосвѣдомленны, и склонны къ быстрымъ, непродуманнымъ рѣшеніямъ. Они счастливы, когда вдругъ судьба, въ образѣ кадетствующаго чиновника, пошлетъ имъ „документикъ", которымъ, если сдѣлать въ немъ двѣ - три передержки, можно помахать въ воздухѣ, какъ „обличеньемъ". Но если нѣтъ

ни сплетни, ни „документика“, они даже не являются въ коммиссію. Развѣ для того придутъ, чтобы было потомъ о чемъ посплетничать на столбцахъ „Рѣчи“, натравливая однихъ членовъ коммиссіи на другихъ.

Случается, конечно, иногда, что волей—неволей имъ приходится выступать и по вопросамъ, уже никакого отношенія къ сплетнямъ и „документамъ“ не имѣющимъ. Что же мы слышимъ тогда? То же самое, что читаютъ кадетскіе полупрофессора въ своихъ аудиторіяхъ, т. е. ту неприглядную смѣсь голословныхъ утвержденій, частью къ случаю и потому на спѣхъ сфабрикованныхъ, частью плохо переведенныхъ съ послѣдней нѣмецкой или французской книжки. Предлагается эта смѣсь, конечно, съ апломбомъ, въ увѣренности, что, при отвратительной русской способности никогда ничему систематически не учиться, и слѣдовательно, не умѣть разбираться въ теоретическихъ построеніяхъ, многіе такъ или иначе попадутся и на эту жалкую приманку. Особенно разсчитываютъ, конечно, на крестьянъ и на лѣвыхъ октябристовъ. Первые пугаются массы выпускаемыхъ при этихъ разглагольствованіяхъ иностранныхъ словъ, вторые-же опасаются потерять репутацію истинно культурныхъ и истинно просвѣщенныхъ людей...

X.

Вообще на такъ называемыхъ „лѣвыхъ октябристовъ“, т. е. на барона Мейендорфа, князя Голицына, князя Куракина и др., „оппозиція“ возлагаетъ самыя усиленныя надежды.

Во первыхъ, въ большинствѣ своемъ эта группа октябристовъ состоитъ изъ титулованныхъ и лицъ, имѣющихъ придворныя званія. А „оппозиція", при всѣхъ своихъ разговорахъ о демократизмѣ, любитъ хоть походить около людей изъ „общества". Во вторыхъ, „оппозиціи" всегда, конечно, на руку то обстоятельство, что титулованные и носящіе придворныя званія заявляютъ себя ближе къ ней, чѣмъ къ тѣмъ, противъ кого она ведетъ борьбу. Въ третьихъ, имѣется и спеціальный разсчетъ: чѣмъ свободнѣе либеральничаетъ русскій баринъ или баричъ, тѣмъ легче его обойти, если держать въ вѣчномъ страхѣ, что вотъ - вотъ его отлучатъ отъ сонма избранныхъ натуръ и истинно великихъ людей.

А вѣдь это, какъ хотите, обидно. Если человѣкъ уже привыкъ читать во всѣхъ еврейскихъ листкахъ, что онъ—въ нѣкоторомъ родѣ опора „чистаго конституціонализма", если для того, чтобы добиться отъ всѣхъ думскихъ Лейзеровичей, Пейсиховичей и даже отъ первосвященника этихъ послѣднихъ — г. Пиленко эпитета „чистаго конституціоналиста", приходилось и на ходули становиться, и высказывать сужденія, отъ которыхъ потомъ надо было три мѣсяца всячески отмахиваться; если все для той же цѣли выработалась привычка дружески жать руки такимъ типамъ, какихъ, казалось, и въ природѣ не существуетъ, — то ужъ тутъ было бы просто невыносимо, если бы вдругъ тѣ-же Лейзеровичи и Пейсиховичи разсердились и, вмѣстѣ съ г. Пиленко, вдругъ заявили: „нѣтъ, это не чистый конституціоналистъ" а самый обыкновенный зубръ, но только менѣе непосредственный, а потому—постыдно малодушный и коверкающійся".

Душа не вынесетъ. Ужъ разъ злополучная судьба подвела человѣка и толкнула на наклонную плоскость, въ концѣ которой ждутъ предательскія объятія Лейзеровичей и Пейсиховичей, то тутъ не остановиться. На это и разсчитываетъ „оппозиція".

Не даромъ же съ первыхъ дней третьей Думы, несмотря на огульныя обвиненія противъ думскаго большинства, какъ таковаго, отдѣльные представители центра, при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, выдѣлялись, какъ элементъ, который несомнѣнно еще пригодится „оппозиціи". Въ теченіи двухъ лѣтъ, самымъ тщательнымъ образомъ подготовляли этотъ элементъ, всячески фаршируя и нашпиговывая его; къ третьему году, слѣдовательно, ко времени, когда уже пора подумать о будущихъ выборахъ, рѣшили пользоваться этимъ матеріаломъ вплотную, уже безъ дальнѣйшихъ оговорокъ, какъ элементомъ, успѣвшемъ достаточно опредѣлить свою политическую пригодность для цѣлей „оппозиціи".

Планъ очень несложенъ: пользуясь тѣмъ, что правая группа Думы, чувствуя себя обиженной центромъ, рѣзко нападаетъ на него, учитывая и то, что болѣе умѣренные члены центра ничего такъ не боятся, какъ скандаловъ, и потому легко растериваются, „оппозиція" старается не упустить ни одного случая чтобы увлечь за собой „лѣвыхъ октябристовъ". Такимъ путемъ между ними создаются точки соприкосновенія. Остается, слѣдовательно, сдѣлать послѣдній шагъ: перестроить свои ряды такъ, чтобы создавалось впечатлѣніе нѣкотораго равненія кадетской группы на право.

Чтобы точнѣе опредѣлить, въ чемъ тутъ

дѣло, приведемъ полностью резолюціи послѣдняго кадетскаго съѣзда. Онъ имѣлъ мѣсто въ Петербургѣ, въ ноябрѣ, въ моментъ, когда по вопросу о неприкосновенности личности „лѣвые октябристы" держали выпускной экзаменъ на званіе „отличныхъ конституціоналистовъ и истинно культурныхъ прогрессистовъ".

Вотъ эти резолюціи:

„1. Дезорганизованность общественныхъ силъ и затяжной характеръ политическаго кризиса понуждаютъ русскія политическія партіи къ усиленнымъ поискамъ соціальнаго базиса. Правые пытаются создать его искусственно, центръ готовитъ это въ будущемъ, оппозиція — *въ настоящемъ,* но *организованной связи съ населеніемъ установить не можетъ.* 2. Оторванность партій отъ населенія имѣетъ послѣдствіемъ полную неустойчивость политическаго положенія въ правительствѣ и Государственной Думѣ и дѣлаетъ положеніе зависимымъ отъ случайныхъ и внѣшнихъ толчковъ. Правыя партіи при этомъ равняются по правительству, лѣвыя—по настроенію страны, центръ колеблется между той и другой тенденціей. 3) Подготовка новаго большинства и *внѣшнее полѣвѣніе центра* составляютъ главныя черты думской партійной конъюнктуры настоящаго момента. 4) Борьба по конституціоннымъ вопросамъ при этихъ условіяхъ выдвигается на первый планъ и должна быть ведена оппозиціей въ союзѣ съ *буржуазнымъ конституціонализмомъ центра.* Въ соціальныхъ вопросахъ *оппозиція встрѣчаетъ въ отдѣльныхъ случаяхъ поддержку демократическаго монархизма правыхъ* и крестьянъ, но постоянной политической комбинаціи основать на этихъ положеніяхъ не должно. По національ-

нымъ вопросамъ оппозиція останется на своей принципіальной позиціи — *гражданскаго равенства и правъ отдѣльныхъ національностей*, хотя въ этой области едва ли можетъ разсчитывать на соглашеніе, въ виду того, что *національзмъ является очереднымъ, вновь освѣженнымъ лозунгомъ центра и правыхъ*, расколовшихся въ вопросахъ конституціонныхъ и соціальныхъ. 5) *Совмѣстная дѣятельность оппозиціонныхъ группъ въ Государственной Думѣ есть существующій фактъ*, но формальное объединеніе оппозиціи на опредѣленной платформѣ встрѣчаетъ серьезныя затрудненія и не вызывается непосредственной практической надобностью. При этихъ условіяхъ, сохраненіе партійной физіономіи, пріобрѣтенной въ моментъ революціи и реакціи и отчетливо обрисовавшейся на послѣднихъ дополнительныхъ выборахъ, должно оставаться основной директивой партійной тактики въ Государственной Думѣ и служить основаніемъ для партійной пропаганды въ странѣ, въ ожиданіи общихъ выборовъ. 6) Въ предѣлахъ настоящей сессіи главными задачами фракціи является введеніе въ планъ ближайшихъ работъ Государственной Думы поставленныхъ уже на очередь вопросовъ конституціонныхъ, соціальнаго законодательства и народнаго образованія. Постановка на очередь вопроса мѣстнаго самоуправленія, *защита принципа равноправія народностей и государственная автономія Финляндіи*, сбалансированіе росписи безъ дефицита съ цѣлью устраненія займа".

Шумный фонтанъ словъ—попробуемъ разобраться въ этомъ словоизверженіи. Рисуется слѣдующая картина: страна переживаетъ политическій кризисъ и при томъ затяжной, такъ

какъ, не смотря на всѣ старанія кадетовъ добиться власти, они, какъ сидѣли, такъ и продолжаютъ сидѣть у разбитаго корыта; ни одной партіи не на что опереться, но, конечно, настроеніе страны—самое лѣвое. Это послѣднее обстоятельство ясно уже изъ того, что, сколько ни стараются кадеты пустить корни въ населеніи, имъ это не удается. (Хороша, отмѣтимъ кстати, логика!) Но есть еще Дума; тамъ происходитъ общая перестройка, а, главное, тамъ наблюдается готовность центра, который, въ отличіе отъ кадетскаго революціоннаго конституціонализма, объявляется выразителемъ „конституціонализма буржуазнаго“, такъ сказать—плохонькаго, второстепеннаго,—пойти значительно влѣво. Существуютъ три группы вопросовъ: соціальные (для привлеченія массъ), чисто конституціонные (борьба за власть) и національные (уплата по инородческимъ векселямъ). Существуютъ поэтому и три вида тактики: по вопросамъ, разсчитаннымъ на массы, иногда могутъ помочь крайніе лѣвые, а иногда крайніе правые; ни съ тѣми, ни съ другими кадетамъ, конечно, не сговориться, но использовать надо и тѣхъ и другихъ, хотя въ общемъ, какое дѣло кадетамъ до соціальныхъ вопросовъ. Это — вопросы агитаціонные и они только и полезны, какъ таковые. Вопросы національные— тутъ приходится разсчитывать исключительно на себя и на крайнихъ лѣвыхъ съ разными отдѣльными инородческими группами. Центръ съ этой точки зрѣнія неприступенъ, такъ какъ въ настоящую минуту національзмъ есть „очередной, вновь освѣженный лозунгъ“. Это значитъ: само по себѣ національное чувство — двѣ копѣйки ему цѣна, но ничего не подѣлать, разъ

на данномъ вопросѣ „уступки" не будетъ. Остаются вопросы „конституціонные" т. е. тѣ, которые массѣ вовсе не интересны, но на которые центръ ловится легче всего, а между тѣмъ это именно тѣ вопросы, которые составляютъ самую сущность кадетского похода за властью. Тутъ „внѣшнее полѣвѣніе центра" должно пригодиться. Въ прежніе годы, отправляясь въ походъ за властью, кадеты сѣдлали лѣваго осла. Теперь, когда на лѣвомъ ослѣ можно развѣ только въ непроходимое болото залѣзть, настало время осѣдлать центръ. Тѣмъ болѣе, что лѣвый флангъ этого послѣдняго такъ и рвется въ бой.

Чѣмъ, спрашивается, въ данномъ случаѣ рискуетъ „оппозиція"? Рѣшительно ничѣмъ. Отъ нея, конечно, требуютъ кое-какихъ уступокъ. Но все это такія уступки, о которыхъ и говорить не стоитъ. Главнымъ образомъ по земельному вопросу. Дѣти! Да „оппозиція" такъ завязла въ этомъ вопросѣ, что охотно пошла бы на линію отступленія и даромъ, а не только на извѣстныхъ условіяхъ. Земельный вопросъ—ея кошмаръ. И затѣяла-то она борьбу на этомъ вопросѣ, какъ и вообще на всѣхъ соціальныхъ вопросахъ, исключительно съ агитаціонной цѣлью. За то теперь, если бы ей удалось такъ задешево осѣдлать центръ, она получила бы возможность вести борьбу за власть уже въ новомъ составѣ и при томъ такъ, что всѣ пораженія падутъ на голову центра, а всѣ побѣды—въ карманъ кадетскаго содружества.

Отмѣтимъ послѣднюю подробность: имѣются еще вопросы чисто революціонные. По этому поводу вышеприведенная резолюція кадетскаго

съѣзда выражается нѣсколько аллегорически. Не отрицается, что „совмѣстная дѣятельность оппозиціонныхъ группъ", т. е. кадетовъ, соціалистовъ-пропагандистовъ, и соціалистовъ-бомбистовъ, является реальнымъ фактомъ. Но эта „совмѣстная дѣятельность" должна, по мнѣнію кадетовъ, вестись такъ, чтобы отъ кадетовъ не требовали болѣе рѣшительныхъ дѣйствій, чѣмъ, напримѣръ, рѣчи г. Родичева, сочувственныя замѣтки въ кадетскихъ листкахъ, нѣкоторыя денежныя пожертвованія и, наконецъ, организованное укрывательство. „Формальное объединеніе" въ данную минуту—вещь невозможная. А, въ сущности, она, какъ говорятъ сами же кадеты, „не вызывается и практической необходимостью". Точнѣе „практическая необходимость" не позволяетъ сейчасъ заключить этотъ формальный союзъ. Центръ не согласился бы при такомъ союзѣ дать осѣдлать себя. Пусть бомбисты работаютъ въ нѣкоторомъ отдаленіи; все равно кадеты будутъ помогать имъ чѣмъ могутъ; но вотъ, когда, взгромоздившись на центръ, они вновь потянутъ руки къ власти, тогда... О, тогда крайнимъ лѣвымъ они дадутъ по рукамъ, а центру... Ему по головѣ...

Такова новая планировка. Осуществлять ее уже начали, для чего даже отказались отъ своего комитетскаго главы князя Долгорукова, котораго замѣнили г. Петрункевичемъ. Въ нашей «Правдѣ о кадетахъ» мы такъ писали о немъ: «это не просто г. Петрункевичъ, а самъ г. Петрункевичъ» происходящій по женской линіи отъ гетмана Мазепы и по женской же линіи владѣющій огромнымъ имѣніемъ, великолѣпными конюшнями, и располагающій возможностью

пользоваться роскошнымъ замкомъ на южномъ берегу Крыма. Это—основной запасный магазинъ кадетской «практики жизни», олицетвореніе кадетской административно-полицейской находчивости и изворотливости, опытный проводникъ партіи по узкой-узкой тропинкѣ, отдѣляющей явно запрещенное отъ явно недозволеннаго. Партія относится къ нему съ большимъ уваженіемъ, какъ къ человѣку, который не дастъ увлечь себя пустяками, но и не помѣшаетъ другимъ увлекаться, если только этимъ онъ можетъ сохранить личное равновѣсіе. Онъ много лѣтъ шелъ такимъ путемъ и знаетъ всѣ его подводные камни и мели не хуже, чѣмъ англійскій лоцманъ знаетъ выходы изъ своего пролива».

Съ тѣхъ поръ онъ сталъ еще опытнѣе. Особенно послѣ того, какъ пришлось противъ воли съѣздить въ Выборгъ, а потомъ ломать себѣ ключицу, чтобы отсрочить сидѣніе въ Крестахъ и тѣмъ не менѣе все таки получить свою порцію. Ужъ если этотъ убѣленный сѣдинами потомокъ Мазепы не съумѣетъ осѣдлать „лѣвыхъ октябристовъ“, то, очевидно, кадетамъ больше не на кого разсчитывать.

Курьеза ради, отмѣтимъ первый дебютъ новаго кадетскаго владыки: его сынъ, шедшій всегда лѣвѣе своего отца, въ текущемъ году вновь избранъ Новоторжскимъ предводителемъ дворянства; какъ только стало извѣстнымъ, что для уловленія центра, рѣшено „правѣть“ началъ съ того, что объявилъ себя „убѣжденнымъ сторонникомъ“ указа 9 Ноября.

Это ли не восхитительно! Остается теперь ждать, чтобы молодой Бакунинъ, еще такъ недавно кричавшій, что онъ съ удовольствіемъ

пожалъ бы руки убійцъ Слѣпцова и гр. Игнатьева, подписалъ сто рублей на учрежденіе національнаго клуба.

Но довольно. Линія поведенія вполнѣ ясна, цѣли ясны не менѣе, объ остальномъ позаботится время. Мы пишемъ исторію, а не занимаемся предсказаніями. Если центръ дастъ осѣдлать себя, онъ лишь оправдаетъ старую итальянскую поговорку: „лучше итти пѣшкомъ, чѣмъ чтобы на тебѣ ѣздили“.

Кстати, напомнимъ, что всего лишь полгода тому назадъ мы не слыхали изъ устъ „оппозиціи“ ничего иного, кромѣ самой рѣзкой и грубой брани по адресу третьей Думы вообще и по адресу думскаго центра въ частности. „Дума господская, стариковская, помѣщичья и къ тому же состоящая изъ лицъ малообразованныхъ“—вопили на всѣ лады кадетскія газеты. Какъ всегда, онѣ, конечно, самымъ безцеремоннымъ образомъ лгали, но дѣло не въ этомъ. Если Дума вообще, а центръ въ частности, состоятъ изъ лицъ, о которыхъ можно дѣлать такіе отзывы, какъ, спрашивается, объяснить столь неожиданный поворотъ? Гдѣ-же принципіальность? Гдѣ сила убѣжденія? Развѣ не ясно, что одна очередная ложь замѣнена тутъ лишь другой очередной ложью?

Чтобы показать, какъ грубо лгали дѣлатели „оппозиціи“, давая составу третьей Думы подобныя опредѣленія, попробуемъ сравнить составъ этой Думы съ составомъ той, которой особенно гордятся кадеты, не безъ основанія видя въ ней наивысшее выраженіе своего партійнаго величія и блеска. Мы имѣемъ въ виду, конечно, первую Думу. Въ ея составѣ имѣлось 42, 1% лицъ съ высшимъ образованіемъ, а среди

остальныхъ, не имѣвшихъ образовательнаго ценза, двое были неграмотны. Въ третьей Думѣ лицъ съ высшимъ образованіемъ-49,1°|₀, съ среднимъ—26°|₀, а неграмотныхъ ни одного. Такъ какъ университеты и гимназіи у насъ и для кадетовъ, и для октябристовъ, и для правыхъ, одинаковы, то, очевидно, говорить о сравнительно большей просвѣщенности состава первой Думы уже никакъ не приходится. Но и это не все: изъ состава центра третьей Думы 53,5°|₀ имѣютъ дипломъ высшихъ учебныхъ заведеній; изъ состава „оппозиціи“ дипломами обладаютъ только 35°|₀. Это ужъ и вовсе неудобныя для „оппозиціи“ цифры.

Но, быть можетъ, „оппозиція“ права, когда увѣряетъ, что третья Дума—господская Дума, понимая подъ этимъ Думу съ преобладаніемъ помѣстнаго дворянства? И это не такъ. Въ составѣ первой Думы было 36,7°|₀ дворянъ, въ составѣ третьей Думы—45,8°|₀, но помѣстныхъ дворянъ всего 86 человѣкъ. Распредѣленіе же дворянъ по отдѣльнымъ группамъ показываетъ, что на долю „оппозиціи“ приходится 34°|₀ дворянъ, а на долю правыхъ—всего 12,1°|₀ дворянъ.

Въ общемъ, въ составѣ третьей Думы уменьшился процентъ крестьянъ. Въ первой Думѣ, напримѣръ, крестьяне составляли 45,5°|₀. Но больше половины этого числа приходилось на долю такихъ „крестьянъ“, какъ Аладьинъ, Аникинъ и имъ подобные, т. е. лицъ, ничего общаго съ крестьянами не имѣвшихъ.

Наконецъ о возрастѣ. Въ третьей Думѣ на долю лицъ въ возрастѣ отъ 30-60 лѣтъ приходится 88°|₀, а въ первой Думѣ—89,6°|₀. Слѣдовательно, никакой такъ называемой „сеніоризаціи“ Думы нѣтъ и въ поминѣ. Лѣвое крыло

Думы, какъ и теперь, такъ и въ предыдущихъ составахъ, одинаково моложе центра. Кадеты же, наоборотъ, даже постарѣли. Въ третьей Думѣ ихъ средній возрастъ равнялся 43 годамъ, а въ первой Думѣ онъ былъ меньше 41 года. Средній возрастъ центра—48 лѣтъ. Какая же это „сеніоризація"?

Просто на просто „оппозиція", сравнительно съ первой Думой, потеряла 228 мѣстъ. Причина вполнѣ достаточная, чтобы сердиться и обвинять правительство въ подтасовкѣ думскаго состава, а самый составъ Думы во всевозможныхъ недостаткахъ. Потеря 228 голосовъ должна казаться тѣмъ чувствительнѣе, что отдѣльныя группы „оппозиціи", если сравнивать съ первой Думой, выиграли 44 мѣста: прогрессисты—30, мусульмане — 5, соціалъ-демократы—9. Слѣдовательно, огромная потеря пришлось на долю кадетовъ, трудовиковъ и чистыхъ бомбистовъ.

Третья Дума, сравнительно съ первыми двумя, является лишь болѣе русской Думой. Но это вѣдь совсѣмъ другой вопросъ. Кадетамъ такой фактъ, конечно, также непріятенъ, но не станутъ же они доказывать, что русская Дума непремѣнно должна быть инородческой. Въ первой Думѣ, при 75,8% русскихъ, было лишь 59% великороссовъ, а въ третьей Думѣ, при 86% русскихъ, 74% приходится на долю великороссовъ. Тѣмъ не менѣе, и въ третьей Думѣ имѣются представители отъ 16 народностей. Въ первый Думѣ были представители отъ 17 народностей. Разница, какъ видите, небольшая. Наконецъ, еще штрихъ: на правомъ крылѣ нѣтъ ни одного инородца, въ центрѣ—18 инородцевъ, а въ небольшомъ лѣвомъ крылѣ—46 инородцевъ.

Задача для дѣтей младшаго возраста: ктс именно является основной силой „оппозиціи"?

Итакъ, совершенно ясно, что обвиненія, предъявлявшіяся къ третьей Думѣ, какъ къ Думѣ искусственной, какъ къ Думѣ какого то особаго состава, будто бы во всѣхъ отношеніяхъ отличающагося отъ состава Думѣ, собранныхъ по старому избирательному закону, не только тенденціозны, но и завѣдомо ложны. Поправѣла страна ко времени избранія третьей Думы, иными глазами взглянуло населеніе на пережитыя событія, и, въ результатѣ, въ законодательное учрежденіе были посланы иные представители. Составъ же этихъ представителей не только не хуже составовъ первыхъ Думъ, но и лучше, ибо онъ и болѣе образованный, и болѣе русскій. Если же говорить собственно о дѣловой сторонѣ вопроса, то въ пользу третьей Думы свидѣтельствуетъ и наличность въ ея составѣ значительнаго числа весьма подготовленныхъ дѣловыхъ людей. Въ первой Думѣ преобладали фразеры, во второй — хулиганы, въ третьей—люди большого жизненнаго опыта и спеціальной подготовки.

Все это оттѣняетъ высказанную нами мысль: „оппозиція" сознательно лгала, когда бросала грязью въ третью Думу; стала же она примиряться съ третьей Думой, когда ей показалось, что есть возможность обойти думскій центръ обходнымъ движеніемъ справа. Но тутъ необходима поправка: искренно „примириться" съ третьей Думой „оппозиція" не собирается и не собиралась. Рѣчь идетъ совсѣмъ о другомъ: принимается видъ примирившихся, чтобы тѣмъ удобнѣе было обмануть думскій центръ.

XI.

Къ концу года, въ теченіе послѣднихъ недѣль передъ рождественскими каникулами, „оппозиція“ по разнымъ случаямъ ставила національный вопросъ. Каждый разъ она встрѣчала самый рѣшительный отпоръ со стороны думскаго большинства. Однажды дѣло чуть даже не дошло до драки.

Неудачи, однако, не останавливали „оппозицію“. Конечно, не очень пріятно выслушивать то, что приходилось выслушивать всѣмъ этимъ Милюковымъ, Родичевымъ, Маклаковымъ и К°; но у кадетовъ имѣются обязательства, и серьезныя обязательства. Они много серьезнѣе, чѣмъ, можетъ быть, кажутся. „Оппозиція“ можетъ отказаться отъ нихъ не иначе, какъ при условія окончательно закрыть свою лавочку.

Что такое русская національная идея для „оппозиціи“? Это—смертный приговоръ всѣмъ инородческимъ домогательствамъ. Съ того момента, какъ „оппозиція“ признаетъ, что русскій народъ, дѣйствительно, есть нація, одна имѣющая въ своемъ государствѣ неограниченное право на самоопредѣленіе, она признаетъ и то, что право на самоопредѣленіе другихъ національностей, живущихъ въ предѣлахъ русскаго государства является, уже неполнымъ, не только не безусловнымъ, но и ограниченнымъ и при томъ ограничиваемымъ интересами русской національной идеи. Кто же изъ инородцевъ, спрашивается, дастъ „оппозиціи“ при такихъ условіяхъ хоть мѣдный грошъ? Надо вѣдь войти въ положеніе инородцевъ, вѣрнѣе—тѣхъ сооб-

ществъ, которыя держатъ въ своихъ рукахъ нити инородческаго натиска противъ русской государственности. Имъ нужны только такіе дѣятели, которые выражали бы готовность отстаивать стремленія, полезныя, интересныя, важныя не для русскаго государства, а полезныя, интересныя, важныя для тѣхъ, кто ведетъ борьбу противъ русскаго государства. Иначе за что же они будутъ платить деньги? Финляндцамъ нужно признаніе особой государственности, армянамъ нужно владычество надъ Кавказомъ, евреямъ—равноправіе, полякамъ—автономія привислинскихъ губерній и ополяченіе всего западнаго края. Каждое изъ этихъ стремленій въ отдѣльности, тѣмъ болѣе всѣ они, взятыя вмѣстѣ, бьютъ русскую государственность въ самое сердце. Какимъ туманомъ ни окружать перечисленныя домогательства, ихъ истинная природа очевидна.

Вопросъ, слѣдовательно, ставится совершенно опредѣленно: „вотъ, господа изъ „оппозиціи“ то, къ чему стремимся мы, инородцы; желаете защищать — получайте деньги, наши голоса на выборахъ, наши симпатіи; не желаете—на насъ въ такомъ случаѣ не разсчитывайте“. И это, замѣтимъ кстати, дѣлается не какъ нибудь иносказательно, а именно такъ просто, какъ, напримѣръ, просто дѣлается это въ любой лавочкѣ: у однихъ товаръ, а у другихъ деньги; приходятъ и покупаютъ.

Не будемъ указывать точныя суммы, такъ какъ это вѣдь и неважно. Но вотъ безусловные факты: на выборы въ третью Думу кадеты получили деньги отъ евреевъ и поляковъ; выборы г. Кутлера въ Петербургѣ были устроены, главнымъ образомъ, на деньги евреевъ и фин-

ляндцевъ. За агитацію въ пользу Финляндіи кадеты получили особо.

Деньги деньгами, но есть еще видъ платы, который не менѣе существенъ, чѣмъ деньги. Это—готовность оказывать всяческое содѣйствіе путемъ демонстрацій, печатнаго слова, пропаганды. Попробуй, напримѣръ, какой нибудь благоразумный полякъ отступить отъ требованій польскаго шовинизма—со свѣта сживутъ кагаломъ.

Тутъ организація, тутъ плотная ткань, которая облѣпляетъ всѣхъ и каждаго, очутившагося въ этомъ подломъ кругѣ, и выбраться оттуда, разъ кто нибудь уже залѣзъ туда, рѣшительно невозможно.

Идетъ торговля русскими государственными задачами, наглая, неприкрываемая. Все простится „оппозиціи", но малѣйшее ея колебаніе въ этихъ вопросахъ не простится никогда и ни за что. А колебаніями называется тутъ даже робкая попытка хоть что нибудь выговорить въ пользу русской національной идеи. Напримѣръ, хотя бы та невинная попытка, которая была сдѣлана авторами сборника „Вѣхи". Что собственно они сказали? Только то, что и русскій народъ можетъ имѣть свое національное лицо. Но болѣе того. А какъ отнеслись къ этому всѣ Пейсаховичи, Пшепенды и Пакостницеры, стоящіе на самыхъ вершинахъ „оппозиціоннаго" общественнаго мнѣнія? „Измѣна!"—завопили они на всѣ голоса.

Такимъ образомъ г. г. Милюковъ, Родичевъ и Маклаковъ, когда они взбѣгаютъ на каѳедру съ цѣлью сдѣлать „заявленія", направленныя противъ русской національной идеи, отлично знаютъ, что имъ придется тутъ-же, немедленно,

такъ сказать—на мѣстѣ преступленія, пережить рядъ горькихъ минутъ. Но они не могутъ поступить иначе, ибо они запродались и въ этомъ отношеніи давно уже не принадлежатъ себѣ. При малѣйшемъ стремленіи уклониться отъ пути, указаннаго тѣми, кто ихъ купилъ, они теряютъ всякую почву подъ ногами. Ихъ положеніе въ этомъ смыслѣ прямо трагическое: имъ только и остается, что идти до конца. Правда, будущее не сулитъ особыхъ утѣхъ, но отступать назадъ ужъ совершенно невозможно. Назади—пропасть.

Какъ, однако, сами они смотрятъ на свое будущее? Разсуждаютъ они такъ: конечно, вначалѣ многіе будутъ шокированы ихъ стремленіями отстаивать инородцевъ, но русскіе націоналисты скоро сами себя дискредитируютъ крайностями; кромѣ того, русскій человѣкъ не отличается упорствомъ; если же и имѣются упорные, то они обыкновенно принадлежатъ къ типу столь безпокойныхъ и мало культурныхъ людей, что, пожалуй, ихъ упорство только раздражитъ общественное мнѣніе. Въ концѣ концовъ, слѣдовательно, произойдетъ своего рода эволюція: одни привыкнутъ къ мысли о томъ, что не такъ страшны инородцы, какъ ихъ малюютъ, другіе же просто, по русской привычкѣ, махнутъ на весь этотъ вопросъ рукой. Тѣмъ временемъ инородческая поддержка уже не будетъ такъ остро нужна „оппозиціи", какъ въ настоящую минуту, и тогда самъ собой опредѣлится моментъ, когда будетъ уже нетрудно изловчиться и устроиться такъ, чтобы и капиталъ пріобрѣсти, и невинность соблюсти. Иными словами: лишь бы сейчасъ продержаться, а тамъ видно будетъ...

И здѣсь, слѣдовательно, какъ и во всемъ, руководящимъ правиломъ является стремленіе использовать существующія въ странѣ теченія для темныхъ партійныхъ цѣлей. И здѣсь, какъ и во всемъ, осуществляется лишь извѣстный планъ и при томъ съ такимъ разсчетомъ, чтобы публикѣ ничего не было извѣстно, чтобы тѣмъ, кого стремятся использовать, была понятна только часть плана и чтобы, въ концѣ концовъ, создалась возможность обмануть всѣ заинтересованныя стороны одинаково. Можно сказать поэтому, что, когда г. Милюковъ или г. Маклаковъ распинаются въ пользу евреевъ или поляковъ, или финляндцевъ, то, конечно, они первые были бы очень смущены, если бы имъ сказали: хорошо, будь по вашему. Они первые испугались бы послѣдствій того порядка вещей, который они отстаиваютъ съ такимъ азартомъ. Но, съ другой стороны, они не менѣе испугались и тогда бы, если бы къ нимъ вдругъ пришли инородцы и сказали: „господа, мы слагаемъ оружіе!“ Что для нихъ важно? Не дѣйствительныя права инородцевъ, но та горячность, то раздраженіе, съ которыми инородцы отстаиваютъ свои домогательства. Имъ важна атмосфера недовольства, имъ важенъ тотъ шумъ, который они могутъ дѣлать около вопроса, имъ важно то, что такъ или иначе, но и они на кого-то опираются. Они опираются на комокъ, состоящій изъ ядовитыхъ змѣй различныхъ породъ, но ихъ эти змѣи пока не кусаютъ. За то эти змѣи такъ и шипятъ на всѣхъ ихъ враговъ. Какая обворожительная картина!..

О такихъ, какъ г.г. Милюковъ и Родичевъ, говорить не будемъ. Г. Милюковъ—директоръ и распорядитель того коммиссіоннаго товарище-

ства, которое предлагаетъ инородцамъ услуги „оппозиціи", въ обмѣнъ на наличныя и на другіе знаки симпатій. Что же касается г. Родичева, то съ подобнаго дѣятеля, очивидно, и требовать нечего. Въ тѣ немногіе часы, когда онъ владѣетъ своими чувствами, онъ, вѣроятно, и самъ конфузится при мысли, что, пожалуй, наканунѣ наговорилъ невѣдомо какихъ пустяковъ. Но какъ не стыдно г. Маклакову? Онъ—коренной москвичъ, ученикъ покойнаго Плевако, вышелъ изъ такой среды, которая могла либеральничать безъ конца, но ни при какихъ условіяхъ не допускала мысли о томъ, что можно торговать Россіей, русскимъ чувствомъ, русской государственной идеей. Въ качествѣ масона, г. Маклаковъ, конечно, долженъ былъ поступиться многимъ изъ того, что, въ дѣйствительности, близко его московскому сердцу. Пусть и такъ. Но и для масона должна быть черта, дальше которой партійное насиліе посягать не смѣетъ. А вѣдь въ данномъ случаѣ всякая черта давно перейдена: цѣлая группа обратила себя въ прямыхъ содержанцевъ, кормящихся на деньги инородческихъ организацій, строящихъ ковы противъ родной земли, противъ родного народа. Неужели же и это принимаетъ масонская душа? Говорить передъ лицомъ всей Думы, обращаться черезъ головы членовъ Думы ко всему русскому люду и знать въ то же время, что говоришь не свои слова, а то, что приказываетъ Винаверъ или Мехелинъ, или панъ Тршиплюцкій, и сознавать въ то же время, что каждое произносимое слово имѣетъ скрытую цѣль обездолить русскихъ людей въ угоду Винаверу или Мехелину—неужели же и это принимаетъ масонская душа?

Вообще же говоря, господа, входящие въ составъ „оппозиціи“ въ кавычкахъ, оказали себѣ безспорно медвѣжью услугу, такъ опрометчиво раскрывъ свои карты по національному вопросу. Какъ ни какъ, но даже мягкотѣлаго, добродушнаго средняго русскаго интеллигента ничто не въ состояніи столь опредѣленно пробудить отъ его мечтательности и либеральныхъ грезъ, какъ брошенное ему въ укоръ указаніе, что онъ не русскій, а одинъ изъ инородцевъ. Между тѣмъ, вѣдь къ этому и только къ этому и сводится исповѣданіе, заявленное со скамей „оппозиціи“. Всѣ въ Россіи, согласно этому исповѣданію,—инородцы, но только каждый по своему называется. Одни называются поляками, другіе — евреями, третьи — финнами, четвертые малороссами, пятые—татарами, шестые—великороссами и т. д. до камчадаловъ и гиляковъ включительно. Россіи нѣтъ и никогда не было, а есть земля, занятая совокупносгью мелкихъ народцевъ, связанныхъ между собой... Да ровно ничѣмъ эти народцы не связаны, если не считать, что всѣ они одинаково должны обожать г. Винавера, буде, дѣйствительно, желаютъ пользоваться благами истинной, а не „казенной“ культуры.

Добродушный и мягкотѣлый средній русскій интеллигентъ любитъ прослыть идеалистомъ и потому довольно легко идетъ на всякую такую приманку, которая, ни къ чему лично его не обязывая, позволяетъ ему въ то же время сопричислять себя къ сонму свободныхъ мыслителей, не имѣющихъ намѣренія считаться съ авторитетами. Особенно же этотъ интеллигентъ не любитъ тѣхъ авторитетовъ, которые требуютъ отъ него серьезности, характера, вдумчивости

и труда. Но отрицать свое право смотрѣть на русскую землю, какъ на неотъемлемое историческое достояніе, но отказаться отъ своего права первородства въ пользу г. Винавера, но видѣть, что хотятъ унизить народъ-завоеватель, и все это для того, чтобы удобнѣе было проглотить его, — на это идутъ развѣ самые оголтѣлые, такіе, которые, въ силу ихъ личной недобросовѣстности, готовы продать не то что родной народъ, родную землю, но и родныхъ отца съ матерью. Подавляющее же большинство настораживается и говоритъ: „эге-ге, господа, такъ вотъ вы куда гнете!“ И, конечно, тутъ же проявляется исконная русская черта, въ силу которой середины вообще ни въ чемъ не полагается: только что повидимому, достаточно искренно вздыхали на тему, что, въ сущности, вѣдь и г. Винаверъ—человѣкъ, какъ уже слышится рѣзкій крикъ на тему, что давно пора вплотную принятся за вопросъ о засильѣ инородцевъ.

Иначе говоря, не только себѣ, но и инородцамъ, исповѣданіе, заявленное со скамей „оппозиціи“, оказало очень скверную услугу. Русское національное чувство, чтобы тамъ ни говорили желающіе, непремѣнно обратитъ его въ лютаго тигра, нисколько не мстительно и вообще не жестоковыйно. Во всякомъ случаѣ, оно отличается самымъ сердечнымъ миролюбіемъ и широкой терпимостью. Раздраженное и потому обострившееся, оно все-таки еще очень долго сдерживаетса. Но, конечно, нѣтъ такого добродушія, которое устояло бы передъ систематической, столь наглой, столь ни съ чѣмъ несравнимой провокаціей. Вотъ почему даже теперь, когда рус-

ское чувство оскорбляется съ такой циничной откровенностью, оно безспорно все еще сдерживается, точно бы надѣясь на то, что подлые оскорбители, можетъ быть, образумятся. Но тѣмъ не менѣе даже и теперь уже чувствуется, какъ опредѣленно повысилась общественная воспріимчивость, а, слѣдовательно, насколько хуже стало русское общество относиться ко всему, что такъ или иначе связано съ вопросомъ объ инородцахъ. Какихъ-нибудь пять лѣтъ тому назадъ ничего подобнаго не наблюдалось. Какъ ни какъ, но тогда можно было хоть поговорить на тему о томъ, каково въ дѣйствительности положеніе тѣхъ или иныхъ инородческихъ группъ. Теперь же настоящая буря общественнаго негодованія подымается всякій разъ, когда кто-нибудь, хотя бы даже въ самыхъ благонамѣренныхъ цѣляхъ, коснется вопросовъ, связанныхъ съ русской національной идеей.

Что же будетъ дальше? Руководители „оппозиціи" не прочь выказать увѣренность, что дальше будетъ по иному и будетъ именно такъ, какъ они того хотятъ, т. е, однимъ надоѣстъ весь этотъ вопросъ, другіе сознательно пойдутъ на уступки. Огромная ошибка! Наоборотъ. Разъ ужъ все дѣло поставлено такъ, что русскимъ людямъ предъявляютъ требованіе не быть русскими, то, очевидно, послѣдствіемъ можетъ быть лишь встрѣчное требованіе: пусть всѣ, кто живетъ въ Россіи, будутъ непремѣнно русскими. Тутъ ужъ звѣрь проснется, тутъ ужъ будетъ поставленъ вопросъ „быть или не быть", тутъ ужъ умолкнетъ не только наша излюбленная страстишка полиберальничать, но и сама логика.

Кого же должны за все это благодарить инородцы? Прежде всего, конечно, самихъ себя

за то, что довѣрились такимъ пустяковымъ людишкамъ, какъ вся эта „оппозиціонная" мелочь, милюковскаго типа, а затѣмъ, конечно, и эту «оппозиціонную» мелочь, которая такъ основательно потопила тѣхъ, кто имъ довѣрилъ свои интересы.

На этомъ кончаемъ. Къ какому же главному выводу приводитъ насъ все предшествующее изложеніе?

Къ одному: въ лицѣ «оппозиціи» въ кавычкахъ мы имѣемъ преимущественно темныхъ дѣльцовъ, враговъ русскаго государственнаго начала, враговъ русской націи, враговъ законности и порядка, эксплоатирующихъ склонность русскихъ людей къ идеализму, съ цѣлью добиться власти для опредѣленныхъ лицъ, для извѣстнаго кружка, для тѣснаго содружества политическихъ аферистовъ.

Никакой политической программы, тѣмъ болѣе—какихъ-либо соціальныхъ задачъ у этого содружества нѣтъ. Всѣ ихъ стремленія сводятся къ тому, чтобы такъ или иначе, на почвѣ любого изъ существующихъ вопросовъ, путемъ любого средства, произвести политическій переворотъ, который далъ бы имъ возможность захватить власть и раздѣлить ризы. Такъ какъ предполагается, что ризъ много, и ихъ хватитъ даже, если во время свалки произойдетъ форменный грабежъ, то пока заговорщики соглашаются пріобрѣтать союзниковъ и по весьма дорогой цѣнѣ. Все равно,—разсуждаютъ они, —

не своими платить, а изъ того же народнаго достоянія. Если бы, однако, заговоръ удался, ну, тогда, конечно, пришлось бы постепенно передушить своихъ соучастниковъ, одного за другимъ, и что послѣ нихъ останется прибрать постепенно къ своимъ рукамъ.

Жалкіе, они не понимаютъ, что они первые будутъ жертвой своего заговора, и что, если бы имъ, дѣйствительно, когда-нибудь удалось вызвать ту „вторую революцію", о которой они теперь столь сладостно мечтаютъ, то они первые были бы брошены подъ ноги озвѣрѣвшей революціонной улицѣ...

Страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ. Русская государственность пережила не только тушинскаго вора, но и нашествіе непобѣдимаго Наполеона. Ей ли бояться заговора, руководимого г.г. Милюковыми, Родичевыми, Маклаковыми и Винаверами. Въ сравненіи съ ними вѣдь даже тушинскій воръ представляется политическимъ геніемъ!..

